

3896
70

M¹
545

А. БОГДАНОВ.

801-14
346

НАЧАЛЬНЫЙ КУРС
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

(Введение в политическую экономию)

В вопросах и ответах.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ.

ОТДЕЛ ПЕЧАТИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. и К. Д.
МОСКВА—1919.

2012401495

МОСКВА—1919.

Типо-литография Русского Товарищества Печ. и Издательск. дела.
Чистые пруды, Мыльников пер., соб. дом. Тел. 12-35.

Предисловие к 3-му изданию.

Эта книжка в предыдущих двух изданиях называлась „Введение в политическую экономию“. Теперь она дополнена новыми отделами—о финансовом капитале, о государственном капитализме, о социализме; сделаны добавления относительно аграрного вопроса и др. Таким образом, она уже захватывает, хотя очень кратко и сжато, почти все главные вопросы политической экономии, и, следовательно, может рассматриваться, как маленький курс этой науки. Вот почему изменено ее заглавие.

ОТДЕЛ I.

Общие понятия.

I. ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ?

Что такое политическая экономия?

— Это—наука о строении общества, или, что то же самое, об его трудовой организации.

Что называется обществом?

— Буквальное значение слова таково: совокупность людей, имеющих между собой что-нибудь общее. В таком смысле это слово часто и употребляется, особенно в обыденной жизни; напр., когда говорят об обществах потребительных, научных, пожарных, певческих, о „светском обществе“ и т. под. Весьма нередко—в газетах же на каждом шагу—„обществом“, без всякого пояснения, называют совокупность высших и средних классов—помещиков, буржуазии, интеллигенции,—тех классов, которые обладают собственностью, образованием, влиянием; низшие же классы или „простой народ“, т.-е. крестьяне, ремесленники, рабочие, не причисляются сюда. Но в экономической науке берется иное значение слова, более точное и строгое: это совокупность людей, объединенных хозяйственной или, что то же, трудовой связью: тем, что одни работают заодно с другими, или тем, что одни работают на других. Тут подразумеваются сразу и высшие, и средние, и низшие классы, потому что если из них неко-

торые и не работают заодно с другими, то другие работают на них.

Как же велики размеры общества?

— В настоящее время можно считать, что почти все человечество образует одно общество: даже самые большие государства, с десятками и сотнями миллионов жителей, не живут всецело трудом этих жителей, а вывозят и ввозят массу продуктов, произведений труда; вывозят, т.-е. отдают свой труд жителям других стран, работают на них; ввозят, т.-е. получают для себя их труд. Хозяйственная связь людей охватывает весь мир.

Всегда ли так было?

— Нет, не всегда. Хотя человек никогда не мог существовать в одиночку, но вначале, в далекие от нас первобытные времена люди жили только маленькими общинами, и общины эти не имели между собой хозяйственной связи, а значит, были самостоятельными обществами. Первобытные общины являлись родовыми, т.-е. были, в сущности, огромными семьями, сначала в несколько десятков, а позже и в несколько сотен человек. Каждая такая община жила всецело своим трудом, сама добывала для себя все нужное для жизни, а с другими общинами либо не имела никаких отношений, либо, при случае, воевала с ними и грабила их. Но так было только в самые ранние эпохи. Потом стали возникать племенные союзы родственных друг другу общин, для совместной войны или охоты, что уже составляло некоторую трудовую связь. К этому постепенно прибавлялся взаимный обмен продуктами, когда одни общины производили в избытке одно, другие—другое. Затем обмен расширялся и укреплялся, превращался в постоянную торговлю не только между общинами, но и между разными племенными союзами, а потом и между разными народами; общины же изменяли свой вид, распадалась

на отдельные хозяйства, из них получались новые формы предприятий, напр., крупные поместья, фабрики, заводы и т. д. Создавались рынки областные, национальные, наконец, мировой рынок, т.-е. торговля между разными странами. Рынок и торговля означают не что иное, как именно то, что труд одних людей, в виде их продуктов, достается другим людям, и обратно, так что на деле обнаруживается их трудовая связь. Когда стал развиваться мировой рынок, эта связь, благодаря ему, и охватила постепенно почти все человечество.

Совершенно ли исчезли мелкие самостоятельные общины старых времен?

— Нет, не вполне. Кое-где, в далеких и отсталых уголках земли, сохранились еще дикие племена, живущие почти настолько же отдельно и независимо от остального человечества, как было в первобытную эпоху. Главным образом, по этим племенам и удалось выяснить, как жили наши предки в самые древние времена: никаких исторических преданий от тех времен, разумеется, не осталось; сохранились лишь кое-какие материальные следы—изредка находимые в земле скелеты, каменные орудия, осколки утвари; да еще филологическая наука открывает некоторые указания в строении языка у разных народов.

Можно ли считать нынешнее человечество с го мировым рынком за вполне единое общество?

— Нет, нельзя: оно все еще объединено только отчасти, где более тесной, а где более слабой связью. Более тесная связь имеется в пределах каждого государства в отдельности; а между государствами она не только более слабая, но иногда и до сих пор может на время совсем прекращаться, сменяясь войной, т.-е. взаимным истреблением и грабежом. Поэтому некоторые ученые считают даже, что общество—это и есть государство, и политическую экономию называют „национальной“

или „государственной“ экономией. Однако, такой взгляд неправилен: слабая трудовая связь есть все-таки связь; и к тому же она развивается, усиливается, так что разным странам все труднее обходиться друг без друга.

Что такое „трудовая организация“ общества?

— Это совокупность производственных отношений между людьми.

А что такое „производственные отношения“?

— „Производством“ политическая экономия называет общую трудовую деятельность людей, весь общественный труд. В этой деятельности люди необходимым образом становятся в те или иные отношения между собою. Напр., если требуется перенести бревно весом в десять пудов, превышающее силы одного человека, то необходимо соединение труда двух людей, если тяжесть будет в 100 пудов, то необходимо сотрудничество 20—30 человек, с присоединением к ним особого распорядителя. Если обществу требуется производить разнообразные и сложные продукты, то необходимо разделение труда, при котором одни лица, или хозяйства, или предприятия производят одни продукты, другие же производят другие продукты, и т. д. Вместе с тем необходимо, чтобы продукты труда одних могли присваиваться и потребляться другими, а также обратно, напр., посредством их обмена. Все такие различные отношения, в которые ставит людей производство, называются производственными отношениями.

Какие следует различать главные виды производственных отношений?

— Два главных вида: 1) отношения сотрудничества, 2) присвоения. Отношения сотрудничества состоят в том, что люди работают совместно или вообще заодно; таково соединение труда, таково разделение труда. Отношения

же присвоения состоят в том, что одни люди работают для других или на других. Таков, напр., обмен, при котором члены общества взаимно присваивают друг у друга продукты труда: если крестьянин и кузнец поменялись продуктами, то на деле выходит, что крестьянин часть своего времени работал для кузнеца, и наоборот. Другой пример—эксплоатация, при которой один присваивает себе то, что произвел другой, без взаимности, т. е. не отдавая в обмен соответствующего количества своего труда. Большая часть экономистов под „производственными отношениями“ понимает только отношения сотрудничества, а присвоение рассматривает особо, как-будто это другая область. Но мы видим, что и для сотрудничества, и для присвоения самая суть заключается именно в производстве; часто их нельзя и отделить одно от другого—напр., обмен от разделения труда: без разделения труда обмен немислим, потому что обмениваться нечем; а разделение труда между хозяйствами не имеет смысла, если они не обмениваются, так как портной не может обуваться платьем, а сапожник одеваться обувью. Поэтому сотрудничество и присвоение надо изучать в их неразрывной связи.

Почему производственные отношения образуют строение общества?

— Потому что без них общества и не было бы: именно они связывают людей в общество. Они отличаются необходимым характером: людям необходимо трудиться, чтобы общество могло жить, и необходимо соединять свою работу, чтобы она достигала своей цели, побеждала бы сопротивление природы, заставляла бы природу давать людям то, что им нужно. И так как производственные отношения составляют необходимую связь между людьми, то они и образуют основную связь, или, что то же самое, строение общества. Все дру-

гие отношения в обществе зависят от производственных. Напр., сотрудничество связывает рабочих между собою, а присвоение продукта капиталистами отделяет тех же рабочих от буржуазии; от э" о зависят и политические отношения, и ид"ые; в политике, в идеях рабочие тоже сближаются между собою, но сталкиваются с буржуазией, и т. под.

— Что означает самое название науки „политическая экономия“?

— Буквально, „экономия“ означает науку о хозяйстве, а „политическая“ — то же, что „гражданская“, оба слова греческие. Но греческое слово „гражданский“ здесь употреблено в смысле „общественный“ или „социальный“, а не только в смысле политических или правовых отношений. Точнее и яснее, вместо „политическая“, говорить „социальная“ экономия.

II. ПРОИЗВОДСТВО.

Всякий ли человеческий труд принадлежит к области производства?

— Нет, не всякий. В науке принято различать производительный труд, т.-е. принадлежащий к области производства, и труд непроизводительный.

Какое же различие между тем и другим?

— Экономисты до сих пор неодинаково понимают это различие. Одни называют „производительным“ только такой труд, который создает материальные, осязаемые продукты, а всякий иной считают „непроизводительным“. С этой точки зрения, производителем только физический труд крестьян, ремесленников, рабочих, да и то не всякий: труд рабочих перевозочной промышленности не создает нового материального продукта, и потому должен оказаться „непроизводительным“, — а

тем более всякий умственный труд, напр., работа распорядителей в предприятиях, учителей и т. под. Другие экономисты признают производительным всякий труд, который нужен обществу, не только физический, но и духовный; сюда подойдет и труд слесаря, и работа железнодорожного машиниста или трамвайного кондуктора, и деятельность распорядителя, и учительская, и т. д. Сюда, значит, не относится: во-первых, работа разрушительная, напр., выполняемая убийцей или грабителем; во-вторых, работа, которая просто не касается общества, напр., деятельность личного потребления, которая выполняется каждым отдельным человеком всецело в его интересах, или какая-нибудь игра в шахматы, и пр.—Мы выберем для себя именно это, второе понимание производительного труда, как более простое и удобное: труд производительный будет для нас означать то же, что труд общественно-полезный: политическая экономия есть основная наука об обществе, и для нее суть дела не в материальности или не-материальности результатов труда, а в его общественном или не-общественном характере.

Какие существуют основные условия производства, или его „элементы“?

— Элементы производства, это, во-первых, сам человек, именно, его рабочая сила, и, во-вторых, природа, — т.-е. внешние предметы и стихийные силы. Производство состоит в том, что общество, затрачивая рабочую силу в процессе труда, воздействует на природу в своих интересах, для поддержания своей жизни и для развития своей силы. Это — борьба общества с природою за существование и господство.

Что называется „средствами производства“?

— Все те предметы и силы природы, с которыми в производстве имеет дело рабочая сила; другими словами, орудия и материалы труда.

Что называется „орудием“ и что — „материалом“ труда?

— Орудие — то, чем работают, материал — то, над чем работают. В борьбе с природой, человек подчиняет ее себе; другими словами, он делает так, что некоторые внешние предметы и силы, измененные трудом, помогают ему справляться с сопротивлениями остальной природы, становятся как бы его союзниками против нее; такие союзники бывают живые, напр., рабочий скот, или „мертвые“, напр., разные инструменты, сила ветра, пара и т. п. Все это и есть орудия труда; они всегда так или иначе — продукты труда; напр., животных надо приручить и воспитать, чтобы они служили человеку, силу ветра или пара надо урегулировать, т.-е. уловить, поставить в рамки, направить; инструменты надо сделать, и пр. Материалы же, на которые человек действует в производстве, могут быть продуктом прежнего труда, напр., пряжа — материал для тканья, железо — для машиностроения; но они могут быть и просто произведениями природы, напр., руда или каменный уголь на месте их добывания.

Какие три разные стороны можно различить в производстве?

— Техническую, экономическую, идеологическую.

Что такое „техника“ производства?

— Это все те приемы и способы, которыми человек воздействует на природу в своих целях. Всего больше она характеризуется тем, какие орудия применяются в производстве. Так, техника первобытная отличается малым числом и крайней простотой орудий (первоначально даже только камень и палка); затем техника более развитая, но все-таки ручная, — орудия многочисленнее и сложнее, но попрежнему приводятся в движение прямо руками человека, напр., орудия ремесленни-

ка, крестьянина, рабочего мануфактур, лет триста тому назад; затем техника машинная, где рабочий инструмент приводится в движение не прямо руками, а при посредстве машины. Но, конечно, кроме устройства орудий, к технике относится и выбор материалов труда, и все способы пользоваться теми и другими.

В чем заключается сущность технической деятельности? Создает ли она нечто совершенно новое или нет?

— В производстве человек ничего не „создает“ в собственном смысле этого слова. Он только разделяет и заново в своих целях соединяет разные части внешней природы, получая новые их сочетания, — он организует природу для себя в своих интересах. Это особенно очевидно, если сравнить природу страны возделанной и культурной с какими-нибудь девственными лесами и степями.

Что такое „экономическая“ сторона производства?

— Это именно организация людей в производстве, т.-е. сотрудничество и присвоение. Техника есть отношение человека к природе, экономика — отношение человека к человеку в общественном труде. В технике общество организует для себя природу, в экономике оно само организуется.

Что такое „идеологическая“ сторона производства?

— Это — речь и мышление, как орудия, с помощью которых организуется производство. Например, всякое сотрудничество организуется не иначе, как посредством слов или других знаков, которые служат для указания каждому работнику его места и роли в общем труде. Самую работу нельзя организовать без помощи технического знания, т.-е. накопленных понятий и идей о свойствах орудий, материалов, о способах пользоваться этими свойствами. В своем тру-

де общество накапливает опыт и выражает его в словах и мыслях; затем он передается от человека к человеку, от поколения к поколению, сначала в виде обыденных знаний, сообщаемых устно, а затем и в более обработанной форме строгих научных знаний. Все эти знания и служат орудием для организации дальнейшего труда. Так, вся техника машинного производства справедливо называется „научною“, потому что она основана на точных науках, организована с помощью их указаний и методов.

Все ли стороны производства — его технику, экономик, идеологию, — изучает экономическая наука, или нет?

— Нет, она изучает специально экономик. Но так как все три стороны производства связаны неразрывно и зависят одна от другой, то для понимания экономики необходимо принимать в расчет обе другие стороны, — но именно настолько, насколько они имеют отношение к экономике, определяют собой ее особенности, вызывают в ней те или иные перемены, порождают ее развитие или препятствуют ему. Напр., паровая машина интересуется политическую экономик, вовсе не с той точки зрения, как устроены шатуны, клапаны, эксцентрики, а только с той, как эта машина, расширяя и ускоряя развитие капитализма, повлияла на общественные отношения людей в разных странах. Католическая религия сыграла важную роль в экономической жизни Европы; но для нашей науки имеют значение не сами по себе учения этой религии, напр., о безгрешном зачатии Богоматери, а то, что эта религия скрепляла и поддерживала старые, феодально-крепостные отношения, и мешала развитию новых, капиталистических. Вообще, и техникой, и идеологией политическая экономик должна иногда заниматься, но только со своей, экономической точки зрения.

Именно потому неверно прежнее, обычное определение политической экономик, что это — „наука об общественном хозяйстве“. К общественному хозяйству относится, конечно, и вся техника производства; но ее изучают отдельные, технические науки. Напр., вопросы о том, какое удобрение применять на какой почве, или какими способами добывать металлы из руд, принадлежат к области вопросов общественного хозяйства, но изучаются они агрономией (наукой о сельском хозяйстве), металлургией (наукой об обработке металлов), а отнюдь не политической экономией.

III. ТРУД И ЕГО ПРОДУКТ.

Как измеряется количество труда в производстве?

— Числом рабочих сил, длиной рабочего времени, напряженностью работы. Труд есть затрата энергии работников; понятно, что его получится тем больше, чем больше число людей, затрачивающих свою энергию, и чем дольше они делают это. Но каждый работник может, напр., за один час труда затрачивать больше или меньше своей энергии, работать более живо или более вяло; если он затрачивает больше энергии, то за час и успевает делать больше; если затрачивает меньше энергии, то и делает меньше; в первом случае труд его более напряженный или более интенсивный, во втором — менее напряженный, менее интенсивный. Обыкновенно работники более передовых по экономическому развитию стран работают напряженнее, чем работники более отсталых, напр., английский с теми же инструментами успевает за час сделать в два — два с половиной раза больше, чем русский, русский больше, чем китайский.

Что такое „качество“ труда?

— Человеческий труд преследует весьма раз-

личные цели, производит разные продукты, и при этом, понятно, сам бывает не одинакового характера. Работа кузнеца представляет совершенно иное сочетание усилий, чем работа крестьянина или сапожника. Это и означает, что труд бывает разного качества. В современном обществе имеются тысячи разных „специальностей“, и в каждой труд иного качества, чем в других.

Что такое „производительность“ труда?

— Это—степень его успешности. Чем больше продукта производится с одним и тем же количеством труда, тем выше производительность труда.

От чего зависит производительность труда?

— От обучения и умения работников, от орудий, а также от самой организации труда. Умелый с той же затратой сил и за такое же время сделает гораздо больше, чем неумелый, т.-е. будет работать „производительнее“. Но еще больше та разница, которая происходит от различия орудий. Стоит лишь сравнить, что мог выполнить первобытный дикарь с его каменным топором, и что может современный работник с его железным топором. Даже самый искусный ткач, работающий у себя на ручном станке, производит в десять раз меньше ткани, чем средний работник с усовершенствованным механическим станком на фабрике. Тут же видно и влияние организации труда: работать усовершенствованным орудием, а тем более машиной, человек может только потому, что другие люди произвели для него это орудие, эту машину. Но и помимо этого, сотрудничество разными путями повышает производительность труда. Уже в какой-нибудь первобытной охоте десять дикарей могли достигнуть не в десять, а, может-быть, в пятьдесят, во сто раз больших результатов, чем один дикарь в отдельности; без других он и вообще не мог бы бороться с наиболее сильными зверями, устраивать облаву на наиболее быстрых

и ловких и т. п. Разделение труда или „специализация“ работников постоянно увеличивает производительность работы; на этом была основана экономическая сила прежних мануфактур, которые применяли ручной труд, но дробили его на возможно мелкие специальности. Когда, напр., производство ножевых клинков разделено на отдельные операции между специалистами — литейщиками кузнецами, шлифовальщиками, точильщиками, и т. д., то на каждого в конце-концов придется во много раз больше приготовленных ножей в день, чем на ремесленника, делающего нож от начала до конца.

Высота производительности труда есть самая верная мера развития общества.

Что такое „трудовая стоимость“ продукта?

— Трудовая стоимость продукта, или точнее, его общественно-трудовая стоимость, есть именно то, чего продукт стоит обществу, во что он обществу обходится. Он стоит известного количества труда, известной затраты общественной энергии. Одинаковые продукты в одном и том же обществе имеют и одинаковую трудовую стоимость. Конечно, в разных предприятиях труд бывает в разной степени производительный, и даже между работниками одного предприятия в этом бывают различия, так что индивидуального, т.-е. личного труда в двух одинаковых продуктах может быть не одно и то же количество. Но политическая экономия рассматривает производство с общественной точки зрения, для нее трудовая стоимость, это—нормальное или среднее количество труда, которое в данном обществе требуется для производства продукта, другими словами—общественно-необходимое.

Чем же измеряется трудовая стоимость?

— Рабочим временем, которое нормально идет на производство продукта, и напряженностью ра-

боты. Напр., если один продукт стоит 5 часов труда средней интенсивности, а другой 10 часов труда повышенной вдвое интенсивности, то второй имеет стоимость в 4 раза больше. При этом для расчета всякую интенсивность, которая больше или меньше средней, сводят к этой средней, и считают, что стоимость второго продукта не 10, а 20 часов общественного труда.

Но как сравнивать стоимость разных продуктов, когда труд, которым они произведены, бывает различного качества, напр., труд крестьянина, сапожника, механика и т. под.?

— Труд разного качества бывает более сложный или менее сложный. Так, работа токаря сложнее, чем крестьянина, работа часовщика еще сложнее, и т. д. Если она сложнее, то она и представляет более значительную затрату энергии, как если бы она была более напряженной работой; не-даром она требует предварительного обучения, иногда очень долгого. Наименее сложный производственный труд, какой существует в данном обществе, мы будем называть простым трудом. Тогда всякий сложный труд должен сводиться к простому путем некоторого умножения; напр., 1 час работы токаря равняется, может-быть, 2 часам простого труда, а 1 час работы часовщика—3 часам простого труда. Общественную стоимость любого продукта этим способом возможно выразить всю в часах простого труда; тогда стоимости делаются сравнимы по величине, хотя в них и входит труд разного качества.

Какая связь между производительностью труда и трудовой стоимостью продукта?

— Чем выше производительность труда, тем ниже трудовая стоимость продукта, и наоборот; в математике такая связь называется „обратной пропорциональностью“. Напр., если каждый аршин полотна заключает в себе два часа простого труда

(т.-е. труда равных работников, сведенного вычислением на простой труд), и если затем, благодаря каким-нибудь усовершенствованиям, машинам и т. п., производительность труда возросла тут вдвое, то это значит, что за столько же, как прежде, рабочих часов впредь будет готовиться двойное число аршин полотна, и каждый аршин будет иметь трудовую стоимость, равную лишь одному, а не двум часам.

Что называется „потребительной ценностью“ продукта?

— Это его полезность, пригодность для потребления. Продукт служит для удовлетворения какой-нибудь потребности общества, иначе общество не стало бы его производить. При этом дело идет не только о личных потребностях членов общества, потребностях, которые удовлетворяются, напр., хлебом, мясом, одеждой и т. п., но также о потребностях производства. Смазочное масло, железо, кирпич,—не „предметы потребления“ в обычном смысле слова; но они необходимы для производства очень многих других продуктов, которые в свою очередь нужны обществу либо для личного потребления его членов, либо для производства предметов личного потребления. Поэтому все эти продукты и имеют „потребительную ценность“, т.-е. общественную полезность.

Как же следует понимать отношение между трудовой стоимостью и потребительной ценностью?

— Это два общественных свойства продукта, неразрывно в нем между собою связанные, и в то же время взаимно противоположные. Трудовая стоимость есть то, чего продукт стоит обществу, потребительная ценность—то, что он обществу дает. На продукт затрачивается общественная энергия: это его стоимость; затем продукт удовлетворяет общественную потребность, т.-е. поддерживает и увеличивает жизненную энергию

общества, пополняет ее затраты: это потребительная ценность. Всякая жизнь, не только общества, но и любого организма—животного, растения—имеет двусторонний характер: живое существо тратит свою энергию в окружающий мир, напр., в виде работы, или в виде изнашивания своих тканей, или в виде потери тепла; а взамен оно усваивает себе энергию извне, напр., в виде питания. Так и человек, и общество: в производстве тратит энергию, в потреблении усваивает ее: и если усваивает больше, чем тратит, то растет, развивается, увеличивает свою силу. Из этих двух сторон жизни общества вытекают и два общественных свойства его продукта.

IV. СОТРУДНИЧЕСТВО.

Какие существуют виды сотрудничества?

—Виды сотрудничества очень многочисленны и разнообразны; но их можно свести к немногим основным типам. Таковы: 1) простое сотрудничество; 2) господство—подчинение; 3) специализация; 4) товарищеское сотрудничество.

Какое сотрудничество называется простым?

—В большинстве сочинений по политической экономии „простым сотрудничеством“ (простой кооперацией) называют всякое сотрудничество, в котором все участники выполняют одинаковую работу, а „сложным сотрудничеством“ (сложная кооперация или разделение труда)—всякое, в котором участники выполняют разную работу. Но при этом смешиваются воедино слишком несходные производственные отношения: напр., стадное сотрудничество дикарей, беспорядочной толпой бросающихся на большого зверя и стихийно его избивающих, и сознательное сотрудничество товарищей, сообща обсуждающих дело и затем сообща его выполняющих, попадают в один разряд—простой

кооперации; между тем это, с одной стороны—самое первобытное, с другой—самое высшее производственное отношение, какие только известны. Мы будем называть простым сотрудничеством только действительно простейшую форму трудовой связи людей: когда людьми выполняется одинаковая работа, и притом без всякой распорядительской деятельности, так что нет ни особого распорядителя над ними, ни совместного распорядительного обсуждения и распределения работы. Сюда относится не только указанное стадное сотрудничество, но вообще многие простейшие случаи трудовой деятельности; напр., если двум-трем человекам надо перетаскать камни, по тяжести не превосходящие сил каждого из них, или когда несколько человек собирают вместе грибы, ягоды, корни и т. п. Когда дело таково, что все участники одинаково умеют его исполнять, не мешая друг другу, то достаточно простого сотрудничества.

Что называется „специализацией“?

—Это такая связь людей, когда они, участвуя в одной общей системе труда, выполняют каждый свою особую работу, иную, чем другие. Напр., уже в первобытных общинах большей частью мужчины занимались охотой, женщины—приготовлением пищи и платья, дети—сбором съедобных плодов, корней и т. п. В современном обществе крестьяне специально заняты производством хлеба, мяса, молока, ремесленники и рабочие—производством одежды, разных орудий и пр.,—при чем те, и другие, и третьи не могли бы существовать одни без других, производят взаимно друг для друга и, следовательно, принадлежат к одной системе производства. Бывает и специализация еще более мелкая, напр., на одном заводе кузнецы, слесари, токари, строгальщики, сборщики частей и пр.

Что за форма сотрудничества „господство—подчинение“?

— Это тоже своего рода специализация, но совсем особая: когда один занимается распорядительской, или, что то же, организаторской деятельностью, а другие исполняют его указания, один приказывает, а другие подчиняются. На этом была построена еще древняя патриархальная община, глава которой—патриарх—был организатором всего ее хозяйства; затем феодальная организация, где феодал господствовал над крестьянами, а сам подчинялся, обыкновенно, другому, высшему феодалу; в крепостном, в рабовладельческом хозяйстве господство—подчинение выступало еще резче; современная крестьянская и мещанская семья имеет тоже „главу“ в виде отца и мужа, который распоряжается общим хозяйством, требует подчинения от жены и детей; на фабрике рабочие подчинены капиталистам, имеющим организаторскую власть, а также получившим от них эту власть инженерам, директорам. Аналогично устроены организации чиновничества, армии, духовенства и пр. Для того, чтобы распоряжения и указания организатора исполнялись, он должен обладать „авторитетом“, либо основанным на его большем, чем у других, опыте, как это было у патриарха в древней общине, либо на его материальной и экономической силе, как это бывает при феодальном, крепостном и капиталистическом господстве. Поэтому такое сотрудничество называют короче „авторитарным“.

Что такое „товарищеское сотрудничество“?

— Это такое, при котором и распорядителем, и исполнителем является совокупность его участников. Его слабые зародыши существовали уже в древних родовых общинах и племенных союзах. Когда приходилось предпринимать какое-нибудь сложное и важное

для всех дело, напр., охоту на опасных зверей или войну, то оно обсуждалось, и общий план его вырабатывался советом всех взрослых мужчин, так что и рядовым родичам принадлежала не одна исполнительная роль, но отчасти и организаторская; только отчасти, потому что самое выполнение дела велось под руководством постоянных или временных вождей, в строгом подчинении им. Хотя товарищеская форма сотрудничества никогда вполне не исчезала, но до последних веков она развивалась очень слабо, и в жизни общества занимала весьма небольшое место; были товарищества торговцев в средние века в городах (гильдии), ремесленных мастеровых (цехи), затем подмастерьев (братства), и т. п., да и там большей частью распорядительская власть переходила в руки отдельных лиц до такой степени, что они становились настоящими вождями и начальниками остальных, лишь в малой степени подчиняясь их контролю. Только с появлением рабочего класса развитие товарищеского сотрудничества пошло ускоренным ходом: всюду, где рабочие получали возможность сами вести свои дела, экономические или иные, обнаруживается стремление организовать эти дела по товарищескому способу; если и выдвигаются разные распорядители и организаторы в этих общих делах, напр., в профессиональных союзах или кооперативах, то этих лиц организация старается сделать всецело исполнителями ее руководящих указаний, состоящими под ее непрерывным контролем, так чтобы и действительным распорядителем, и действительным исполнителем оставалась сама организация в ее целом.

Какое сотрудничество называется организованным и какое неорганизованным?

— Организованное—это такое сотрудничество, в котором имеется особая организаторская деятельность, выполняется ли она одним участником тру-

да, или несколькими, или всеми; неорганизованное—такое, в котором ее нет. Следовательно, к организованному относятся авторитарное сотрудничество (господство—подчинение) и товарищеское; к неорганизованному—простое и специализация. Так, напр., современное общество (капиталистическое) должно быть признано экономически неорганизованным, потому что оно состоит из отдельных, специальных предприятий, работающих самостоятельно одно от другого. Современная фабрика, взятая отдельно,—организованное предприятие: на ней хотя и господствует специализация работников, но над специализацией стоит организующая власть капиталиста, его директоров и инженеров, т.-е. авторитарные производственные отношения.

Возможно ли общество, экономически организованное в своем целом?

— История показывает, что да.—Патриархально родовая община представляла особое общество, и в ней производство было организованное, потому что над ним имелся общий распорядитель—патриарх. Но такая, авторитарная, организация общественного хозяйства не может быть очень широкой, вследствие ограниченности сил отдельного человека—организатора. В товарищеском сотрудничестве такой ограниченности нет, потому что организатор там не отдельный человек, а совокупность работников, или „коллектив“. Поэтому общество, построенное на товарищеской организации всего производства, или общество коллективистическое, могло бы быть неограниченно-широким по своим размерам, и в то же время организованным.

V. ПРИСВОЕНИЕ.

В чем состоит присвоение?

— В том, что какая-нибудь вещь становится собственностью отдельной личности, или некоторой совокупности людей.

Какие вещи присвоиваются?

— Во-первых, всевозможные продукты общественного труда; во-вторых, и предметы, не произведенные трудом, но являющиеся средствами производства, напр., девственная почва, сила текущей воды и т. п.

Присвоиваются ли только материальные вещи, или также не-материальные?

— И материальные, и не-материальные. В современном, напр., обществе на каждом шагу происходит присвоение рабочей силы посредством найма работника; а рабочая сила есть не что иное, как способность работника к труду, физическая и духовная. Когда собственностью человека становится кредитный документ или процентная бумага, то присваивается не столько материальная вещь—сама по себе ни на что не нужная бумажка,—сколько право на будущий труд других людей; так, проценты по государственным займам уплачиваются из налогов и податей, представляющих ежегодно взимаемую государством долю народного продукта.

Раз политическая экономия изучает общественные отношения между людьми, то должна ли интересоваться ее собственностью „индивидуальная“, принадлежащая отдельному лицу?

— Да, безусловно, потому что и собственность индивидуальная вовсе не есть просто личное дело, а тоже общественное отношение. Во-первых, обыкновенно частная собственность одного человека есть результат труда других людей; если дом принадлежит мне, то это значит, что каменщики, плотники, штукатуры, стекольщики, маляры, которыми дом построен, работали на меня; а это, очевидно, производственное отношение между ними и мною; во-вторых, личная собственность заключается вовсе не в том, что человек лично считает вещь своею: этого и недостаточно, и иногда

даже вовсе нет налицо; напр., собственник-младенец или идиот часто совсем и не подозревает того, какая у него есть собственность. Равным образом дело и не в личном пользовании вещью: собственник сам нередко и в глаза ее не видал. Личная собственность состоит в том, что общество признает за данным лицом исключительное право на вещь и, признавая это право, разными способами охраняет, поддерживает его против всяких нарушений (напр., полицией, судом и т. п.). Таким образом, грудной ребенок может быть собственником производственного предприятия с тысячами взрослых рабочих, или научного журнала, или гениальных литературных произведений и пр.

Какие различаются способы присвоения?

— Непосредственное и меновое (или обмен). Непосредственное характеризуется тем, что человек прямо присваивает вещь, продукт ли своего или чужого труда, никому взамен ее ничего не отдавая; меновое же — тем, что человек присваивает одну вещь, отчуждая взамен ее другую. Когда крестьянин являлся собственником хлеба, который он произвел на своем поле, и когда помещик отбирал себе в собственность известную долю этого хлеба в качестве оброка — это было непосредственное присвоение; когда же крестьянин выменивает на свой хлеб соху у соседа-купца, или продает хлеб за деньги, или покупает за деньги соху, — это меновое присвоение им сохи или денег.

Какие различаются типы присвоения по их отношению к труду?

— Присвоение трудовое и эксплуатация. Присвоение крестьянином хлеба, который он же и произвел, есть трудовое; присвоение помещиком продукта крестьянского труда в виде оброка — эксплуатация. Приобретение крестьянином сохи в обмен на произведенный им хлеб или выручен-

ные за этот хлеб деньги имеет опять-таки трудовой характер; приобретение капиталистом всего продукта труда наемных рабочих в обмен не за продукт, заключающий в себе столько же труда, а только за средства существования работника, заключающие в себе меньше труда, имеет характер эксплуатации. При обмене, продаже, покупке, не всегда легко, и даже в отдельных случаях не всегда возможно отличить трудовое присвоение от эксплуатации, потому что не всегда видно, обмениваются ли равные количества общественного труда, заключенного в продуктах, или же неравные. Но политическая экономия и не может интересоваться отдельными, частными случаями, она изучает явления массовые; а смысл явлений массовых определить гораздо легче.

Что означает в книгах по политической экономии слово „распределение“?

— Чаще всего ему придается такой смысл: степень богатства и бедности разных классов, групп и отдельных членов общества, т.-е. распределение между ними собственности. Иногда же это слово употребляют, чтобы обозначить весь процесс, которым собственность распределяется в обществе, т.-е. весь тот ряд присвоений, который в нем постоянно происходит. Тогда, впрочем, и говорится большей частью — „процесс распределения“.

VI. СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА.

Что требуется для сохранения жизни общества?

— Требуется постоянное поддержание всей его системы производства. А для этого надо, чтобы каждая рабочая сила непрерывно возобновлялась по мере ее затраты в процессе труда. Рабочая же сила возобновляется тем, что удовлетворяются

потребности работника, посредством необходимых для этого продуктов. Следовательно, для сохранения системы производства, а с ней и всего общества, необходимо, чтобы в ней затрачивалось достаточное количество труда для получения средств удовлетворить ее потребности, потребности всех ее участников.

А необходимо ли для сохранения системы производства удовлетворение потребностей семьи работника, его жены и детей, когда они сами прямо не участвуют в производстве?

— Эти потребности надо считать нераздельной частью потребностей производства и работника: во-первых, семья есть необходимое средство замещать рабочую силу, когда она совсем износится, новою: когда работник состарится, или будет искалечен, или умрет, надо, чтобы на смену ему вырос другой; во-вторых, работник и не мог бы нормально работать, не обладал бы своей действительной рабочей силой, если бы его семья голодала или вымирала от неудовлетворения насущных потребностей.

Как обозначается все то количество общественного труда, которое необходимо для удовлетворения нормальных потребностей всех участников производства?

— Оно обозначается, как необходимый труд общества.

А что называется необходимым трудом отдельного работника?

— Та часть необходимого труда общества, которая выполняется отдельным работником.

Как определить величину этой части?

— На основании нормальных потребностей работника. Предположим что ежедневная доля продуктов—пищи, одежды и пр.—потребляемых работником для нормального поддержания его рабочей силы, обходится обществу в 6 часов простого труда разных других работников (имеет стоимость, равную

6 часам простого труда). В таком случае этот работник должен выполнять со своей стороны 6 часов простого труда, чтобы возвращать обществу столько же трудовой энергии, сколько от него в виде продуктов потребления он получает. Тогда 6 часов простого труда и представляют необходимый труд этого работника. Если бы каждый работник не выполнял своего необходимого труда, соответственно величине своих потребностей, то производство не могло бы поддерживаться, и стало бы приходить в упадок—общество не могло бы сохраняться.

Что требуется не для простого только сохранения общества в прежнем виде, а для его развития—для его роста и прогресса?

— Требуется, чтобы общество располагало не только необходимым трудом, но еще некоторым сверх того излишком труда, или трудом прибавочным, который мог бы пойти на расширение системы производства и расширение потребностей общества. Никакая жизнь развиваться не может без избытка энергии; так и общество не способно развиваться без избытка трудовой энергии.

Как следует представлять себе прибавочный труд отдельного работника?

— Если, как мы приняли в своем предыдущем примере, необходимый труд работника составляет ежедневно 6 часов, то вся дальнейшая ежедневная работа, сверх этих 6 часов, будет уже прибавочной. Так, если, вместо 6, он проработает 12 часов, то это будет означать, что он дает обществу 6 часов прибавочного труда.

Всегда ли прибавочный труд возможен для общества и его работников?

— Нет, не при всяких условиях. В первобытном, напр., обществе прибавочного труда не было: все силы общины уходили на одно поддержание жизни, и никакого избытка энергии не оставалось. Если

производительность труда очень низка, и необходимые для сохранения рабочей силы средства потребления достаются обществу ценой большого труда, так что их стоимость на каждого работника измеряется, допустим, 12-ю часами, и если в то же время работник не в силах нормально работать больше 12 часов в день, то все его рабочее время окажется только необходимым, и никакого прибавочного труда не будет. Но если производительность труда повысится хоть немного, и для получения необходимых средств поддержания рабочей силы станет достаточно $11\frac{1}{2}$ часов труда, тогда при 12 часах ежедневной работы будет уже $\frac{1}{2}$ часа прибавочного труда; и, благодаря этому, станет возможным постоянное дальнейшее развитие общества.

Каким же способом это развитие станет возможным?

— Избыточные полчаса могут быть употреблены на улучшение орудий или, в качестве досуга, на размышление, в результате которого в конце-концов явятся полезные изменения техники и организации производства. Но вообще прибавочное время идет просто на увеличение производства, так что получается избыточный или прибавочный продукт; за счет этого продукта могут жить некоторые члены общества; они, таким образом, избавляются от физического труда и, пользуясь свободным временем, могут тратить свои силы на накопление опыта, которое поможет лучше справляться с сопротивлениями природы, на выработку лучшего плана общей работы, на отыскание новых приемов труда, на заимствование полезных практических знаний у других общин, на поиски для переселения мест, где природа благоприятнее для производства, и пр. Пути развития разнообразны, но сущность дела одна: если у общества есть прибавочный труд, т.-е. избыток рабочей энергии, то за счет него бывает возможно развитие.

Если общество в целом располагает необходимым количеством труда, то достаточно ли этого для сохранения общества? И если в обществе имеется сверх того прибавочный труд, то достаточно ли это для того, чтобы оно непременно стало развиваться?

— Нет, необходимо еще другое: чтобы распределение и присвоение продукта в обществе происходило в соответствии с действительными потребностями производства. В истории бывало не раз и так, что общество обладало достаточным количеством труда и продукта, чтобы вполне поддерживать рабочую силу, что имелся даже прибавочный труд, а между тем потребности работников не удовлетворялись полностью, рабочая сила общества уменьшалась, и оно не только не развивалось, но оказывалось неспособным даже сохраниться в прежнем виде, приходило в упадок и разрушалось. Это случилось с античным обществом Греции и Рима, с целым рядом восточных рабовладельческих государств, с Испанией XVII—XVIII века и пр.

Каким же способом может получаться такой результат?

— Путем непроизводительной растраты общественного труда и продукта. Так, в греко-римском мире и других рабовладельческих обществах главным собственником являлся паразитический класс господ, который подвергал производительных работников—своих рабов—чрезмерной эксплуатации, усиливая постепенно эту эксплуатацию ради своих расширяющихся потребностей, господа не давали рабам нормального количества жизненных средств, а весь продукт прибавочного труда и недоданную рабам часть продукта необходимого труда потребляли паразитически, без пользы для производства. Но и помимо паразитизма возможна непроизводительная растрата общественного продукта. Напр., современное присвоение все построено на покупке-

продаже за деньги. Поэтому наблюдается, особенно во время кризисов, такое явление, что в магазинах и складах лежат громадные запасы предметов потребления, но у многих рабочих, которым они нужны для поддержания жизни, нет денег на их покупку, и запасы гниют, бесполезные для их собственников, а рабочая сила тоже гибнет. Очевидно, и здесь причина лежит в том, что присвоение не соответствует потребностям производства, или, как принято говорить, „находится в противоречии“ с ними. Пока это противоречие не очень обширно и глубоко, только частично, общество все-таки живет и развивается; но, усиливаясь, противоречие может вызвать крушение общества.

VII. РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Как обыкновенно подразделяют в учебниках экономическую науку?

— На собственно „политическую экономию“ экономическую политику, историю экономического развития. Под собственно-политической экономией понимается изучение современного экономического строя (капиталистического), под экономической политикой — практическая, прикладная наука о целях и средствах общественно-экономической деятельности государства, партий, классов. История экономического развития — учение о том, как человечество пришло к нынешнему экономическому строю.

Будет ли мы держаться такого подразделения?

— Нет, потому что оно не является научно вполне точным. Изучение современного строя нельзя отделить от предыдущей истории развития потому, что, во-первых, он не может быть достаточно понят без этой предыдущей истории, во-вторых, потому,

что развитие продолжается, нынешний строй изменяется и представляет переходную ступень к еще иному строю. Экономическая политика разных общественных сил со всеми прикладными выводами выясняется также лишь в живой истории взаимодействия их сил и их столкновений.

Какого же разделения экономической науки нам следует держаться?

— Мы всю ее будем рассматривать как учение об экономическом развитии общества; и потому, ознакомившись с самыми общими понятиями, необходимыми для ее понимания — как мы это уже сделали, — а также с самыми общими ее приемами, мы дальше будем изучать, ступень за ступенью, разные общественные системы производства, как они складывались и сменялись в жизни человечества. Понятно, что всего больше при этом мы должны останавливаться на современных экономических отношениях, которые нам наиболее близки и на практике наиболее важны.

VIII. ПРИЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ.

Из какого источника берет свой материал экономическая наука?

— Из живых фактов — из наблюдения действительной экономической жизни, а по отношению к прошлому — из сохранившихся исторических свидетельств о нем; по отношению к еще более далеким, доисторическим временам она пользуется разными их сохранившимися остатками, материальными (оружия, утварь, произведения первобытного искусства) и не-материальными (следы, сохранившиеся в развитии языка, в развитии идей, и пр.). Многое для понимания прошлого дают также наблюдения над бытом отсталых племен и народов, остано-

вившихся на более низких ступенях развития или в силу упадка вернувшихся к этим ступеням. Вообще, материал политической экономии громаден и сложен, как для настоящего, так и для прошлого.

Какими способами политическая экономия обрабатывает свой материал?

— Посредством двух общих приемов, или методов, которые применяются также и во всех других науках; посредством индукции и дедукции.

Что называется индукцией?

— Такой способ изучения действительности, который от частного идет к общему: сначала собирают самые факты, затем отыскивают то, что в этих фактах есть общего, получают этим путем первые обобщения; далее сравнивают эти первые обобщения между собою и находят, что в них есть общего; это дает обобщения более широкие, или, как говорят, более высокого порядка; затем из них, подобным же путем, получаются обобщения еще высшие и т. д. Напр., если мы возьмем хозяйство одного сапожника, другого сапожника, третьего, четвертого, то найдем в них много сходного или общего; если мы выделим это общее, что в них есть, то составим себе понятие о хозяйстве сапожника вообще. Таким же образом можно составить понятие о хозяйстве портного, булочника, мясника, кузнеца и др.

Сравнивая эти „первые обобщения“, мы убедимся, что между всеми подобными видами хозяйства также есть не мало сходного; выделив его, получим более общее понятие—о хозяйстве ремесленника. Сравнивая обобщение „хозяйство ремесленника“ с другим обобщением „хозяйство крестьянина“, опять можно отыскать разные черты сходства, из которых сложится более высокое обобщение: „хозяйство мелкого производителя“, и т. д. Таков

путь индукции (русский перевод этого слова— „наведение“).

Что называется дедукцией?

— Способ познания, который идет от общего к частному, из полученных индукцией общих положений делает более частные выводы (самое слово „дедукция“ значит „выведение“). Напр., предположим, посредством индукции мы нашли, что при капитализме ремесленные хозяйства слабеют и вымирают, и предположим, наблюдение показывает нам, что в Китае развивается капитализм. Это позволяет нам вывести („сделать дедукцию“), что и ремесленные хозяйства Китая должны подвергнуться вымиранию: вывод более частного характера, сделанный на основе более общего положения.

Какие существуют основные приемы индукции?

— Описание; подсчет; упрощение. Если мы, напр., найдем разные общие черты ремесленных хозяйств или общие черты фабрик, и укажем их, то это будет простое обобщенное описание. Если мы при этом подведем счет, насколько часто встречаются те или иные общие черты, или в каком размере, в какой степени они наблюдаются, то это будет статистический подсчет. Если же мы сумеем выделить главные черты и, основываясь на них, представить жизнь ремесла или фабрики в упрощенном, но зато более ясном и понятном виде, то это будет метод упрощения. Его также называют методом „абстракции“, т.-е. „отвлечения“; это название указывает на то, что в изучаемом предмете „отвлекаются“, т.-е. отбрасываются, менее важные, несущественные особенности, так что остается для исследования самое основное, существенное.

Какое значение этих трех приемов в политической экономии?

— Описание дает общую, но приблизительную картину экономических явлений. Статистиче-

ский подсчет вносит в эту картину точность. Упрощение же к точности прибавляет ясность, позволяет понять явления в целом, в их связи. Настоящие экономические законы удается получить только при помощи упрощения: экономическая жизнь слишком сложна; если ее факты просто описывать, или даже измерять и подсчитывать, то и описание, и подсчет выходят еще черезчур сложными, чтобы в них можно было уловить законы экономической жизни; посредством же упрощения из ее фактов выделяется самая сущность и на упрощенной таким образом картине легче улавливается основная „закономерность“ этих фактов.

Что требуется для точной и надежной дедукции, „выведения“?

— Требуется точность и надежность тех общих положений, из которых делаются выводы. Поэтому наиболее верная та дедукция, которая основывается на строгих экономических законах. А так как они получаются именно методом упрощения, то и можно сказать, что главную и лучшую опору для дедукции дает метод упрощения.

Какое значение имеет политическая экономия для жизни, для человеческой практики?

— Так как эта наука изучает строение общества, отношение людей в нем, то благодаря ей люди получают возможность узнать и понять свое место в обществе, свое действительное, практическое отношение к другим людям. Так как она изучает общество в его развитии, выясняет законы этого развития, то благодаря ей люди могут предвидеть, куда идет экономическая жизнь, куда стремятся разные общественные силы, могут поэтому сознательно выбирать, какие из этих сил поддерживать, против каких бороться. Не зная законов развития общества, не понимая смысла экономических явлений, человек, при самых хороших желаниях, может растрачивать свои силы

на противодействие тому, что неизбежно, или тому, что полезно для жизни общества. Пользуясь же научным предвидением, он знает, что делает, и достигает уверенности в том, что его усилия не пропадут даром для той общественной цели, какая для него желательна. Вообще, политическая экономия—наука наиболее важная и необходимая для человека-гражданина.

ОТДЕЛ II.

Экономическое развитие.

I. НАТУРАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Люди—единственные ли существа в природе, ведущие общественное хозяйство?

—Нет. Этим отличаются также некоторые насекомые—муравьи, термиты, пчелы,—некоторые стадные млекопитающие, напр., бобры; многие обезьяны; также некоторые стайные птицы.

Чем же отличается человеческое хозяйство от хозяйства таких животных?

—У всех них для борьбы за жизнь имеются только органы их тела—лапы, когти, зубы, клювы. Человек единственное животное, которое делает орудия, дополняет свои природные органы как бы новыми искусственными. Одно это резко выделило человека из царства животных, и позволило ему победить прежних царей природы, ея гигантов, далеко превосходящих его физической силою.

Какой характер имело первоначально общественное хозяйство?

—Оно было натуральным. Так называется хозяйство, которое живет продуктами собственного труда, а не продуктами, полученными путем обмена на рынке. Противоположность натуральному хозяйству составляет меновое, которое существует при помощи обмена своих продуктов на чужие, при помощи рыночной покупки-продажи.

Существует ли теперь натуральное хозяйство?

—Только в самых глухих уголках земного шара, кой-где и в России, наприм., у некоторых полудиких инородцев Сибири. Вообще же не только в странах передовых, но и в отсталых господствует хозяйство меновое. Однако оно везде развилось из натурального, которое преобладало и в Европе еще несколько сот лет тому назад.

Какие известны формы натурального хозяйства?

—Три основных, которые в историческом развитии шли одна за другою: родовая община первобытная, родовая община патриархальная, феодальный строй.

Чем они экономически различаются между собой?

—Во-первых, формами сотрудничества и степенью его широты; во-вторых, формами присвоения. Главные различия касаются степени разделения труда и развития эксплуатации.

а) Первобытная община.

Что представляла первобытная община?

—Небольшую группу—самое большее несколько десятков человек, связанных кровной родовой связью. В этой группе господствовало простое сотрудничество, и не было или были только ничтожные зародыши разделения труда. Каждая такая община составляла совершенно особое от других, подобных же групп, общество, ничем с ними несвязанное. Никакой эксплуатации в ней не было. Собственно не было даже и вообще „присвоения“: добытое общими трудами непосредственно и равномерно всеми и потреблялось (также отношения принято называть „первобытным коммунизмом“).

От каких причин зависела такая форма организации?

—Она была необходимым следствием совершенно неразвитой, зародышевой техники труда. Ору-

дий было очень мало, и только самые простые: сначала камень и палка, взятые прямо из внешней природы, потом их несложные сочетания—каменный топор, молот, копье с наконечником из осколка камня или из острой кости. Даже умение добывать огонь, это важнейшее орудие борьбы с природою, возникло скорее к концу этого периода жизни человечества. Ни земледелия, ни скотоводства не было: источником пропитания была бродячая охота, подразумевая под этим выражением не только собственно охоту на мелких и крупных животных, но также собирание диких плодов, зерен, съедобных корней и пр.

Каким образом из этой первобытной техники вытекает простая форма сотрудничества?

—Труд так не сложен, что всякий умеет делать все то, что умеют делать и другие,—для специализации нет места, и не требуется особых организаторов производства. Таким образом, действуя сообща, члены группы выполняют приблизительно одинаковую работу, не подчиняясь никаким распоряжениям или указаниям: и так видно, что надо делать. Этими чертами и характеризуется простое сотрудничество.

Почему первобытная община так малочисленна?

—Бродячая охота, при ее первобытных приемах и орудиях, дает людям так мало, что для их прокормления требуется большое пространство земли; напр., в умеренном климате, в роде нашего, в диких лесах и степях на квадратной миле может кое-как просуществовать человек 20. Следовательно, если бы община разрослась хотя бы до 100—150 человек, ей пришлось бы раскидывать свой труд на такое огромное расстояние, что сохранить единство при всецело пешем передвижении было бы невозможно. Поэтому она распадалась на две еще раньше, чем достигала таких размеров, и обе новы расходились в разные стороны.

Почему там не было эксплуатации?

Ее не могло быть, потому что не было прибавочного труда. Все усилия людей были едва достаточны, чтобы поддержать свою жизнь среди грозных и враждебных сил природы. Весь труд был только необходимым трудом. Если бы кто-нибудь стал из общей добычи брать себе больше других, на всех не хватило бы, и некоторые члены общины должны были бы погибать. Поэтому „первобытный коммунизм“ был прямой необходимостью.

Какова была первобытная идеология?

—Она еще только возникла. На этой ступени жизни впервые зародилась человеческая речь. Ее начало лежит в самом производстве, а именно, в трудовых криках. При совместных усилиях у людей неизбежно вырывались известные крики, при одной работе одни, при другой—другие; так и у нынешнего дровосека при ударе топора вырывается звук „га“, у рабочих, одновременным напряжением поднимающих тяжесть,—звук „ух“, —у матросов, которые вместе тянут канат,—„го-гой“, и т. п. Эти крики делают общий труд более дружным, вносят в него единство и стройность, т. е. до некоторой степени организуют его. Подобные звуки у первобытных людей сами собой стали обозначением трудовых действий, с которыми были связаны, и как обозначение, были для всех членов общины вполне понятны. Так они стали зародашами слов. Выразить ими можно было очень не много, но достаточно для первобытной организации труда: пригласить родичей к совместной работе, ободрять в ней друг друга, поддерживать, где надо, одновременность движений всех работающих. Из этого начала развивалась потом речь, и далее размышление, которое есть внутренняя, не произносимая вслух речь,—а затем вообще идеология. Но в первобытном обществе все это не пошло дальше первых зачатков.

Было ли первобытное общество способно к развитию?

— Несравненно меньше, чем какое-либо позднейшее. Так как прибавочного труда не было, то не оставалось свободной энергии для развития, и жизнь застыла в одном и том же виде. Человечество находилось всецело под властью природы, и его развитие происходило так же стихийно, с неуловимой медленностью, в ряду многих и многих тысячелетий, как развитие животных в природе. Размножение порождало голод; голод заставлял людей переселяться; на новых местах сами собой, незаметно, вырабатывались новые приемы труда, которые прибавлялись к прежним и увеличивали опыт. Таким образом, нужда, страдание, необходимость все же вызывали, до невидимости слабый, прогресс жизни.

б) Патриархальная община.

Что представляла патриархальная община?

— Это тоже группа родовая, но более сложная, и, обыкновенно, более крупная, средним размером уже в несколько сот человек, как можно судить, напр., по библейским преданиям. Во главе ее стоит патриарх, человек наибольшего в ней опыта, чаще всего—старший член рода; он—организатор, руководит общим трудом, распоряжается общим продуктом; прочие члены общины—исполнители, подчиняются его указаниям. В таком виде патриархальная община сохранилась и до сих пор у многих остальных племен, называемых у нас «дикарями».

Чем объясняется превращение первобытной общины в патриархальную?

Повышением техники, появлением прибавочного труда. Возникли отрасли производства, дающие людям некоторую обеспечен-

ность существования, которой раньше не было: земледелие в одних местах, кочевое скотоводство в других. Вместе с тем усовершенствовались и усложнились орудия (из полированного камня, затем из бронзы, в некоторых странах—из грубо обработанного железа). В результате, с одной стороны, все производство стало обширнее и сложнее, в нем стала неизбежной некоторая специализация; и для сохранения в нем единства, целесообразности и стройности сделалась необходимой особая распорядительская деятельность. С другой стороны, появились более или менее постоянные излишки, запасы, словом—прибавочный продукт, за счет которого уже было возможно содержать организатора, избавив его от физического труда. Таким образом, специальная роль патриарха стала одновременно и нужна общине, и материально возможна.

Почему община могла разрастись до численности в несколько сот человек?

— Опять-таки вследствие увеличения производительности труда.

Земледелие, хотя весьма неразвитое и грубое по своим приемам, а также кочевое скотоводство, вместе с улучшением всех других методов производства, позволяют прокормиться на таком же пространстве земли в несколько раз большему числу людей, чем одна первобытная охота; да и передвижение стало совершеннее—приручение лошади, применение лодки и т. под. Поэтому община могла сохранять единство и не распадаться при гораздо больших, чем прежде, размерах.

Существовала ли в патриархальной общине эксплуатация?

— Только в зародышевом виде. Вначале прибавочного труда слишком мало для какой бы то ни было эксплуатации. Патриарх если и берет себе несколько больше из общего продукта, чем

другие родичи, то работу ведь выполняет также более сложную, которая представляет более значительную затрату энергии, а потому необходимо связана с более высокими потребностями. В дальнейшем, однако, с увеличением прибавочного продукта и с усилением в то же время власти патриарха, он мало-по-малу расширял свои потребности за пределы нормально насущных, и это было началом эксплуатации в собственном смысле слова.

Какой характер имеет присвоение в патриархальной общине?

— В общем все еще коммунистический. Действительным собственником всех запасов, всего имущества, является группа, как целое. Патриарх — только ее уполномоченный распорядитель, который должен действовать согласно ее коллективному интересу. Лишь в позднейшей стадии, к концу патриархального периода, глава общины начинает все более отделять свои личные интересы от коллективных интересов рода, и захватывает понемногу богатство, созданное трудами группы, специально для себя; тогда старый коммунизм приходит в упадок. Но это есть и начало разложения родовой общины.

Сохраняет ли патриархальная община полную обособленность от других подобных общин?

— Она остается экономически самостоятельной, но уже не безусловно замкнута. Возникают, вначале очень слабые, связи между общинами: так как население стало гуще, то соприкосновение между ними происходит чаще, и первоначальная враждебность ко всем чужим не может сохраняться вполне. С одной стороны, нередко удерживаются мирные отношения между группами, родственными друг другу, разошедшимися от одного корня; они иногда объединяются для военной взаимной поддержки, для больших совместных охот, как индей-

цы Америки; на этой основе складываются племенные союзы. С другой стороны, зарождается обмен между общинами, сначала как редкое и случайное явление, потом как все более обычное.

Что представляла идеология патриархального быта?

— Так как производство стало гораздо сложнее, трудовые действия, их орудия и материалы несравненно разнообразнее, чем в первобытную эпоху, то необходимо должна была значительно развиться речь, которая была орудием организации производства; она стала во много раз богаче словами и их сочетаниями. В труде, поколением за поколением, накапливался опыт, росло знание. Хранителями его были старейшие в роде, т.-е., обыкновенно, те же патриархи. Они его передавали другим, как заветы предков, как их нерушимое, т.-е. священное предание. Таким образом, это знание приняло вид религии. Именно к тем временам и относится первоначальное происхождение религии. В древнейших религиях мир и представлялся по образцу патриархальной общины, с великим властителем, патриархом во главе (как напр., старая еврейская религия), или же в виде многих таких же рядом существующих, в союзе или вражде между собою, общин (простейшие виды языческого многобожия). В религиозных преданиях указывались и способы труда, и взаимные отношения людей, словом — был собран воедино, организован многовековой опыт; и это было в высшей степени важно и нужно для всей организации производства. Идеология, следовательно, и здесь удовлетворяла потребности производства.

Насколько патриархальное общество было способно к развитию?

— Во много раз больше, чем первобытное, но все же лишь в чрезвычайно слабой степени, если сравнивать с нынешним обществом. Основа для

развития уже имелась, хотя еще и в небольшом количестве,—прибавочный труд. Так как самое производство стало шире и сложнее, то в нем было больше материала для дальнейшего прогресса; а мирные сношения между родственными или находившимися в обмене общинами еще больше увеличивали этот материал. Но стремления к прогрессу не было. Вся жизнь была построена на священном предании, которое, по самому своему смыслу, должно оставаться неизменным. Патриарх руководил обыденным ходом дел общины, и на это его сил хватало; но всякая перемена способов труда и соединенная с нею перемена в самом распределении работы и продукта, т.-е. перестройка обыденного хода жизни, требовала от него новых и очень больших усилий, потому что для слабо развитого сознания работа размышления, обдумывания—самая тяжелая и мучительная. Поэтому патриарх был консерватором, и если допускал что либо новое в хозяйстве общины, то лишь подчиняясь тяжелой необходимости, а не по собственной охоте. Значит, прогресс и совершался настолько, насколько он был вынужден самой жизнью, насколько без него нельзя было обойтись.

Чем же именно прогресс вынуждался?

— Как и прежде—чрезмерным размножением людей, при котором становилось все труднее добывать на прежнем пространстве необходимые средства к жизни, голодом и вообще страданиями, вытекавшими из этого перенаселения.

в) Феодальное общество.

Какие причины вызвали переход от патриархального строя к феодальному?

— Новый и большой шаг вперед в развитии способов производства. Земледелие патриархаль-

ной эпохи, где оно применялось, было несовершенным и грубым по своим приемам и орудиям, имело полубродячий характер—сеяли на одном месте до истощения почвы, потом переходили на другое,—и не было соединено с настоящим скотоводством. Новый же строй, феодализм, развивался на основе оседлого, правильного земледелия, соединенного со скотоводством. Плотность населения возросла значительно, родовые общины стали теснее соприкасаться и смешиваться между собою, родственные связи стали терять прежнее значение; к тому же новые способы земледелия были таковы, что его удобнее было вести на отдельных участках семьями; а это еще более усиливало распадение прежних родов;—община из родовой превращалась в соседскую. Но вместе с ростом населения возникла земельная теснота, а с ней постоянные столкновения и войны между общинами из-за земли; военная защита приобрела громадное значение; благодаря этому общинные вожди—большей частью, из богатых крестьян—захватывали все больше влияния и власти над своими сообщниками; а затем, формируя дружины и опираясь на их силу, они превращались в настоящих господ над крестьянами—в феодальных сеньеров, бояр, князей; между ними, в свою очередь, более сильные подчиняли и облагали данью более слабых. Так создалась цепь феодального подчинения.

Но одной военщины было, конечно, недостаточно, чтобы поддерживать общественную организацию; тем сильнее чувствовалась потребность в мирных организаторах,—ими и были жрецы; на этом основывалась сила жречества. Они были прямыми преемниками прежних патриархов; как и те, хранили опыт прошлого и поддерживали свою власть священным авторитетом; поэтому и сами они организовались авторитарно, т.-е. тоже в виде цепи власти и подчинения.

Что составляет основу феодальной организации?

— Крестьянские общины, получившиеся путем роста и распада патриархальных родов на семейные хозяйства. Эти хозяйства сохраняли еще, однако, значительную связь между собою, в виде общинного землевладения и соседского сотрудничества во многих работах, таких, напр., как покос на общинных лугах, пастьба скота и т. п.; соседский обмен продуктами и услугами был также важною связью общины. Родственные отношения между семьями общины утратили прежнее значение, и, большей частью, забывались.

Что же, следовательно, стало с властью патриархов при переходе к феодализму?

— Эта власть отчасти перешла к домохозяевам, главам крестьянских семей. Главная же ее доля — власть над общинами в целом перешла в руки новых организаторов, вождей и жрецов, или светских и духовных феодалов.

Какое значение для производственной жизни имели светские феодалы?

— Главная их роль заключалась в том, что они были организаторами военной защиты подвластных им общин. Они присвоивали себе прибавочный труд крестьян, в виде барщины (обязательная работа на феодала в течение известного числа дней в году) или оброка (уплата дани феодалу продуктами). Благодаря этому, хозяйство феодала было экономически гораздо сильнее крестьянских хозяйств, и могло брать на себя устройство предприятий, общественно необходимых, но непосильных даже более зажиточным крестьянам: мельниц, пекарен, особенно же — дорог, мостов и пр. Во время голода, эпидемий и других бедствий феодал своими запасами и средствами поддерживал крестьян и помогал им пережить тяжелое время, заставляя их потом, разумеется, с избытком возвращать затраченное. На всем этом основывалась власть

феодала: он считался „господином“ (сеньером) земли и крестьян.

В чем заключалась общественная роль жрецов или духовных феодалов?

— Они унаследовали от прежних патриархов, главным образом, общий контроль над ходом производства, потому что, как патриархи, и они были хранителями общественного опыта, накопленного знания. Так, на основании астрономических наблюдений они вели точное счисление времени, и, напр., в земледелии устанавливали время начала разных работ и нормальную их продолжительность. Там, где земледелие было связано с разливами рек или с искусственным орошением полей, как в древнем Египте, Месопотамии, Средней Азии, Китае, жрецы были руководителями инженерных и канализационных работ. Они же заведывали, обыкновенно, общественной гигиеной и медициной, т.-е. сохранением рабочих сил общества. Они же руководили воспитанием юношества, т.-е. готовили для общины и вводили в нее новых членов из подрастающего поколения. Они контролировали все обыденные отношения людей, вплоть до семейных; в некоторых странах для полноты и точности такого контроля они применяли систему исповеди.

За счет какой части общественного труда и продукта существовали жрецы?

— Также за счет прибавочного труда. Они присвоивали его частью таким же способом, как светские феодалы, в виде барщины и оброка с крестьян, специально подчиненных жреческим организациям при храмах или монастырях, частью же иначе: в виде особых налогов на верующих (как церковная десятина в Европе в средние века) и добровольных пожертвований трудом, продуктами, имуществом. Этими путями жрецы накапливали огромные богатства и запасы; ими они частью пользо-

вались для того, чтобы помогать нищим и калекам, каких бывало много в феодальном мире благодаря его частым войнам,—а также помогали вообще нуждающимся во время общественных бедствий. Этим жрецы увеличивали свою общественную силу и укрепляли влияние.

Как были организованы сами феодалы?

— Более мелкие феодалы подчинялись более крупным, получали от них защиту, а за то платили им дань и сражались под их начальством вместе со своими дружинами; подвластные феодалы в Европе назывались „вассалами“, а стоявшие над ними—их „сюзеренами“. Эти сюзерены в свою очередь были вассалами феодалов более крупных, и т. д., вплоть до верховного для целой страны феодала, который назывался королем или императором. В России в средние века организация была совершенно такая же, только названия другие: над крестьянскими общинами стояли более мелкие феодалы—бояре, над ними более крупные—удельные князья, в свою очередь подчинявшиеся князьям еще более крупным, и т. д., вплоть до „великих князей“, которые были высшими сюзеренами, как западные короли. Это была цепь власти-подчинения, приводившая снизу вверх к одному центру. Связь между феодалами—звеньями этой цепи—являлась, большей частью, довольно непрочной: каждый феодал у себя оставался полным хозяином, а с сюзеренами имел мало отношений, и при случае изменял им или бунтовал.

Как были организованы жрецы?

— Тут также была цепь власти-подчинения, которая называлась „иерархией“. В Европе высшие духовные феодалы назывались аббатами, епископами, кардиналами, а верховное положение в цепи занимал папа. Дисциплина и сплоченность были обыкновенно выше, чем в организации светских феодалов; не было бесконечных раздоров, между-

усобий, мелких войн и грабежа, которые составляли там одно из обычных занятий.

Какие были отношения между светскими и духовными феодалами?

— Частью союз, частью соперничество. Жрецам в те буйные времена часто были нужны для защиты светские мечи; светским же властям нужна была помощь жрецов, чтобы сколько-нибудь поддерживать сносный порядок в своих владениях, а особенно—чтобы держать подвластное крестьянство в подчинении и покорности путем религиозного внушения. Но так как и светская аристократия, и жрецы жили за счет одного и того же прибавочного труда крестьянских масс, делили между собой один и тот же прибавочный продукт, то неизбежны были также столкновения из-за большей или меньшей доли этого продукта. Борьба двух властей, скрытая или явная, велась иногда столетиями, приводя временами к подчинению светской власти духовенству, временами наоборот. В Зап. Европе экономическая сила оказалась на стороне духовенства, и оно надолго подчинило себе светских феодалов; в России случилось наоборот, сильнее были князья. В других странах бывало различно. Иногда господство переходило от жрецов к феодалам и обратно, как это было в Палестине у евреев, в Восточной Индии, в древнем Египте.

Была ли суровой эксплуатация в феодальную эпоху?

— Вообще говоря, нет. Так как хозяйство было натуральным, и обмен оставался незначительным по размерам, то главное богатство феодалов, светских и духовных, состояло не в деньгах, а в продуктах и в рабочей силе подвластных им людей. Поэтому не было никакого интереса в чрезмерной эксплуатации: рабочие силы крестьян и их хозяйство надо было беречь, а не изнушать непосиль-

ными тяготами; накапливать же массы продуктов, сверх того, что сами феодалы со своей дворней могли потребить, являлось бы безцельным; и потребности феодалов не могли развиться до большой утонченности, раз они жили почти всецело продуктами труда своих крестьян. Таким образом, несмотря на тогдашние жестокие нравы, эксплуатация удерживалась в известных границах.

Какова была идеология феодальной эпохи?

— Так как общественная организация достигла огромной, сравнительно с прежним, сложности, то идеология, орудие для организации общественной жизни, также должна была чрезвычайно усложниться. Именно в эту эпоху человеческая речь развилась до такого богатства выражений и до такой их гибкости, что стала способна передавать почти все, переживаемое людьми; в те времена сложились такие высоко-совершенные языки и наречия, как древне греческий, латинский, древнеславянский, древне-германский и другие. Накопление опыта возросло во много раз, ибо феодальное общество охватывало иногда миллионы людей и раскидывалось на обширные страны с разнообразной природой. Попрежнему опыт хранился в виде религиозного предания, и главным образом у жрецов; хранить его устно стало слишком трудно, и потому на этой ступени жизни возникла и развилась письменность. Создались веками священные книги разных народов. Эти книги были своего рода энциклопедиями, складом собранного воедино жрецами общественного опыта. Сами религии не только сделались сложнее, но и приобрели черты той феодальной организации, для которой они служили; так, у индусов, у древних греков боги и герои представляли настоящую цепь вассалов и сюзеренов; подобный же вид приобрел в средние века католицизм, в котором место низших богов

и полубогов заняла феодальная цепь святых. Религия попрежнему охватывала всю жизнь людей, руководила ими на каждом их шагу, определяла для них нравственность и право, устанавливала все житейские отношения.

В какой мере феодальное общество было способно к развитию, и какие силы вели его вперед?

— Стремления к развитию в нем попрежнему быть не могло: вся жизнь была построена на преданиях прошлого—с одной стороны, на власти разных организаторов, светских и духовных—с другой; предания всегда консервативны, власти-тели-организаторы тоже враждебны всяким переменам в жизненных отношениях, всякой их перестройке, потому что она чрезвычайно усложняет и затрудняет их организаторскую работу, а также ослабляет их опору—авторитет прошлого. Но на деле развитие не могло не происходить, притом гораздо быстрее, чем в патриархальную эпоху, хотя и очень медленно по нашим современным понятиям, почти незаметно для каждого поколения в отдельности. Продолжали действовать те же причины развития, что и раньше, но с еще большей силой: население размножалось быстрее, земельная теснота наступала скорее, а с ней недоедание, болезни, общественные неурядицы; всем этим старое подрывалось, и необходимость заставляла понемногу усваивать новое. Феодальная эксплуатация усиливала действие земельной тесноты. Между тем материала для развития было гораздо больше, чем прежде, потому что сношения и связи людей были несравненно шире, и было несравненно больше возможности заимствовать друг у друга. Особенно важно для этого расширение обмена, при котором люди, вместе с новыми продуктами, усваивают друг у друга новые потребности, новые технические приемы, новый опыт. Можно принять, что такие же шаги прогресса, которые в эпоху первобытную

совершались десятками тысяч лет, в патриархальную—тысячами лет, в феодальную происходили в течение сотен лет (а теперь происходят за какие-нибудь десятки лет, и даже менее).

II. РАЗВИТИЕ ОБМЕНА.

а) Товар вообще.

Что называется товаром?

— Продукт человеческого труда, который идет в обмен.

Какими общественными свойствами обладает товар?

— Во-первых, как и всякий продукт, он имеет и трудовую стоимость, и потребительную ценность (или общественную полезность); во-вторых, кроме того, он обладает своим особым свойством—обмениваться на такое или иное количество других товаров; это свойство называется меновой ценностью (или, что то же, меновой стоимостью; а всего чаще говорится просто „ценность“).

Откуда взялась у товара способность обмениваться?

— Она возникла благодаря разделению труда в обществе—благодаря специализации разных хозяйств на производстве разных продуктов. Когда все хозяйства производили одинаковые продукты, тогда для обмена не было никаких оснований, и у продуктов не было меновой ценности. Когда же, теми или иными путями, труд оказался разделен в обществе так, что одни хозяйства производят одни, другие хозяйства—другие продукты, тогда обмен стал возможен; а с усилением специализации он стал и необходим, потому что отдельное хозяйство, напр., какого-нибудь кузнеца или сапожника,

уже неспособно существовать прямо своими продуктами, без помощи обмена их на чужие; этим путем продукты получили свойство обмениваться, или меновую ценность; таким образом, они, значит, и сделались товарами.

Следовательно, в чем состоит сущность обмена товаров?

— В том, что люди, производители товаров, работают друг на друга, выполняя различные виды труда, и затем взаимно обмениваются этим трудом, заключенным в товарах.

б) Ступени или формы обмена.

Какие ступени проходит развитие обмена в жизни человечества?

— Три главные ступени, которые в науке называются также „формами обмена“: 1) простая или „случайная“ форма; 2) развернутая; 3) развитая или „всеобщая“.

Чем характеризуется простая форма обмена?

— Тем, что для обмена имеются налицо всего два продукта. Случайно встречаются два производителя, у которых случайно же имеются два разных продукта, при чем обе стороны находят выгодным ими поменяться. Напр., у одной общины скота более, чем достаточно, но есть недостаток в орудиях, у другой же наоборот. Происходит обмен; его можно изобразить в таком, примерно, виде:

1 овца стоит 2 топора,—или

1 овца равняется (в обмене) 2 топорам.

Это—первая, простая или „случайная“ форма обмена.

К какой эпохе жизни человечества она относится?

— По всей вероятности, к самым ранним стадиям патриархально-родового быта. Вначале это был скорее обмен подарками, чем обмен товарами. Как союзы родственных общин для войны или

охоты, так и заключение мира между враждебными общинами должны были скрепляться взаимными подарками. Когда выбор подарков стал обсуждаться обеими сторонами, и каждая указывала, что она хотела бы получить, то это был уже переход к настоящему обмену.

Что представляет развернутая форма обмена?

— Она отличается тем, что налицо есть несколько или много товаров, и, следовательно, возможен выбор между ними: существует уже некоторый рынок. Напр., сходятся вместе несколько общин, которые живут в разных природных условиях, и потому развили у себя разные виды труда: одна преимущественно скотоводство, другая больше охоту, третья — земледелие, и т. д. Каждая предлагает другим в обмен то, чего у нее есть избыток. Это можно выразить так:

1 овца равняется 2 мешкам зерна, или 3 волчьим шкурам, или 2 топорам, и т. д.

Чем больше товаров, тем больше „развертывается“ это выражение; потому такая форма обмена и называется развернутой.

Какому периоду жизни человечества она соответствует?

— Более поздним, но еще не последним стадиям патриархального быта (как можно судить по некоторым диким племенам, сохранившимся до нашей эпохи).

Что представляет третья или всеобщая форма обмена?

— Здесь не только имеется выбор товаров, но, кроме того, из числа их выделился один, который всеми на рынке берется наиболее охотно, и благодаря этому приобретает особые свойства. Предположим, что такой товар — скот (это и на самом деле было во многих странах). Если на рынок явился, напр., рыболов, который на свою рыбу желает выменять топоры, — но на рынке в данное

время их не оказывается, то он постарается обменять рыбу на скот: это выгодно, потому, что скот вообще товар полезный и удобный для сохранения, а главное, так как его все берут охотно, то, всего вернее, именно на него удастся выменять топоры, когда они, наконец, появятся на рынке. Чем чаще повторяются с успехом подобные расчеты, тем больше все привыкают и вообще обменивают свои товары прежде всего на скот, а потом уже за скот приобретать другие товары, какие нужно. Товар-скот делается орудием обмена. Создается вместе с тем привычка и оценивать другие товары на скот при всяком торге: товар-скот делается мерилom меновой ценности. Обмен тогда можно выразить так:

2 топора	{	равняются 1 овце (стоят 1 овцу).
или 3 волчьих шкуры		
или 10 рыб		
или 2 мешка зерна...		

Особенный товар — скот — здесь называется всеобщим или денежным товаром.

В какие эпохи складывается всеобщая форма обмена?

— В позднейшие эпохи родового быта и в эпоху феодализма, в те времена, когда обмен стал уже обычным явлением, хотя и не господствующим в жизни (господствовало еще натуральное хозяйство).

Какие были в разных странах денежные товары?

— В древней Греции, Риме и многих других — скот; в древней Руси — меха; в иных странах — соль, бобы, какао, железо, медь, и т. д. Но по мере экономического развития повсюду затем происходило вытеснение других денежных товаров серебром и золотом, которые собственно и называются деньгами.

в) Деньги.

Почему серебро и золото стали деньгами?

— Как средство украшения, они были товаром,

который всюду брали очень охотно: дикари и варвары всегда очень ценят украшения. Кроме того, эти металлы лучше всего другого сохраняются, так что их удобно накапливать; они легко делятся на мелкие части, так что ими удобно расплачиваться и за малые и за большие количества товаров, тогда как, напр., скот для этого очень часто не подходит; они однородны—один кусок золота или серебра совершенно подобен другому его куску того же веса и формы, между тем как, напр., одна овца не настолько одинакова с другой; поэтому золото и серебро лучше годятся для измерения ценностей; затем они занимают сравнительно мало места, и легко могут переноситься. Все эти преимущества и помогли им вытеснить прочие денежные товары, стать единственными деньгами. В наше время, на гораздо более высокой ступени развития, истинными деньгами осталось одно золото: у серебра ценность оказалась недостаточно устойчивой, сильно менялась в прошлом веке, и потому серебро не могло удержаться, как мерило ценности.

Что такое монета?

— Слиток денежного металла, определенной формы и веса. При обмене золото и серебро отмеривались первоначально каждый раз по весу; взвешивание было при тогдашних способах операцией не легкой, долгой, допускающей часто и ошибки и обман. Некоторые феодалы, для удобства своих расчетов, стали готовить куски одинакового вида и веса, следовательно—заранее известной ценности, которая на них и обозначалась. Эти слитки принимались уже без нового взвешивания, если феодал, знаки которого на них имелись, пользовался доверием. При больших суммах и в сомнительных случаях прибегали, однако, опять к весам. Это еще и в наше время делается при международных больших расплатах: монета чеканится каждым государством самостоятельно, но

потому и обязательна только в его пределах. Был, напр., случай непринятия Францией платежа процентов по займу, сделанному Россией, когда было доставлено несколько вагонов золота недостаточно высокой пробы, т.-е. со слишком большой примесью меди.

Как действуют деньги на потребности людей?

— Деньги, и вообще развитие обмена, которым порождается их применение, ведут к усложнению и расширению потребностей. Это зависит от того, что они позволяют людям приобретать самые разнообразные продукты, какие только имеются на рынке, тогда как раньше, когда не было денег и развитого рынка, каждая община должна была довольствоваться продуктами собственного труда, да ограниченного поневоле обмена с ближайшими соседями.

Какую новую потребность создают в людях деньги?

— Жажду накопления. Дело в том, что за деньги можно купить всякий товар; но при покупке деньги истрачиваются. Они дают в руки человека великую общественную силу, позволяют ему обращать в свою пользу труд других людей; но когда они истрачены, эта сила исчезает. Отсюда и возникает стремление без конца собирать и накапливать в своих руках деньги, чтобы увеличить заключающуюся в них силу и сделать ее неисчерпаемой. Деньги становятся для человека сокровищем, которое он всячески старается умножать. Развивается даже настоящая страсть накопления, при которой человек забывает уже и самое назначение денег, копит их, чтобы копить, во всем для этого себе отказывая; и бывали случаи смерти скупцов от истощения на сундуках с золотом.

Как действуют деньги на сознание людей в обществе?

— Они отнимают у людей понимание трудовой

связи между членами общества. Когда каждая община или хозяйство жили продуктами собственного труда и соседского обмена, тогда эта связь — работа людей друг на друга — была для них очевидна; когда же продукты приобретаются за деньги на рынке, большей частью, от совершенно чужого, неизвестного покупателю продавца, который, может быть, не сам произвел эти продукты, тогда прежней очевидности уже вовсе нет. Тогда кажется, что все дело в деньгах, что именно деньги обладают силой давать людям те или иные товары; а труд и сотрудничество остаются в тени и уходят от сознания людей, остаются невидимы за рынком и деньгами.

III. МЕНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО.

а) От натурального хозяйства к меновому.

Какое общество называется меновым?

Такое, в котором господствует товарное производство, т.-е. каждое хозяйство производит на рынок, и при посредстве рынка получает необходимые средства для своего поддержания, продавая свои товары и покупая чужие.

Как совершался переход от натурального хозяйства к меновому?

— С полной постепенностью. Сначала отдельная община или семейные хозяйства обменивались только излишками; потом, стараясь увеличить количество этих излишков для обмена, отдельные хозяйства все более специализировались на производстве наиболее подходящего для них продукта; при этом каждое стало понемногу забрасывать производство других даже самых необходимых продуктов, предпочитая получать их с рынка, путем покупки. Так усиливалось и углублялось разделение труда в обществе; нако-

пец, все хозяйства оказались уже неспособными и существовать без покупки-продажи.

Какие основные изменения произошли в феодальной организации, когда обмен стал приобретать господство над нею?

— В ней произошло чрезвычайное усиление эксплуатации, и она перешла в новые формы; это был в одних случаях крепостной, в других — рабовладельческий строй.

Почему рост обмена породил усиление эксплуатации?

— Потому что он вызвал у феодалов расширение потребностей и жажду денег. Извлекая из крестьян прибавочный труд в виде барщины и оброка, феодал при наличии широкого рынка получил возможность, продавая прибавочный продукт за деньги, приобретать на них самые разнообразные продукты утонченного потребления и роскоши. Это побуждало его покидать прежнюю простоту образа жизни и широко развивать свои потребности; а вместе с тем у него явилось стремление добывать как можно больше денег, и для этого присваивать больше прибавочного продукта, подвластных ему производителей. Прежде феодал знавательную долю своих запасов тратил, в случае надобности, на пользу крестьянских же хозяйств; а теперь у него исчезает склонность к этому: для него гораздо приятнее обратить запасы в деньги и пользоваться ими для себя. Эксплуатация тогда перестает быть умеренной, становится грубой и беспощадной.

Что представляет из себя крепостное хозяйство?

— По внешности оно очень похоже на прежнее феодальное, из которого развилось. Основу его составляла также община, с общинным землевладением и соседской взаимной поддержкой крестьянских хозяйств; и само крестьянское хозяйство оставалось весьма долго почти всецело натураль-

ным. Феодал превратился в помещика, и попрежнему получал с крестьян барщину и оброк. Но суть отношений глубоко изменилась. То, в чем прежде феодал был полезен или даже необходим для крестьян, он либо перестает выполнять, либо превращает в средство усиливать эксплуатацию. Помещик уже не был организатором военной защиты для крестьян—это дело перешло в руки создавшегося тем временем государства с неограниченной монархической властью. Но власть над крестьянами он сохранил, и она стала для него средством выжимания прибавочного труда. Поддержку слабеющих хозяйств он предоставил общине; при этом она была вся связана круговой порукой в исполнении повинностей помещику: за тех, кто не мог дать, сколько помещик требовал, расплачивались другие. Помещичьи мельницы, пекарни и пр. превратились тоже в источник вымогательства: крестьяне были обязаны ими пользоваться за такую цену, какую было угодно назначить помещику. Вообще, экономическая деятельность помещика свелась почти всецело к эксплуатации и паразитизму.

Почему этот строй называется „крепостным“?

— Крайнее усиление тягостей заставило крестьян бежать с земли, куда только было возможно. Тогда помещики с помощью государства прикрепили крестьян к земле, отняли у них право ухода и перехода от одних хозяев к другим, право, которое существовало при феодализме. Крестьяне были раньше вассалами у феодала, т.-е. полусвободными людьми; теперь они стали крепостными, т.-е. почти или вполне рабами.

Что представляло рабовладельческое хозяйство?

— Его главное отличие от крепостного заключается в том, что крепостной имеет свое особое хозяйство, отдельное от господского, а раб не имеет. Крепостной крестьянин отбывает очень дол-

гую и тяжелую барщину, но она не занимает у него всего рабочего времени; у раба же все рабочее время есть барщина. Рабы работают на господина в поле или в мастерской, но у них нет своего участка, своей мастерской—все это господское, и господа их кормят. При крепостном праве бывали также и рабы—это именно дворовые, которые своего хозяйства не имели; но не на дворовых, а на крестьянах держалось, главным образом, помещичье богатство. Рабовладельческое хозяйство, как и крепостное, было вверху меновым, а внизу натуральным: господа продавали прибавочный продукт, и большую часть предметов своего утонченного потребления приобретали на рынке; рабы жили почти всецело продуктами собственного труда, той долей, которую им оставляли господа.

Какие причины создавали рабовладельческое хозяйство?

— В древнем, греко-римском, мире рабовладение развилось на основе широкого применения военнопленных для принудительной работы. Греция и Рим были окружены варварами, стоявшими ниже их по развитию, и постоянно вели с ними победоносные войны; при этом оказывалось много пленных, которых выгоднее было эксплуатировать, чем убивать. Новейшее рабство индейцев, а затем негров было основано тоже на военно-грабительском захвате людей. В иных случаях и крепостное право, при усилении эксплуатации, переходило в рабство; путь к этому шел через превращение по произволу крестьян в дворовых, продажу крестьян без земли и пр. У нас в России крепостное право к концу стояло очень недалеко от рабства.

На чем основалась продажа крепостных и рабов?

— С точки зрения эксплуатирующих, во все времена рабочая сила рассматривалась, на ряду с орудиями, как средство получения прибавочного продукта. Поэтому она, как и орудия, имела цен-

ность; и так как она принадлежала не самим работникам, а их господам, то и на рынке ее продавали не сами крестьяне и рабы, а их господа, — продавали, естественно, вместе с телами, в которых эта сила заключена.

Насколько крепостной и рабовладельческий строй способны к развитию?

— Они оба способны к довольно быстрому, но ограниченному развитию. Пока у господ не утратились окончательно трудовые привычки, связанные с их прежней полезной деятельностью, они, стремясь увеличить количество продукта на продажу, могли совершенствовать способы и организацию производства. Но когда они пришли к полному паразитизму, то потеряли всякую способность и склонность заниматься улучшением приемов труда, и стали к труду относиться с презрением, как к делу рабскому, а все хозяйственные усилия направили к голому усилению эксплуатации. Крепостные и рабы к самостоятельному развитию не были способны, потому что у них не оставалось сил для этого: господа отнимали всю прибавочную трудовую энергию, и даже частью, которая была необходима для простого поддержания рабочей силы на высоте. Тогда развитие становилось невозможным, и начиналось вырождение — вверх от паразитизма, вниз от истощения сил. Так погибла Греция и Рим, выродившись до того, что не могли больше сопротивляться окружающим варварам. В Европе позднейших времен крепостная система не привела к подобной гибели потому, что рядом с ней возник и развивался иной, ремесленно-городской строй.

б) Меновое хозяйство в городах средних веков.

В чем заключалась экономическая основа городов в средние века?

— В обмене. Города были по преимуществу рынками, центрами обмена. На этом основывалось все их развитие. Некоторые крестьянские общины феодальных времен, в силу ли особенного удобного географического положения или по другим причинам, стали средоточиями зарождавшейся торговли: там сходились для обмена окрестные крестьяне, управляющие феодалов и пр. Там селились, естественно, те, которые хотели специально заниматься торговлей, и которые постепенно образовали новое, купеческое сословие; покупая у одних, с выгодой перепродавая другим, они скопляли в городах товары и деньги. Там находили для своих произведений наилучший сбыт ремесленники; поэтому они отовсюду стремились в города, и образовали главную массу их населения. Крестьянские же занятия, хотя долго еще держались у городских жителей (потому что города и были первоначально лишь большими деревнями), но теряли прежнее значение: уже не земледелие было основой городского богатства, а ремесло и торговля.

Находились ли города в зависимости от феодалов?

— Да, весьма долго. Но с самого начала феодалы, занимаясь сельским хозяйством, не жили в своих городах, а потому и мало вмешивались в их экономическую жизнь, ограничиваясь тем, что брали с их жителей оброки. Растущее богатство городских общин позволяло им мало по-малу откупаться от феодальных стеснений и повинностей, так что в то самое время, как деревня все более закрепощалась, город, напротив, освобождался. Впоследствии города стали так могущественны, что многие совсем освободились от зависимости, иногда выкупом, иногда своей военной силой, и стали вольными городами.

Какая была в городах общественная организация?

Сначала такая же, как и в деревенских общинах

тая друг на друга, успешнее поддерживать жизнь и развитие общества. Но совсем не так представляется дело в сознании участников обмена: для них это—б о рь б а. Покупатель хочет заплатить как можно меньше, получить товару как можно больше: таков его интерес. Интерес продавца противоположный; и тот, и другой стараются поставить на своем. Борьба ведется в мирной форме, в виде „торга“,—но все-таки отношение двух сторон враждебное. Бывали, и теперь бывают случаи, когда оно обостряется вплоть до насилия. Так, иногда дорговизна хлеба и других необходимых продуктов вызывала восстания, разграбление магазинов. И еще, кроме этого, при развитом обмене существует конкуренция. Продавцы одного и того же товара находятся между собою в соперничестве, также и покупатели. Каждый продавец желает сбыть свой товар,—но неизвестно, хватит ли покупателей на всех продавцов; а на кого не хватит, у того товар пропадет даром. Поэтому каждый продавец отбивает у других покупателя; и эта враждебность, обычно не выходящая из мирных форм, иногда переходит в насильственные действия. Но и покупателям не всегда хватает товара; отсюда конкуренция и между ними.—Так на основе сотрудничества в меновом обществе идет борьба, и она для людей затемняет, как бы заслоняет связь их труда.

В борьбе между покупателем и продавцом кто побеждает?

— Это зависит от спроса и предложения товара. Предложение—это то количество товара, которое находится на рынке, т.-е., которое „предлагают“ продавцы; спрос—то количество, которое требуется покупателям. Если предложение больше спроса, или, другими словами, если товара на рынке слишком много, так что покупателей на него не хватает, то между продавцами происходит

— В обмене. Города были по преимуществу рынками, центрами обмена. На этом основывалось все их развитие. Некоторые крестьянские общины феодальных времен, в силу ли особенную удобного географического положения или по другим причинам, стали средоточиями зарождавшейся торговли: там сходились для обмена окрестные крестьяне, управляющие феодалов и пр. Там селились, естественно, те, которые хотели специально заниматься торговлей, и которые постепенно образовали новое, купеческое сословие; покупая у одних, с выгодой перепродавая другим, они скопляли в городах товары и деньги. Там находили для своих произведений наилучший сбыт ремесленники; поэтому они отовсюду стремились в города, и образовали главную массу их населения. Крестьянские же занятия, хотя долго еще держались у городских жителей (потому что города и были первоначально лишь большими деревнями), но теряли прежнее значение: уже не земледелие было основой городского богатства, а ремесло и торговля.

Находились ли города в зависимости от феодалов?

— Да, весьма долго. Но с самого начала феодалы, занимаясь сельским хозяйством, не жили в своих городах, а потому и мало вмешивались в их экономическую жизнь, ограничиваясь тем, что брали с их жителей оброки. Растущее богатство городских общин позволяло им мало-по-малу откупаться от феодальных стеснений и повинностей, так что в то самое время, как деревня все более закрепощалась, город, напротив, освобождался. Впоследствии города стали так могущественны, что многие совсем освободились от зависимости, иногда выкупом, иногда своей военной силой, и стали вольными городами.

Какая была в городах общественная организация?

Сначала такая же, как и в деревенских общинах

тая друг на друга, успешнее поддерживать жизнь и развитие общества. Но совсем не так представляется дело в сознании участников обмена: для них это—**б о рь б а**. Покупатель хочет заплатить как можно меньше, получить товару как можно больше: таков его интерес. Интерес продавца противоположный; и тот, и другой стараются поставить на своем. Борьба ведется в мирной форме, в виде „торга“,—но все-таки отношение двух сторон враждебное. Бывали, и теперь бывают случаи, когда оно обостряется вплоть до насилия. Так, иногда дорговизна хлеба и других необходимых продуктов вызывала восстания, разграбление магазинов. И еще, кроме этого, при развитом обмене существует конкуренция. Продавцы одного и того же товара находятся между собою в соперничестве, также и покупатели. Каждый продавец желает сбыть свой товар,—но неизвестно, хватит ли покупателей на всех продавцов; а на кого не хватит, у того товар пропадет даром. Поэтому каждый продавец отбивает у других покупателя; и эта враждебность, обычно не выходящая из мирных форм, иногда переходит в насильственные действия. Но и покупателям не всегда хватает товару; отсюда конкуренция и между ними.—Так на основе сотрудничества в меновом обществе идет борьба, и она для людей затемняет, как бы заслоняет связь их труда.

В борьбе между покупателем и продавцом кто побеждает?

— Это зависит от спроса и предложения товара. Предложение—это то количество товара, которое находится на рынке, т.-е., которое „предлагают“ продавцы; спрос—то количество, которое требуется покупателям. Если предложение больше спроса, или, другими словами, если товара на рынке слишком много, так что покупателей на него не хватает, то между продавцами происходит

усиленная конкуренция; каждый из них готов понижать цену, лишь бы сбыть с рук свой товар; этим пользуются покупатели, и товар им достается дешевле. Когда спрос больше предложения, т.-е., товара не хватает на покупателей, то получается все наоборот—конкуренция между покупателями повышает цену.

Но когда предложение и спрос оказываются равны между собою, по какой цене тогда совершается обмен?

— Тогда цена бывает не дорогая и не дешевая—обмен происходит по нормальной ценности товаров.

Что такое „нормальная ценность“?

— Такая, которая соответствует трудовой стоимости товаров. Весь смысл обмена заключается в том, что люди взаимно отдают друг другу труд, заключенный в их товарах. Поэтому обмениваться должны один на другой такие товары, в которых заключается по равному количеству труда; напр., в одном 10 часов простого труда и в другом тоже 10 часов. Это относится ко всяким товарам, в том числе и к деньгам.

Однако, очевидно, бывает и иначе, если один и тот же товар продается иногда дороже, иногда дешевле?

— Да, потому что разделение труда в меновом обществе не организовано, и производство, а следовательно предложение товара, часто не соответствует спросу. Тогда получается то, что, напр., один товар, стоящий 10 часов труда, обменивается на другой товар (или на деньги), стоимостью всего 6 часов, или же, напротив, стоимостью 15 часов. Но тогда сам рынок исправляет дело. Если платье, стоящее 20 часов труда, обменивается за столько же денег, как сапоги, стоящие 10 часов, то производители платья почувствуют, что их занятие невыгодно, и начнут переходить к дру-

капитал и доход от него, можно найти одно и то же, а именно, что владельцем капитала присваивается, прямо или через чужие руки, чей-нибудь прибавочный труд.

На каком же основании владельцу капитала удается присваивать чей-нибудь прибавочный труд?

— На том, что ему принадлежат, как его частная собственность, необходимые средства производства. Так, фабрика есть известная совокупность средств производства; деньги, при меновом хозяйстве, тоже являются необходимым средством производства, потому что без них нельзя получить орудий, материалов труда, нельзя занять рабочей силы, вообще—организовать производительное предприятие. Как собственник средств труда, капиталист присваивает продукт и заключенный в нем прибавочный труд. Только на этом условии капиталист соглашается дать средства труда в руки производителя, работника.

Следовательно, что же такое в действительности капитал?

— Это—средства производства, ставшие средством эксплуатации, благодаря тому, что они находятся в частной собственности.

Все ли экономисты согласны с этим пониманием капитала?

— Нет. Во многих книгах излагается иная точка зрения: капитал понимается, как „продукт прежнего труда, который служит для дальнейшего производства“. Это означает—все средства производства, добытые трудом. Напр., при этом выходит, что если первобытный дикарь набрал камней и выломал дубину для своей охоты, то эти камни и эта дубина—его капитал. Этот взгляд неправилен, потому что он смешивает в одну груду самые различные вещи и отношения: капиталистом тут оказывается и первобытный дикарь, и крестьянин, и ремесленник, у которых есть орудия, произве-

усиленная конкуренция; каждый из них готов понижать цену, лишь бы сбыть с рук свой товар; этим пользуются покупатели, и товар им достается дешевле. Когда спрос больше предложения, т.-е., товара не хватает на покупателей, то получается все наоборот—конкуренция между покупателями повышает цену.

Но когда предложение и спрос называются равными между собою, по какой цене тогда совершается обмен?

— Тогда цена бывает не дорогая и не дешевая—обмен происходит по нормальной ценности товаров.

Что такое „нормальная ценность“?

— Такая, которая соответствует трудовой стоимости товаров. Весь смысл обмена заключается в том, что люди взаимно отдают друг другу труд, заключенный в их товарах. Поэтому обмениваться должны один на другой такие товары, в которых заключается по равному количеству труда; напр., в одном 10 часов простого труда и в другом тоже 10 часов. Это относится ко всяким товарам, в том числе и к деньгам.

Однако, очевидно, бывает и иначе, если один и тот же товар продается иногда дороже, иногда дешевле?

— Да, потому что разделение труда в меновом обществе не организованное, и производство, а следовательно предложение товара, часто не соответствует спросу. Тогда получается то, что, напр., один товар, стоящий 10 часов труда, обменивается на другой товар (или на деньги), стоимостью всего 6 часов, или же, напротив, стоимостью 15 часов. Но тогда сам рынок исправляет дело. Если платье, стоящее 20 часов труда, обменивается за столько же денег, как сапоги, стоящие 10 часов, то производители платья почувствуют, что их занятие невыгодно, и начнут переходить к дру-

капитал и доход от него, можно найти одно и то же, а именно, что владельцем капитала присваивается, прямо или через чужие руки, чей-нибудь прибавочный труд.

На каком же основании владельцу капитала удастся присвоивать чей-нибудь прибавочный труд?

— На том, что ему принадлежат, как его частная собственность, необходимые средства производства. Так, фабрика есть известная совокупность средств производства; деньги, при меновом хозяйстве, тоже являются необходимым средством производства, потому что без них нельзя получить орудий, материалов труда, нельзя занять рабочей силы, вообще—организовать производительное предприятие. Как собственник средств труда, капиталист присваивает продукт и заключенный в нем прибавочный труд. Только на этом условии капиталист соглашается дать средства труда в руки производителя, работника.

Следовательно, что же такое в действительности капитал?

— Это—средства производства, ставшие средством эксплуатации, благодаря тому, что они находятся в частной собственности.

Все ли экономисты согласны с этим пониманием капитала?

— Нет. Во многих книгах излагается иная точка зрения: капитал понимается, как „продукт прежнего труда, который служит для дальнейшего производства“. Это означает—все средства производства, добытые трудом. Напр., при этом выходит, что если первобытный дикарь набрал камней и выломал дубину для своей охоты, то эти камни и эта дубина—его капитал. Этот взгляд неправилен, потому что он смешивает в одну груду самые различные вещи и отношения: капиталистом тут оказывается и первобытный дикарь, и крестьянин, и ремесленник, у которых есть орудия, произве-

денные трудом. Но этот взгляд отстаивают все те экономисты, которые сочувствуют капиталу и защищают его интересы; им важно доказать, что капитал вечен, всегда необходим в производстве. На самом же деле средства производства всегда необходимы, но не всегда они бывают капиталом, т.-е. средством присвоения чужого прибавочного труда.

в) Власть торгового капитала.

Что такое торговый капитал?

— Капитал, который присваивает прибавочную стоимость путем торговых операций—покупки и продажи—для получения прибыли. Предположим, что 1 рубль денег изображает 10 часов простого труда, и что купец, купивши товар за 80 коп., продал его за 1 рубль, т.-е. отдал то, что стоило 8 часов труда, а взамен приобрел то, что стоило 10 часов. Очевидно, что при этом произошло присвоение 2 часов чужого труда в виде 20 коп. торговой прибыли. Если купец продал товар по настоящей стоимости, как это надо предполагать при обычных условиях, то ясно, что купил он его дешевле стоимости: производитель затратил на товар 10 часов труда, а уступил за сумму денег, заключающую всего 8 часов труда. Это торговая эксплуатация.

Почему же именно производитель делает уступку?

— Это может происходить по разным причинам; наиболее частая и общая та, что производитель сам не имеет доступа к рынку. Напр., скупщик приезжает в деревню и закупает у крестьян холст. Каждому крестьянину везти самому холст на ближайший рынок, хотя бы за несколько десятков верст, в город, значило бы потерять массу труда; а если производство ведется на вывоз в чужие страны, то крестьянину нечего и мечтать самому

у капиталиста объединяются массы продукта, произведенные согласно его расчетам и указаниям, и продаваемые им на рынке. Следовательно, хотя тут производство и выполняется руками мелких производителей, но оно есть массовое производство для рынка; а это—основная и общая черта всякого капиталистического производства.

В какой мере торговый капитал эксплуатирует подчиненных ему мелких производителей?

— Он развивает эксплуатацию до чрезвычайности; это настоящее „закабаление“ производителя. Вначале капиталист, посредством понижения цены на принимаемый товар, отнимает в свою пользу весь прибавочный труд, так то хозяйство кустаря, или ремесленника, или крестьянина, едва только может нормально поддерживаться. Но обыкновенно на этом дело не останавливается. Стремясь увеличить свою прибыль, капиталист еще дальше понижает цену на товар, еще более повышает проценты по долгам. Чтобы удержаться, производитель удлиняет свой рабочий день до крайности, затем заставляет усиленно работать свою жену, детей, вплоть до малолетних. Дело доходит у кустарей до того, что иногда 5—6-летние дети работают по 12—14 часов в сутки; и несмотря на это, хозяйство перестает мало-по-малу сводить концы с концами, безнадежно бьется в долгах, и уже не в состоянии поддерживать своих рабочих сил, которые начинают вырождаться. Тут не только прибавочный труд увеличен до крайности тем, что к работе отца семьи прибавляется работа других ее членов, и не только весь этот прибавочный труд присваивается капиталистом, но, кроме того, у семьи отнимается часть необходимого труда, часть заработка, необходимого для сохранения рабочих сил хозяйства.

денные трудом. Но этот взгляд отстаивают все те экономисты, которые сочувствуют капиталу и защищают его интересы; им важно доказать, что капитал вечен, всегда необходим в производстве. На самом же деле средства производства всегда необходимы, но не всегда они бывают капиталом, т.-е. средством присвоения чужого прибавочного труда.

в) Власть торгового капитала.

Что такое торговый капитал?

— Капитал, который присваивает прибавочную стоимость путем торговых операций—покупки и продажи—для получения прибыли. Предположим, что 1 рубль денег изображает 10 часов простого труда, и что купец, купивши товар за 80 коп., продал его за 1 рубл. т.-е. отдал то, что стоило 8 часов труда, а взамен приобрел то, что стоило 10 часов. Очевидно, что при этом произошло присвоение 2 часов чужого труда в виде 20 коп. торговой прибыли. Если купец продал товар по настоящей стоимости, как это надо предполагать при обычных условиях, то ясно, что купил он его дешевле стоимости: производитель затратил на товар 10 часов труда, а уступил за сумму денег, заключающую всего 8 часов труда. Это торговая эксплуатация.

Почему же именно производитель делает уступку?

— Это может происходить по разным причинам; наиболее частая и общая та, что производитель сам не имеет доступа к рынку. Напр., скупщик приезжает в деревню и закупает у крестьян холст. Каждому крестьянину везти самому холст на ближайший рынок, хотя бы за несколько десятков верст, в город, значило бы потерять массу труда; а если производство ведется на вывоз в чужие страны, то крестьянину нечего и мечтать самому

у капиталиста объединяются массы продукта, произведенные согласно его расчетам и указаниям, и продаваемые им на рынке. Следовательно, хотя тут производство и выполняется руками мелких производителей, но оно есть массовое производство для рынка; а это—основная и общая черта всякого капиталистического производства.

В какой мере торговый капитал эксплуатирует подчиненных ему мелких производителей?

— Он развивает эксплуатацию до чрезвычайности; это настоящее „закабаление“ производителя. Вначале капиталист, посредством понижения цены на принимаемый товар, отнимает в свою пользу весь прибавочный труд, так то хозяйство кустика, или ремесленника, или крестьянина, едва только может нормально поддерживаться. Но обыкновенно на этом дело не останавливается. Стремясь увеличить свою прибыль, капиталист еще дальше понижает цену на товар, еще более повышает проценты по долгам. Чтобы удержаться, производитель удлиняет свой рабочий день до крайности, затем заставляет усиленно работать свою жену, детей, вплоть до малолетних. Дело доходит у кустика до того, что иногда 5—6-летние дети работают по 12—14 часов в сутки; и несмотря на это, хозяйство перестает мало-по-малу сводить концы с концами, безнадежно бьется в долгах, и уже не в состоянии поддерживать своих рабочих сил, которые начинают вырождаться. Тут не только прибавочный труд увеличен до крайности тем, что к работе отца семьи прибавляется работа других ее членов, и не только весь этот прибавочный труд присваивается капиталистом, но, кроме того, у семьи отнимается часть необходимого труда, часть заработка, необходимого для сохранения рабочих сил хозяйства.

При торговом капитализме можно ли считать закабаленное хозяйство мелкого производителя настоящим особым хозяйством?

— Нет. Хотя у него имеется и мастерская, и орудия, но это в действительности не его хозяйство, а маленькая частица хозяйства того торгового капиталиста, на которого он работает. Не только продукт его труда, в сущности, заранее принадлежит кулаку или скупщику, но, когда тот достаточно закабалит его, то и мастерская, и орудия лишь по видимости принадлежат производителю: капиталист может, основываясь на неоплатных долгах, во всякое время отнять у него все это, и окончательно его разорить; а если не делает этого, так потому, что находит выгодным попрежнему его эксплуатировать вместе с семьей. На деле производитель уже не более как наемный работник капитала, и под видом уплаты за товар капиталист дает ему лишь жалкую сдельную плату.

А так ли смотрит на свое хозяйство сам закабаленный производитель?

— Нет, он продолжает обыкновенно считать себя самостоятельным хозяином, как прежде,—употребляет массу усилий, чтобы поправить свои дела и выбиться из кабалы, не понимая, что капитал уже не выпустит его, и что при таких неравных экономических силах борьба безнадежна. Понять свое положение мешает ему то, что по внешности он остается собственником своих орудий, и ему кажется, что он работает на себя.

Как влияло развитие торгового капитализма на крепостное хозяйство в деревне?

— Несмотря на власть помещика, торговому капиталу обыкновенно удавалось добраться до крепостного земледельца и кустика: кулачество и скупничество понемногу охватывали деревню. Помогал этому часто и сам помещик, заменяя для крестьян оброк натуральный (т.-е. в виде продуктов)

ником, но сам, разумеется, не сознавал этого, продолжал верить в свое хозяйство и выбиваться из сил, чтобы вернуть ему независимость. Все это можно наблюдать и теперь, в крупных и мелких городах, где ремесленники работают на магазины или на вывозящих товар торговцев; не лучше, обыкновенно, их положение и там, где они работают на заказчика, но получают от торговца в кредит материал, а также и деньги для поддержания падающего хозяйства — конечно, под ростовщические проценты. Теперь, правда, положение значительной части ремесленников ухудшилось еще сильнее, потому что их душит, вдобавок, и конкуренция промышленно-капиталистических предприятий.

Какие силы при меновом хозяйстве и, в частности, при торговом капитализме ведут к развитию производства?

— Жажда накопления и конкуренция. Жажда накопления побуждает расширять производство и усиливать эксплуатацию. Конкуренция заставляет капиталиста искать способов без ущерба для себя понижать цену товаров; а этого он может достигнуть всего вернее тем, что вводит улучшение в технику и в организацию производства. Этим был вызван и переход к промышленному капитализму.

V. КАПИТАЛИЗМ ПРОМЫШЛЕННЫЙ.

а) Промышленно-капиталистическое предприятие.

В чем заключается сущность перехода от торгового капитализма к промышленному?

— В том, что капитал, лишив мелких производителей их собственного хозяйства, собирает их в свою ма стерскую, фабрику, завод, вообще в

При торговом капитализме можно ли считать закабаленное хозяйство мелкого производителя настоящим особым хозяйством?

— Нет. Хотя у него имеется и мастерская, и орудия, но это в действительности не его хозяйство, а маленькая частица хозяйства того торгового капиталиста, на которого он работает. Не только продукт его труда, в сущности, заранее принадлежит кулаку или скупщику, но, когда тот достаточно закабалит его, то и мастерская, и орудия лишь по видимости принадлежат производителю: капиталист может, основываясь на неоплатных долгах, во всякое время отнять у него все это, и окончательно его разорить; а если не делает этого, так потому, что находит выгодным попрежнему его эксплуатировать вместе с семьей. На деле производитель уже не более как наемный работник капитала, и под видом уплаты за товар капиталист дает ему лишь жалкую сделную плату.

А так ли смотрит на свое хозяйство сам закабаленный производитель?

— Нет, он продолжает обыкновенно считать себя самостоятельным хозяином, как прежде, — употребляет массу усилий, чтобы поправить свои дела и выбиться из кабалы, не понимая, что капитал уже не выпустит его, и что при таких неравных экономических силах борьба безнадежна. Понять свое положение мешает ему то, что по внешности он остается собственником своих орудий, и ему кажется, что он работает на себя.

Как влияло развитие торгового капитализма на крепостное хозяйство в деревне?

— Несмотря на власть помещика, торговому капиталу обыкновенно удавалось добаться до крепостного земледельца и кустаря: кулачество и скупщичество понемногу охватывали деревню. Помогал этому часто и сам помещик, заменяя для крестьян оброк натуральный (т.-е. в виде продуктов)

ником, но сам, разумеется, не сознавал этого, продолжал верить в свое хозяйство и выбиваться из сил, чтобы вернуть ему независимость. Все это можно наблюдать и теперь, в крупных и мелких городах, где ремесленники работают на магазины или на вывозящих товар торговцев; не лучше, обыкновенно, их положение и там, где они работают на заказчика, но получают от торговца в кредит материал, а также и деньги для поддержания падающего хозяйства—конечно, под ростовщические проценты. Теперь, правда, положение значительной части ремесленников ухудшилось еще сильнее, потому что их душит, вдобавок, и конкуренция промышленно-капиталистических предприятий.

Какие силы при меновом хозяйстве и, в частности, при торговом капитализме ведут к развитию производства?

— Жажда накопления и конкуренция. Жажда накопления побуждает расширять производство и усиливать эксплуатацию. Конкуренция заставляет капиталиста искать способов без ущерба для себя понижать цену товаров; а этого он может достигнуть всего вернее тем, что вводит улучшение в технику и в организацию производства. Этим был вызван и переход к промышленному капитализму.

V. КАПИТАЛИЗМ ПРОМЫШЛЕННЫЙ.

а) Промышленно-капиталистическое предприятие.

В чем заключается сущность перехода от торгового капитализма к промышленному?

— В том, что капитал, лишив мелких производителей их собственного хозяйства, собирает их в свою ма стерскую, фабрику, завод, вообще в

крупное предприятие, и там их рабочими силами ведет производство, присваивая себе прибавочную стоимость.

Как организовано промышленно-капиталистическое предприятие?

— Капиталист нанимает рабочих, т.-е. заключает с ними договор о покупке их рабочей силы на определенное время. Затем он помещает их в свое предприятие, там дает им орудие и материалы труда, и заставляет их работать, так чтобы они выполняли, сверх необходимого труда, прибавочный. Продукт их работы капиталист присваивает и продает, при чем получает прибыль—результат прибавочного труда рабочих.

Какие виды из этого основные условия промышленного капитализма?

— Во-первых, необходим достаточный капитал у предпринимателя, чтобы он мог дать в руки всех своих рабочих средства производства и платить им заработную плату до продажи продукта; другими словами, необходимо первоначальное накопление капитала. Во-вторых, на рынке должна иметься для продажи свободная рабочая сила; другими словами, требуется первоначальное накопление свободной рабочей силы.

Как произошло первоначальное накопление капитала?

— Путем предыдущей эксплуатации—торговой, ростовщической, крепостной, рабовладельческой, военного ограбления и пр. В Европе крепостное хозяйство сосредоточивало в руках помещиков большие богатства; в колониях, особенно со времени открытия Америки, богатства еще более огромные составлялись путем торгового обмана туземцев, не знавших стоимости европейских товаров, и путем насильственного захвата их имущества, а затем—путем обращения их самих в крепостное

Но еще гораздо значительнее то повышение производительности, которое получается путем усиленной специализации работников предприятия, т.-е. разделения между ними труда на частичные, мелкие работы. Эта специализация была широко применена в мануфактурах, т.-е. в первоначально возникших капиталистических предприятиях, которые действовали ручным трудом. В ремесле, даже и при наибольшей его специализации, каждый отдельный работник приготавливает все-таки сначала и до конца целый продукт. В мануфактуре же производство какой-нибудь иглой или булавки было разделено на целые десятки специальных мельчайших операций, из которых каждая выполнялась особым работником; если, напр., один тянул проволоку для булавки, другой ее обрезывал, третий заострял и т. д., то и тот, и другой, и третий только этим и занимались, и ничем более. Человек превращался в машину для одного или нескольких простых движений. Но благодаря этому оказалось, что его можно и заменить машиной: построить механизм, который выполнял бы такие же движения, стало не так трудно. Это и было сделано промышленным капиталом, который перешел тогда к своей высшей стадии—машинному производству.

В какой степени этими способами увеличивается производительность труда?

— Уже мануфактурное разделение ручного труда часто в десятки раз увеличивает количество производимого продукта; с машиной же не только получается дальнейшее огромное возрастание, но даже возможен, повидимому, путем ее развития и совершенствования, неограниченный рост производительности труда. Ремесленник, выполняющий все дело с начала и до конца, едва ли мог бы приготовить несколько десятков булавок в рабочий день. Мануфактура, в которой труд был

крупное предприятие, и там их рабочими силами ведет производство, присваивая себе прибавочную стоимость.

Как организовано промышленно-капиталистическое предприятие?

— Капиталист нанимает рабочих, т.-е. заключает с ними договор о покупке их рабочей силы на определенное время. Затем он помещает их в свое предприятие, там дает им орудие и материалы труда, и заставляет их работать, так чтобы они выполняли, сверх необходимого труда, прибавочный. Продукт их работы капиталист присваивает и продает, при чем получает прибыль—результат прибавочного труда рабочих.

Какие видны из этого основные условия промышленного капитализма?

— Во-первых, необходим достаточный капитал у предпринимателя, чтобы он мог дать в руки всех своих рабочих средства производства и платить им заработную плату до продажи продукта; другими словами, необходимо первоначальное накопление капитала. Во-вторых, на рынке должна иметься для продажи свободная рабочая сила; другими словами, требуется первоначальное накопление свободной рабочей силы.

Как произошло первоначальное накопление капитала?

— Путем предыдущей эксплуатации—торговой, ростовщической, крепостной, рабовладельческой, военного ограбления и пр. В Европе крепостное хозяйство сосредоточивало в руках помещиков большие богатства; в колониях, особенно со времени открытия Америки, богатства еще более огромные составлялись путем торгового обмана туземцев, не знавших стоимости европейских товаров, и путем насильственного захвата их имущества, а затем—путем обращения их самих в крепостное

Но еще гораздо значительнее то повышение производительности, которое получается путем усиленной специализации работников предприятия, т.е. разделения между ними труда на частичные, мелкие работы. Эта специализация была широко применена в мануфактурах, т.е. в первоначально возникших капиталистических предприятиях, которые действовали ручным трудом. В ремесле, даже и при наибольшей его специализации, каждый отдельный работник prepares все-таки сначала и до конца целый продукт. В мануфактуре же производство какой-нибудь иглой или булавы было разделено на целые десятки специальных мельчайших операций, из которых каждая выполнялась особым работником; если, напр., один тянул проволоку для булавки, другой ее обрезава, третий заострял и т. д., то и тот, и другой, и третий только этим и занимались, и ничем более. Человек превращался в машину для одного или нескольких простых движений. Но благодаря этому оказалось, что его можно и заменить машиной: построить механизм, который выполнял бы такие же движения, стало не так трудно. Это и было сделано промышленным капиталом, который перешел тогда к своей высшей стадии — машинному производству.

В какой степени этими способами увеличивает-ся производительность труда?

— Уже мануфактурное разделение ручного труда часто в десятки раз увеличивает количество производимого продукта; с машиной же не только получается дальнейшее огромное возрастание, но даже возможен, повидимому, путем ее развития и совершенствования, неограниченный рост производительности труда. Ремесленник, выполняющий все дело с начала и до конца, едва ли мог бы приготовить несколько десятков булавок в рабочий день. Мануфактура, в которой труд был

разделен только между 10 работниками, в XVIII веке давала ежедневно 48,000 булавок: на каждого приходилось по 4800 штук. На одной современной фабрике в Америке 5 рабочих, управляя 70 машинами, производят 7,500,000 булавок в день — в среднем на человека по $1\frac{1}{2}$ миллиона. Тут, конечно, надо принять во внимание и лишний труд, который пошел на постройку самих машин; но все же сбережение труда громадное, тем более, что и машины теперь производят также с помощью машин.

Как вообще организовано сотрудничество в капиталистическом предприятии?

— Во-первых, тут имеется сотрудничество авторитарное (власть-подчинение) между предпринимателем и рабочим. Капиталист первоначально сам был организатором во всем предприятии — лично всем распоряжался и руководил работами. Но по мере возрастания размера предприятия это становилось затруднительным, а затем и прямо невозможным: предприниматель тогда нанимает старших мастеров, техников, инженеров; они ведут работы, а сам он отходит от производства. Сначала он сохранял за собою все же одну часть организаторской работы, а именно конторскую, бухгалтерскую, по найму рабочих, по продаже товара; но потом и это было передано еще другим наемным служащим — директорам, бухгалтерам, торговым агентам и пр. Капиталист окончательно устранился из сотрудничества, и свел свою экономическую роль к одному присвоению; организаторское руководство над рабочими перешло к служащей по найму интеллигенции. — Между рабочими же вначале, при ручном труде мануфактур, господствовала крайняя специализация, которая их разъединяла: когда работа одного совершенно иная, чем работа другого, то и связи между людьми мало, один другому редко может помочь в его

Благодаря всему этому, крупное производство в земледелии не столь резко превосходит по выгоды мелкое, и развивается не столь быстро, как в промышленности. Деревня и тут экономически отстает от города; для разных стран эта отсталость проявляется в разной степени; у нас она проявляется сильнее, чем в передовых государствах.

в) Стоимость рабочей силы.

Как велика стоимость рабочей силы?

— Рабочая сила в организме работника постоянно вновь и вновь производится потреблением жизненных средств—пищи, одежды и пр. Потому стоимость производства рабочей силы и есть стоимость этих предметов потребления, т.-е. количество труда, необходимое в обществе для их производства. Сообразно с этим и на рабочем рынке обычная ценность рабочей силы равна ценности средств потребления рабочих; такова и бывает нормальная заработная плата.

Входит ли в нормальную заработную плату стоимость потребления всей семьи работника?

— Да, если из всей семьи обычно работает один человек—отец семейства. Но если входит в употребление на фабриках и заводах труд женщин и детей, как это всюду наблюдается с развитием машинного производства, то уже только вся вместе плата, получаемая всеми обычно работающими членами семьи, должна покрывать стоимость нормального потребления всей семьи. Соответственно этому капиталисты и понижают плату.

г) Переменный и постоянный капитал и прибавочная стоимость.

Весь ли капитал предпринимателя имеет свойство приносить ему прибавочную стоимость?

разделен только между 10 работниками, в XVIII веке давала ежедневно 48,000 булавок: на каждого приходилось по 4800 штук. На одной современной фабрике в Америке 5 рабочих, управляя 70 машинами, производят 7,500,000 булавок в день—в среднем на человека по 1½ миллиона. Тут, конечно, надо принять во внимание и лишний труд, который пошел на постройку самих машин; но все же сбережение труда громадное, тем более, что и машины теперь производят также с помощью машин.

Как вообще организовано сотрудничество в капиталистическом предприятии?

— Во-первых, тут имеется сотрудничество авторитарное (власть-подчинение) между предпринимателем и рабочим. Капиталист первоначально сам был организатором во всем предприятии—лично всем распоряжался и руководил работами. Но по мере возрастания размера предприятия это становилось затруднительным, а затем и прямо невозможным: предприниматель тогда нанимает старших мастеров, техников, инженеров; они ведут работы, а сам он отходит от производства. Сначала он сохранял за собою все же одну часть организаторской работы, а именно конторскую, бухгалтерскую, по найму рабочих, по продаже товара; но потом и это было передано еще другим наемным служащим—директорам, бухгалтерам, торговым агентам и пр. Капиталист окончательно устранился из сотрудничества, и свел свою экономическую роль к одному присвоению; организаторское руководство над рабочими перешло к служащим по найму интеллигенции.—Между рабочими ж вначале, при ручном труде мануфактур, господствовала крайняя специализация, которая их разединяла: когда работа одного совершенно иначе, чем работа другого, то и связи между людьми мало, один другому редко может помочь в е

Благодаря всему этому, крупное производство в земледелии не столь резко превосходит по выгоды мелкое, и развивается не столь быстро, как в промышленности. Деревня и тут экономически отстает от города; для разных стран эта отсталость проявляется в разной степени; у нас она проявляется сильнее, чем в передовых государствах.

в) Стоимость рабочей силы.

Как велика стоимость рабочей силы?

— Рабочая сила в организме работника постоянно вновь и вновь производится потреблением жизненных средств—пищи, одежды и пр. Потому стоимость производства рабочей силы и есть стоимость этих предметов потребления, т.-е. количество труда, необходимое в обществе для их производства. Сообразно с этим и на рабочем рынке обычная ценность рабочей силы равна ценности средств потребления рабочих; такова и бывает нормальная заработная плата.

Входит ли в нормальную заработную плату стоимость потребления всей семьи работника?

— Да, если из всей семьи обычно работает один человек—отец семейства. Но если входит в употребление на фабриках и заводах труд женщин и детей, как это всюду наблюдается с развитием машинного производства, то уже только вся вместе плата, получаемая всеми обычно работающими членами семьи, должна покрывать стоимость нормального потребления всей семьи. Соответственно этому капиталисты и понижают плату.

г) Переменный и постоянный капитал и прибавочная стоимость.

Весь ли капитал предпринимателя имеет свойство приносить ему прибавочную стоимость?

— Нет, не весь. Так как прибавочная стоимость создается трудом, затратой рабочей силы, то и приносит прибавочную стоимость только та часть капитала, которая идет на покупку рабочей силы. Она называется переменным капиталом, потому что именно с ней происходит перемена величины, т.-е. при соединении прибавочной стоимости. Остальная же часть капитала, та, которая затрачивается на средства производства—на орудия, мастерскую, материалы,—не имеет этого свойства, не изменяет своей величины во время работы, и называется постоянным капиталом. Материал истрачивается, орудия изнашиваются, мастерские понемногу тоже разрушаются; их стоимость входит, конечно, в стоимость товара, но входит именно столько, сколько истратилось, не больше.

Как же следует представить себе в целом стоимость товара?

— Она составляется из затраченного постоянного капитала, затраченного переменного и произведенной прибавочным трудом работников новой стоимости. Предположим, капиталист ведет ткацкое предприятие. Он нанимает 200 рабочих с платой за день по 50 коп., т.-е. затрачивает 100 рублей переменного капитала. За день они переработают пряжи, положим, на 3 рубля каждый, а всего на 600 рублей; будет при этом происходить изнашивание станков, мастерской, вообще—орудий; и хотя все это стоит, может-быть, сотни тысяч, но зато и служат—мастерская десятки лет, станки—целые годы, другие инструменты—месяцы, недели; так что за день работы изнашивается мастерская, напр., на одну десятитысячную, станок на одну тысячную, веретено на одну сотую, и т. д.; если мастерская стоит 100.000 рублей, то это выйдет на день изнашивание 10 рублей; если каждый станок стоит тысячу, то от каждого из них истратится на 1 рубль,

сти больше или меньше доли рабочих, и потому получается сравнением прибавочной стоимости с одним переменным капиталом. Но предприниматель ведет расчет своей прибыли иначе, он смотрит на то, сколько процентов она составляет на весь затраченный им капитал, и постоянный, и переменный. В нашем примере он затратил 900 р. постоянного и 100 р. переменного капитала, а всего 1000 р., и прибавочная стоимость—100 р.—равняется всего 10% на эту сумму. Эти 10% представляют норму прибыли, т.-е. меру выгодности предприятия для капиталиста. Здесь она в десять раз меньше, чем норма прибавочной стоимости, потому что весь капитал в десять раз больше, чем один переменный.

Вообще, различает ли капиталист значение постоянного и переменного капитала?

— Нет, капиталист считает, что весь капитал дает ему прибыль, и потому для него нет разницы между постоянным и переменным. Его интересует другое различие: какая часть капитала скорее приносит ему прибыль, и какая медленнее. То, что он затратил на рабочих, и то, что он затратил на материалы, возвращается к нему с прибылью при каждой продаже товара; и всю эту часть капитала он называет оборотной. Напротив, то, что он затратил на орудия (на мастерскую, станки, инструменты), возвращается к нему не сразу при первой же продаже товара, а постепенно, по частям, в целом ряде продаж, по мере того, как эти орудия изнашиваются. Эту долю капитала он называет основной. Не надо смешивать различие основного и оборотного капитала с различием постоянного и переменного; это—два разных способа рассчитывать, две точки зрения на капитал, свойственные одна—предпринимателю, другая—рабочему.

— Нет, не весь. Так как прибавочная стоимость создается трудом, затратой рабочей силы, то и приносит прибавочную стоимость только та часть капитала, которая идет на покупку рабочей силы. Она называется переменным капиталом, потому что именно с ней происходит перемена величины, т.-е. при соединении прибавочной стоимости. Остальная же часть капитала, та, которая затрачивается на средства производства на орудия, мастерскую, материалы,—не имеет этого свойства, не изменяет своей величины во время работы, и называется постоянным капиталом. Материал истрачивается, орудия изнашиваются, мастерские понемногу тоже разрушаются; их стоимость входит, конечно, в стоимость товара, но входит именно столько, сколько истрачено, не больше.

Как же следует представить себе в целом стоимость товара?

— Она составляется из затраченного постоянного капитала, затраченного переменного и произведенной прибавочным трудом работников новой стоимости. Предположим, капиталист ведет ткацкое предприятие. Он нанимает 200 рабочих с платой за день по 50 коп., т.-е. затрачивает 100 рублей переменного капитала. За день они переработают пряжи, положим, на 3 рубля каждый, а всего на 600 рублей; будет при этом происходить изнашивание станков, мастерской, вообще—орудий; и хотя все это стоит, может-быть, сотни тысяч, но зато и служат—мастерская десятки лет, станки—целые годы, другие инструменты—месяцы, недели; так что за день работы изнашивается мастерская, напр., на одну десятитысячную, станок на одну тысячную, веретено на одну сотую, и т. д.; если мастерская стоит 100.000 рублей, то это выйдет на день изнашивание 10 рублей; если каждый станок стоит тысячу, то от каждого из них истратится на 1 рубль,

сти больше или меньше доли рабочих, и потому получается сравнением прибавочной стоимости с одним переменным капиталом. Но предприниматель ведет расчет своей прибыли иначе, он смотрит на то, сколько процентов она составляет на весь затраченный им капитал, и постоянный, и переменный. В нашем примере он затратил 900 р. постоянного и 100 р. переменного капитала, а всего 1000 р., и прибавочная стоимость—100 р.—равняется всего 10% на эту сумму. Эти 10% представляют норму прибыли, т.-е. меру выгодности предприятия для капиталиста. Здесь она в десять раз меньше, чем норма прибавочной стоимости, потому что весь капитал в десять раз больше, чем один переменный.

Вообще, различает ли капиталист значение постоянного и переменного капитала?

— Нет, капиталист считает, что весь капитал дает ему прибыль, и потому для него нет разницы между постоянным и переменным. Его интересует другое различие: какая часть капитала скорее приносит ему прибыль, и какая медленнее. То, что он затратил на рабочих, и то, что он затратил на материалы, возвращается к нему с прибылью при каждой продаже товара; и всю эту часть капитала он называет оборотной. Напротив, то, что он затратил на орудия (на мастерскую, станки, инструменты), возвращается к нему не сразу при первой же продаже товара, а постепенно, по частям, в целом ряде продаж, по мере того, как эти орудия снашиваются. Эту долю капитала он называет основной. Не надо смешивать различие основного и оборотного капитала с различием постоянного и переменного; это—два разных способа рассчитывать, две точки зрения на капитал, свойственные одна—предпринимателю, другая—рабочему.

д) Способы увеличивать прибавочную стоимость.

Какими способами капиталист может увеличить прибавочную стоимость, получаемую в предприятии?

— Он может, во-первых, прямо увеличивать количество труда, выполняемое рабочим; при этом необходимый труд остается прежний, значит—прибавочный труд возрастает. Во-вторых, предприниматель может уменьшать количество необходимого труда; так как общая сумма труда остается прежняя, то прибавочная часть его опять-таки возрастает.

Каким образом может быть увеличено количество труда рабочих?

Во-первых, простым удлинением рабочего дня, во-вторых, увеличением интенсивности (напряженности) труда. Если бы, в нашем прежнем примере, ткацкому фабриканту удалось, напр., постепенным увеличением скорости машин, усилить напряженность труда в полтора раза, то ежедневные 10 часов означали бы, в действительности, 15 часов прежнего, обычного труда; прибавочный труд был бы не 5, а 10 часов, т.-е. мера эксплуатации возросла бы вдвое (200%).

До каких пределов возможно удлинение рабочего дня?

— Две силы ставят предел этому удлинению: во-первых, выгода самих капиталистов, во-вторых, сопротивление рабочих. Если удлинение чрезмерно, напр., до 17—18 часов (как это бывало, и даже сейчас бывает местами в наиболее отсталых производствах), то понижается напряженность труда вследствие ослабления организма работников, и количество труда не возрастает, или даже уменьшается. Отдельно взятый, капиталист обыкновенно не думает об этом, но государство, которое есть общая организация, охраняющая интересы

капиталист у себя увеличивает производительность труда выше средней производительности, какая существует в его отрасли. Напр., он вводит такую машину, которой другие предприниматели еще ее знают, или не успели у себя ввести. В результате, его рабочие успевают за 10 часов труда сделать с ее помощью столько, сколько в других предприятиях делается, положим, за 20 часов. Каждый час их работы идет за 2 часа среднего общественно-необходимого труда, который образует стоимость товара. Тогда они отработают заработную плату, вместо 5 часов, в $2\frac{1}{2}$ часа, и все остальное время будет прибавочным— $7\frac{1}{2}$ часов, вместо 5. Норма прибавочной стоимости окажется 300%. Отсюда стремление капиталистов повышать производительность труда введением новых и новых, более совершенных, машин.

Может ли такое выгодное для отдельного капиталиста положение остаться навсегда?

— Нет. Конкуренция заставляет других капиталистов как можно скорее ввести ту же машину, и тогда выгода его положения теряется. Получается общее повышение производительности труда в этой отрасли. Раньше, когда такое повышение имелось у одного предпринимателя, продукт обходился ему дешевле обычной стоимости, но продавался по обычной стоимости. Теперь же эта обычная стоимость сама понижается: товар удешевился, потому что общественного труда в среднем на его производство идет меньше; и час труда работников с новой машиной идет уже не за 2 часа, а опять за час обычного труда; необходимое рабочее время для всех попрежнему 5 часов. Для общества же в целом получается прогресс: повышение производительности труда.

д) Способы увеличивать прибавочную стоимость.

Какими способами капиталист может увеличить прибавочную стоимость, получаемую в предприятии?

— Он может, во-первых, прямо увеличивать количество труда, выполняемое рабочим; при этом необходимый труд остается прежний, значит — прибавочный труд возрастает. Во-вторых, предприниматель может уменьшать количество необходимого труда; так как общая сумма труда остается прежняя, то прибавочная часть его опять-таки возрастает.

Каким образом может быть увеличено количество труда рабочих?

Во-первых, простым удлинением рабочего дня, во-вторых, увеличением интенсивности (напряженности) труда. Если бы, в нашем прежнем примере, ткацкому фабриканту удалось, напр., постепенным увеличением скорости машин, усилить напряженность труда в полтора раза, то ежедневные 10 часов означали бы, в действительности, 15 часов прежнего, обычного труда; прибавочный труд был бы не 5, а 10 часов, т.-е. мера эксплуатации возросла бы вдвое (200%).

До каких пределов возможно удлинение рабочего дня?

— Две силы ставят предел этому удлинению: во-первых, выгода самих капиталистов, во-вторых, сопротивление рабочих. Если удлинение чрезмерно, напр., до 17—18 часов (как это бывало, и даже сейчас бывает местами в наиболее отсталых производствах), то понижается напряженность труда вследствие ослабления организма работников, и количество труда не возрастает, или даже уменьшается. Отдельно взятый, капиталист обыкновенно не думает об этом, но государство, которое есть общая организация, охраняющая интересы

капиталист у себя увеличивает производительность труда выше средней производительности, какая существует в его отрасли. Напр., он вводит такую машину, которой другие предприниматели еще ее знают, или не успели у себя ввести. В результате, его рабочие успевают за 10 часов труда сделать с ее помощью столько, сколько в других предприятиях делается, положим, за 20 часов. Каждый час их работы идет за 2 часа среднего общественно-необходимого труда, который образует стоимость товара. Тогда они отработают заработную плату, вместо 5 часов, в $2\frac{1}{2}$ часа, и все остальное время будет прибавочным— $7\frac{1}{2}$ часов, вместо 5. Норма прибавочной стоимости окажется 300%. Отсюда стремление капиталистов повышать производительность труда введением новых и новых, более совершенных, машин.

Может ли такое выгодное для отдельного капиталиста положение остаться навсегда?

— Нет. Конкуренция заставляет других капиталистов как можно скорее ввести ту же машину, и тогда выгода его положения теряется. Получается общее повышение производительности труда в этой отрасли. Раньше, когда такое повышение имелось у одного предпринимателя, продукт обходился ему дешевле обычной стоимости, но продавался по обычной стоимости. Теперь же эта обычная стоимость сама понижается: товар удешевился, потому что общественного труда в среднем на его производство идет меньше; и час труда работников с новой машиной идет уже не за 2 часа, а опять за час обычного труда; необходимое рабочее время для всех попрежнему 5 часов. Для общества же в целом получается прогресс: повышение производительности труда.

е) Резервная армия капитала.

Всегда ли капитал находит на рабочем рынке достаточную для своих надобностей рабочую силу?

— Кроме очень редких случаев,—да. Даже когда он значительно расширяет производство, у него не оказывается недостатка в рабочей силе, потому что к его услугам имеется резервная, т.-е. запасная армия рабочих—безработные.

Откуда же берется эта армия безработных?

— Сам капитал создает ее для себя. Он делает это, во-первых, силою конкуренции, во-вторых, силою машин и вообще технического прогресса. Своей конкуренцией крупный капитал губит сначала ремесленников, кустарей, вообще мелких производителей; им приходится тогда выносить на рынок свою рабочую силу. Затем и среди капиталистических предприятий более крупные, будучи экономически сильнее, побеждают и разоряют более мелкие, выбрасывая на улицу и их владельцев и их рабочих. Главным средством для этого служит введение новых и новых машин и других технических улучшений, повышающих производительность труда. Но эти машины и улучшения создают безработицу еще иным путем—просто вытесняя и замещая часть рабочих. Чем лучше, чем совершеннее машина, тем большее число работников она делает ненужными для производства, выбрасывает в ряды резервной армии. Там они должны ожидать, пока их руки вновь потребуются капиталу. За последнее столетие машины во много раз увеличили производительность труда, и если бы размеры производства не возрасли также во много раз, то лишь ничтожная часть рабочего класса имела бы заработок, а девять десятых его, или даже и того больше, были бы обречены на голодную смерть. Но как ни расши-

руется производство, оно никогда еще не поглощало целиком резервной армии безработных, и даже в таких странах, как Англия, Соед. Штаты, Германия, в годы наибольшего процветания имеется из общего числа рабочего населения по несколько процентов безработных. В годы промышленного застоя и особенно кризисов число это страшно возрастает — на сотни тысяч, на миллионы человек. — В странах более отсталых, как у нас в России, резервную армию постоянно еще увеличивает разоряемое торговым капиталом и чрезмерными податями крестьянство. Поэтому капитал повсюду, даже при самом резком расширении предприятий, имеет откуда черпать рабочую силу.

Чем живет резервная армия капитала?

— Средства ее существования разнообразны и неустойчивы: мелкие случайные заработки, проживание раньше сбереженных трудом грошей, благотворительность; а затем когда все это исчерпывается, — проституция, воровство и т. д. При этом, конечно, постоянная нужда и лишения, голод, холод, болезни, иногда — прямо смерть от истощения. Часть рабочих сил резервной армии успевает погибнуть раньше, чем понадобится капиталу.

Как влияет резервная армия на положение тех, которые имеют работу?

— Благодаря ей, условия на рабочем рынке, и без того весьма неравные для покупателя и для продавца рабочей силы, потому что капиталист вообще может ждать, а рабочий не может, становятся для рабочего особенно неблагоприятными. Всякого данного работника предприниматель, если пожелает, может заменить другим, взятым из безработной армии. Поэтому в отдельности каждый работник совершенно бессилен и должен был бы беспрекословно соглашаться на все условия капиталиста. Отсюда необходимость организации рабочих.

ж) Заработная плата.

В каком виде рабочий получает заработную плату?

— Нормально он ее получает в денежной форме. Кое-где, в отсталых странах и отраслях, сохраняется еще расплата продуктами, напр., из фабричной лавки, или талонами, т.-е. квитанциями на покупку этих продуктов. Это — остатки старого, торгово-капиталистического способа эксплуатации; этими приемами достигается и уменьшение заработной платы по произволу — стоит только повысить цены на товары, — и некоторое закрепощение рабочих тем, что им не дают денег на руки. Часто такое же значение имеют хозяйские казармы для рабочих и т. под. Но все подобные приемы, по мере развития капитализма и с ним рабочей организации, вытесняются из практики. Так, даже у нас в России расплата товарами и талонами была запрещена законом, хотя на деле применяется и теперь еще местами.

Какие существуют способы расчета заработной платы?

— Основных два: повременный, т.-е. плата по часам, поденная, помесечная и т. п., и сдельный, плата поштучная. На более ранних ступенях капитализма преобладает плата повременная; но затем она все более вытесняется сдельной, и сохраняется лишь для таких видов труда, где слишком трудно или невозможно установить поштучную расценку, напр., при починках, при работах с новыми, еще не применявшимися машинами, и пр. Сдельная плата удобнее для капиталиста потому, что при ней не требуется надзора за усердием работника; возможна, правда, чрезмерная спешка и от нее небрежность в работе, — но это легко устраняется посредством браковки продукта при приемке и посредством штрафов за порчу материала. Особенная же выгода сдельной платы за-

ключается для капиталиста в том, что она позволяет быстро увеличивать по его желанию напряженность труда. На сдельной плате работник старается выполнить за обычные часы как можно больше своего дела, потому что это увеличивает заработок. Благодаря такому старанию, он и достигает повышенного заработка, ценой, конечно, большой растраты энергии. Но когда этим способом плата у значительной части рабочих окажется выше обычной, капиталист понижает расценку настолько, чтобы они и при усиленной напряженности труда получали лишь обычную плату. Чтобы удержать большой заработок, рабочий вынужден вновь повышать интенсивность работы, а тогда капиталист вновь понизит расценку, и т. д.

Какое значение имеют сроки расплаты для рабочего?

— Рабочий сначала работает, потом получает плату, т. е., в сущности, он ссужает свою рабочую силу капиталисту до срока расплаты; но зато сам он это время вынужден жить в кредит, если не имеет сбережений. А за кредит всегда приходится, явно или в скрытой форме, переплачивать на цене продуктов. Поэтому для рабочего важны короткие сроки расплаты. В передовых странах и преобладает недельный срок; у нас еще весьма распространены двухнедельный, встречается и месячный, и больше. У капиталиста деньги лежат в банке, и на них за это время идут ему проценты.

з) Рабочие организации.

Что такое „индивидуальный“ договор о заработной плате и что — „коллективный“ договор?

— „Индивидуальный“ договор — форма первоначальная; он заключается между отдельным, не связанным с другими, рабочим и отдельным капиталистом. Договор коллективный заключается

между организацией рабочих одной отрасли труда — профессиональным союзом — и предпринимателем или союзом предпринимателей. Зародыш профессиональной организации рабочих представляет уже стачка; и зародышем коллективного договора являются те уступки, которые достигаются стачкой. Развитая же и, сильная профессиональная организация часто может добиться выгодного коллективного договора и не прибегая к стачке.

Способна ли профессиональная организация путем профессиональной борьбы и коллективных договоров дать вполне надежное и прочное улучшение условий труда?

— Это зависит от ее собственной силы, т. е. от широты и прочности. Но, говоря вообще, даже самая сильная профессиональная организация не может безусловно обеспечить рабочим сделанные приобретения: ухудшение рынка, кризис, организация предпринимателей могут всегда вызвать перемену в положении; перевес окажется за другой стороной, и она тогда отбирает обратно свои уступки. Поэтому, во-первых, профессиональная организация вынуждена всегда иметь в виду возможность новой борьбы и готовиться к ней; во-вторых, особенно важно политически закреплять ее приобретения, какие возможно, в виде закона в о труде; законодательное закрепленное сокращение рабочего дня, правила об ограждении рабочих от несчастных случаев и вознаграждении за них, правила о границах штрафов и т. под. капиталистам переделать гораздо труднее: для этого приходится пускать в ход всю государственную машину, особенно в тех странах, где имеется парламентарный строй и где установленные правила не могут быть отменены простыми циркулярами чиновников. Такие приобретения на практике оказываются почти всегда вполне прочными.

Могут ли сами по себе профессиональные союзы

достигать законодательного улучшения условий труда?

— В странах наиболее свободных, где им не запрещается политическая деятельность, им еще это удастся, как, напр., в Англии. Но и там практика показала, что нужны особые политические организации рабочего класса, чтобы отстаивать его интересы в государственной машине, потому что профессиональные союзы мало приспособлены для политических целей. Изменить же в самой основе положение рабочего класса они тем более не могут, потому что по самому характеру своей организации направлены на борьбу за улучшение условий жизни рабочих в пределах существующего экономического строя, т.-е. капитализма, а не за коренную перестройку общества.

Однако, значение профессиональных союзов заключается далеко не только в том, что они достигают частичных практических улучшений, облегчающих жизнь и развитие рабочего класса. Они, вообще, помогают сплочению рабочего класса. В одно целое, связанное общими целями и сотрудничеством, — в сознательный трудовой коллектив. Они дают рабочему классу первоначальное организационное и деловое воспитание, необходимое ему и для того, чтобы отстаивать свои интересы в нынешнем обществе, и для того, чтобы подготовиться к делу его коренного преобразования, когда ход исторического развития сделает это возможным и необходимым.

Что такое кооперативная организация?

— Кооперативы или потребительные общества объединяют рабочих для того, чтобы они могли дешевле покупать предметы своего потребления. Кооператив закупает продукты оптом, следовательно, по более дешевым ценам, и уступает их своим членам без той надбавки, которую должны всегда делать в свою пользу обычные

лавочники. Оставляя себе только часть разницы между оптовой и розничной ценой товаров, кооператив, при успешном ведении дел, накапливает средства, которые позволяют ему открывать собственные предприятия — булочные, мясные, прачечные, пивоваренные заводы (как делается в Германии) и т. под. Это дает ему возможность еще более понижать для своих членов цену на некоторые необходимые продукты. Часть прибыли кооперативов, когда ими руководят передовые и сознательные рабочие, употребляется для просветительных целей, для поддержки профессиональной и политической жизни рабочего класса.

В какой мере кооперативы способны достигать улучшения условий жизни рабочих?

— Удешевление жизни рабочих, получаемое при помощи кооперативов, является сколько-нибудь прочным лишь тогда, когда другие рабочие организации, профессиональные и политические, достаточно сильны, чтобы не допускать понижения заработной платы. Иначе капиталисты, принимая в расчет удешевление продуктов для рабочих, соответственно понизят их плату, и, следовательно, отберут всю выгоду в свою пользу.

Как и профессиональные союзы, кооперативы особенно важны тем, что содействуют собиранию сил рабочего класса, его сплочению и организационному воспитанию, а также и воспитанию хозяйственно-деловому. В этом смысле они дополняют воспитательное значение профессиональных союзов: те, всетаки, организации, главным образом, боевые, в кооперативах же на первом плане чисто хозяйственная сторона. Впрочем, и в классовой борьбе рабочих с предпринимателями кооперативы могут играть крупную роль своей поддержкой профессиональных и стачечных организаций, а также отпуском в кредит продуктов для бастующих.

Что представляют кооперативы не-рабочие и смешанные?

— Это—такие же потребительные общества, составленные либо из крестьян, из кустарей, ремесленников, из интеллигентных служащих разных предприятий, либо из смешения подобных элементов между собою и с рабочими.

Наибольшее общественное значение имеют из таких кооперативов крестьянские. Они содействуют сплочению разрозненной массы мелких хозяев-крестьян; облегчают ей самозащиту от ростовщичества-кулачества; позволяют улучшать технику производства, сообщая заводя усовершенствованные орудия и машины, недоступные по цене отдельному хозяину, закупаая высшего сорта семена, объединяя часто не только покупку продуктов и орудий, но также сбыт производимых крестьянами товаров.

Для рабочих участие в смешанных кооперативах невыгодно тем, что, вообще, не облегчает, а затрудняет их классовое сплочение, в частности же заставляет их подчиняться чуждым классовым интересам, когда рабочие не в большинстве.

Что такое производительные рабочие товарищества?

— Это—объединение рабочих, которые складывают свои сбережения и устраивают на паях общее предприятие, где сами являются хозяевами.

Какое значение для рабочих имеют такие товарищества?

— Они делают рабочих владельцами некоторого общего капитала и освобождают их от необходимости отдавать прибавочную стоимость капиталистам; поэтому, в случае успеха они превращают своих членов, в мелких капиталистов. При накоплении общего капитала, пайщики тогда отказываются допускать новых рабочих без соответственно крупных паев; а так как те, обыкновенно, не имеют таких денег, то пайщики нанимают их за

обычную заработную плату и эксплуатируют их в свою пользу. Это происходит оттого, что пока существует капитализм, производительные товарищества, развиваясь в его среде, не могут не быть капиталистическими предприятиями, должны конкурировать с другими капиталистами и, как они, отстаивают свою прибыль. Для рабочего класса они, поэтому, не полезны, кроме тех немногих случаев, когда они бывают связаны с профессиональными союзами и рабочими партиями, так что подчиняют свои выгоды их интересам, отдают им всю прибыль или большую часть ее. Надо прибавить, что производительные товарищества лишь редко имеют успех в слишком неравной конкуренции с огромными капиталами нашего времени, при враждебном или недоверчивом отношении капиталистов, с которыми они должны иметь дела.

Что такое потребительно-производительные товарищества?

— Это—уже упомянутые нами кооперативы, которые заводят свои собственные предприятия для производства массовых продуктов потребления рабочих (булочные, мясные, прачечные и т. под.). Такие ассоциации гораздо устойчивее, чем просто производительные, потому что гораздо меньше боятся конкуренции: им обеспечен сбыт продуктов среди членов всего кооператива. Имеется, затем, и то преимущество, что пайщиками являются все члены кооператива, а не маленькая группа—рабочие самого предприятия; поэтому гораздо менее возможно превращение пайщиков в мелких капиталистов, отрывающихся от рабочего класса с его общими интересами. А хозяйственно-деловое воспитание рабочим такие кооперативы дают, очевидно, наиболее разностороннее.

Имеют ли экономическое значение рабочие партии, и вообще—политические рабочие организации?

— Да, имеют, и огромное. Все политические

партии суть классовые и защищают общие интересы того или иного класса: партии консервативные, обычно, обслуживают интересы помещиков, либеральные—капиталистов, демократические—крестьян или городской бедноты. Рабочая партия есть организация классовой борьбы пролетариата за его общие интересы. Она отстаивает, напр., свободу стачек, свободу союзов, добивается законов о сокращении рабочего дня и т. д. Она же ставит себе и более широкие экономические задачи; собирает силы и подготавливает способы и средства для коренной перестройки всего общества в интересах рабочего пролетариата.

и) Прибыль и рента.

Представляют ли капиталисты единый общественный класс?

— Нет. В их среде существует много различий интересов и, благодаря, этому они делятся на множество групп, часто вступающих в борьбу между собою. Так, напр., для машиностроителей нужны высокие цены на машины, а для всех прочих капиталистов, покупающих машины, это невыгодно; для заводчиков, выплавляющих чугун, железо и сталь, желательно повышать цену этих металлов, для машиностроителей, напротив, прямая выгода понижать ее. Капиталисты торговые, купцы, образуют особую группу от промышленных; банкиры, занимающиеся кредитом, т. е. торговлей деньгами,—также особую группу. Купцам фабриканты и заводчики должны уделывать часть производимой у них прибавочной стоимости в виде скидки на оптовых ценах товаров, банкирам в виде процентов по занятым деньгам: понятно, что каждая сторона хочет взять себе больше, уступить другой меньше. Но есть еще одно, более глубокое разделение, образующее из буржуазии два больших класса: это—1) собственно капиталисты, 2) землевладельцы.

В чем сущность различия этих двух классов?

— В характере их собственности. Обыкновенный капитал имеет форму орудий, товаров, денег; количество этих вещей может быть увеличено путем производства. Земля же—капитал особого рода: ее количество ограничено и увеличить его нельзя. Между тем, для производства земля всегда—необходимое условие; чтобы вести предприятие, капиталист непременно должен владеть землей или арендовать ее. Это ставит капиталистов, большинство которых, обычно, не владеют землею, в известную зависимость от землевладельцев. Еще для предприятий промышленных, торговых, кредитных требуется сравнительно очень немного земли; но в сельско-хозяйственных и горных требуется гораздо больше, и ее качества имеют огромное значение для успешности дела. Всюду капиталисты принуждены отдавать часть прибавочной стоимости землевладельцам за право приложения труда и капитала на их земле. Эта часть называется земельной рентой, тогда как доля собственно капиталистов называется прибылью. Понятно, что особенно важную роль земельная рента играет в сельском хозяйстве и горном деле.

Как велики размеры доли капиталистов и доли землевладельцев в разделе общественной прибавочной стоимости?

— Это бывает различно, в зависимости от экономической силы той и другой стороны. Чем больше плотность населения, чем труднее для капиталистов найти свободные участки под свои предприятия, тем больше могут требовать землевладельцы, тем выше рента. Чем крупнее и многочисленнее капиталы и чем легче они могут переноситься из одной страны в другую, тем более землевладельцы должны сокращать свои аппетиты, тем ниже их рента.

С разных по качеству участков рента бывает,

весьма различной величины. Предположим, что землевладелец сдает в аренду под сельское хозяйство капиталистам несколько участков, неодинаково плодородных. Очевидно, что даже самый плохой участок он не сдаст даром. Пусть этот участок приносит всего чистого дохода 1200 рублей. Арендатор примет в расчет, сколько капитала он должен затратить на свое дело, допустим, 10.000 рублей; если обычная в стране прибыль предпринимателей 10% на капитал, то капиталист должен взять себе не меньше 1000 р., и не согласится, следовательно, платить владельцу земли больше 200 руб., иначе просто предпочтет направить капитал в иные предприятия. 200 рублей и составят здесь ренту. Но другие участки, будучи плодороднее, с такой же затратой капитала приносят больше дохода, потому что в них труд рабочих производит больше, хлеба получается больше; а продается он по той же цене, зависящей от общественно-необходимого количества труда на производство пуда хлеба. Доходность другого участка будет 2000 руб., третьего—3000. Землевладелец за аренду лучшей земли и требует больше. Он согласен оставить капиталисту обычную прибыль, 1000 руб., а остальное хочет взять себе, т.е. со второго участка ренту в 1000 р., с третьего—в 2000 р. И это ему удастся, потому что если бы один капиталист захотел оставить себе больше, то найдутся конкуренты, которые набавят цену, и в борьбе между собою они будут набавлять ее, пока доля арендатора не сведется к обычной прибыли. Следовательно, всю выгоду от высокой производительности труда на лучшей почве землевладелец берет себе. Такова же и рента в горном деле с участков, менее богатых и более богатых минералами.

Почему в больших городах и вблизи от них даже бесплодные пустыри сдаются и продаются по огромным ценам?

— Тут имеет значение близость устраиваемых на них предприятий к рынку. Если для одной фабрики сбыт товаров имеется в двух верстах, а для другой — в двухстах, то понятно, сколько труда первая берегает на перевозке товаров, и какие издержки для нее избегаются, между тем, как товар с обеих продается по одной цене. Всю эту выгоду землевладелец также отбирает в свою пользу в виде ренты за участок; и капиталист соглашается, потому что иначе его прибыль оказалась бы выше, чем у других, и нашлись бы тотчас конкуренты, которые повысили бы ренту и перебили бы удобный участок.—От этой же ренты зависит и страшная дороговизна квартир в больших городах, особенно близко к их центру.

По какой цене земля продается?

— Если участок приносит, напр., 1000 руб. ренты, то владелец продает его только за такой капитал, который без труда для него самого приносил бы такую же сумму дохода, напр., будучи положен в банк. Если банки платят по вкладам 5%, то этот капитал будет 20.000 рублей.

Борьба интересов между капиталистами и землевладельцами, как общественными классами, насколько ли серьезна и решительна, как борьба интересов между капиталистами и рабочими?

— Нет. Оба высшие класса живут прибавочной стоимостью, и потому у них есть важнейший общий интерес—чтобы прибавочная стоимость была как можно больше, а стоимость рабочей силы, получаемая рабочими,—как можно меньше.

и) Кредит.

Что такое кредитный капитал?

— Это высшая современная форма капитала ростовщического, торгующего деньгами. Основные

отличия современного кредита: огромные размеры его операций и высоко выработанные, сложные их формы; главные заемщики—промышленные капиталисты, а не мелкие производители; торговля не только собственными деньгами, но еще больше—чужими, которые кредитный капитал специально для этого отовсюду собирает путем различных заемных операций, идущих рядом с его ссудными операциями.

Что такое кредитные документы?

— Это разного рода долговые расписки, составляемые по утвержденным законами образцам. Основной тип их—вексель. Вексель—обязательство в такой-то срок уплатить такому-то, или кому он прикажет, такую-то сумму. Эта сумма—„валюта“—заключает в себе, конечно, и действительный долг и процентные деньги на него. Векселя допускаются передавать и продавать. Вексель на богатого капиталиста или надежную фирму нередко употребляется для расплаты вместо денег, особенно, в международной торговле: русский капиталист платит французскому пересылаемым по почте векселем на француза же, купленным у какого-нибудь другого русского капиталиста, имеющего дела с Францией. Этим избегается пересылка золота туда и обратно. Кроме векселей, существует еще масса других кредитных документов. К ним принадлежат разные „ценные бумаги“ и „бумажные деньги“. Главными центрами выпуска кредитных документов являются банки—кредитные организации капитала.

Чем вообще занимаются банки?

— Они получают кредит и оказывают его; первый род операций называется пассивные, второй—активные. Посредством пассивных операций банки стягивают в свои кассы чужие деньги; в активных операциях они пускают эти деньги под проценты; прибыль от них частью берут себе,

отчасти же делятся ею с теми, от кого получили деньги в кредит. Обыкновенно, в оборотах банков чужие деньги, им доверенные, во много раз превосходят их собственные капиталы.

Какие существуют главные пассивные операции?

— Во-первых, прием вкладов (депозитная операция); во-вторых, выпуск банковых билетов (эмиссионная). Вкладчики отдают свои деньги в банк, и за то, что банк пользуется этими деньгами, получают на них известный процент (конечно, меньше того, который сами банки берут со своих должников). Вклады бывают на разные сроки и без срока—„на текущий счет“; эти последние банк обязан выплачивать по первому требованию; по этому и проценты на них он дает меньше, чем на срочные вклады, которые может пускать в оборот с уверенностью, что их не потребуют от него неожиданно и не затруднят этим его кассу. Промышленные капиталисты оборотную часть капитала держат обыкновенно на текущем счету. Когда такой вкладчик хочет взять известную сумму из банка обратно, или заплатить ее кому-нибудь, то он пишет „чек“, т.-е. записку за своей подписью на листке из книжки, отпечатанной по особой форме и выданной ему банком. Банк по чеку уплачивает обозначенную сумму предъявителю или записывает ее на собственный счет предъявителя, если тот этого желает. Широко применяются также „переводные чеки“, которыми заменяется пересылка денег, напр., в Петербурге покупают в каком-нибудь банке переводный чек на состоящий с ним в деловых сношениях банк московский или берлинский и посылают в Москву или Берлин, кому желают уплатить данную сумму. Получатель предъявляет перевод в банк, и там ему выплачивают деньги.

У большинства банков главные средства состояются из вкладов. Но есть банки „эмиссионные“,

которые выпускают банковые билеты. Банковый билет—это обязательство банка по первому требованию уплатить предъявителю ту сумму, какая на билете обозначена. По доверию к состоятельности банка, такой билет охотно принимают вместо настоящих денег; но понятно, что эту операцию могут с успехом широко применять только особенно солидные банки; обыкновенно это бывает специально разрешено им государством. Когда подобные билеты выпускает государственный банк, т.-е. государство при помощи собственных кредитных учреждений, или просто когда их выпускает государственное казначейство, то они называются „бумажными деньгами“ (кредитные билеты, ассигнации). Тот, кто принимает банковый билет или кредитку вместо денег, в сущности, оказывает банку или государству беспроцентный кредит. Конечно, беспроцентные займы очень выгодны для банков или для государства; но тот, кто берет банковый билет вместо денег, ничего не теряет, потому что ему стоит лишь положить этот билет, как вклад, в какой-нибудь банк, и будут получаться проценты по вкладу; для обращения же, особенно при больших суммах, банковые билеты удобнее золота и серебра.

Что такое «неразменные бумажные деньги»?

— Чтобы банковые билеты безопасно могли всеми приниматься, для этого банку надо иметь в своих подвалах достаточное количество золота, иначе он не мог бы разменять своих билетов, если бы их сразу много ему предъявили, и это было бы банкротство. Но, разумеется, никогда не бывает, чтобы все выпущенные билеты сразу были предъявлены обратно, и потому запас золота может быть меньше их суммы, даже в несколько раз меньше, если банк солиден и пользуется доверием. Государственные кредитные билеты должны также быть обеспечены золотым запасом казны, но этот запас

часто может быть сравнительно еще меньше, потому что билеты обеспечены всем имуществом государства. Однако, если государство их выпускает слишком много, расплачиваясь ими по своим расходам, то доверие падает, владельцы кредиток предъявляют их и требуют золота; государство оказывается не в силах разменять их на золото, и приостанавливает свободный размен. Но все же оно законом вынуждает подданных принимать эти бумажки, и само принимает их, напр., в уплату податей. Тогда бумажки, ставшие „неразменными“, падают в цене, и при том, тем сильнее, чем больше их выпущено и чем более понизилось доверие к государству. Во Франции, в эпоху Великой Революции правительство так наводнило ими страну, что получилось падение их цены на золото (или курса) в сотни раз. У нас, в России, в прошлом веке бывало понижение курса до 23 коп. золотом за рубль. Но развитие капитализма требует восстановления размена, потому что двойной счет, на бумажки и на золото, да еще с постоянными изменениями их ценности, страшно затрудняет и спутывает расчеты капиталистических предприятий. Так и у нас размен был восстановлен, при чем, правительство уменьшило золотой рубль в полтора раза (это было в конце прошлого века). В настоящее время, благодаря выпуску нескольких десятков миллиардов бумажных рублей, курс их понизился вновь больше, чем в десять раз.

Какие существуют главные активные операции кредита?

— Во-первых, ссуды под залог, и, во-вторых, учет векселей (дисконт). Ссуды делаются под залог разного имущества, товаров, лежащих на складах, ценных бумаг и т. под. Для капиталистов, пользующихся доверием банка, делаются иногда ссуды и без залога (личный кредит).

Учет векселей применяется тогда, когда лицо,

имеющее вексель, желает получить по нем деньги до срока. Оно предлагает вексель банку; если банк находит, что вексель достаточно надежный, то покупает его, конечно, с вычетом процентов за то время, пока банку придется ждать уплаты, и еще с некоторой скидкой на риск банка.

Кому оказывают кредит банки?

— Тем, кто внушает им доверие, т.-е. крупным капиталистам. Но собирают они средства не только с крупных капиталистов, а отовсюду, принимая даже сравнительно мелкие сбережения. Для самых мелких сбережений устраиваются специальные банки—сберегательные кассы, государственные или частные. Такими путями даже сбережения какой-нибудь прислуги или рабочего, путем кредита, попадают в руки крупных предпринимателей и служат усилением их капитала. Делаются иногда попытки организовать кредит для мелких производителей—разные ссудо-сберегательные товарищества, банки для поддержки кустарей, и пр. Но их экономическое значение ничтожно по сравнению с гигантским кредитом крупного капитала; выгоды от них, в конце-концов, обыкновенно достаются на долю торгового капитала, т.-е. скупщиков и магазинов, которые эксплуатируют мелких производителей. В общем, современный кредит увеличивает силу экономически-сильных, но отнюдь не слабых.

к) Акционерные предприятия.

Что такое акционерное предприятие?

— Это—один из способов, которыми кредит собирает воедино мелкие и крупные капиталы, создавая из них капиталы, еще несравненно более значительные. Дела этого рода устраиваются так. Группа капиталистов, иногда и просто предпринимчивых людей, объявляет об основании нового пред-

приятия на акциях, т.-е. на таких паях, которые всякий может свободно покупать. Выпускается, напр., 10 тысяч акций по 100 рублей каждая. Если предприятие внушает надежду на успех, то акции будут раскуплены крупными и мелкими капиталистами (обыкновенно, при посредстве банков, ведущих эту распродажу). Составляется в руках учредителей капитал в миллион (на деле меньше, потому что часть акций они оставят себе, часть денег возьмут за посредничество банки). На собранный капитал и ведется предприятие. Правление для него выбирается собранием акционеров, т.-е. пайщиков; этому собранию даются отчеты, оно контролирует ход дела. Предположим, что за год получилась чистая прибыль 100 тысяч. Их делят между акционерами под названием „дивиденда“, выдавая по 10 рублей на акцию; или, если часть прибыли решают употребить на увеличение капитала, на расширение дела, то, напр., по 8 рублей. Вся организационная работа ведется наемными директорами, инженерами и пр. Акционеры только собираются, чтобы выбирать правление, слушать отчеты, делить доходы. Большинство акционеров, особенно мелкие, даже не интересуются делами предприятия, и на собраниях все вершат несколько крупных акционеров.

Остается ли цена акций постоянной?

— Нет, она меняется, смотря по тому, как идут дела акционерного общества. В нашем примере дивиденд на акцию был 8 рублей. Пусть обычный в стране кредитный процент—4 на сто; значит, акция дает столько же доходу, сколько 200 рублей, отданные займы под надежный залог или положенные в банк, при чем, доход также получается без труда для владельца. В таком случае владелец акции не согласится ее продать иначе, как за 200 р. или около того. Но если предприятие будет давать только 2 рубля на акцию, „курс“ ее

упадет до 50 р. Кроме того, на курс акции влияют расчеты и надежды: если имеются сведения о благоприятном ходе дел предприятия и можно ожидать повышения его доходности, акции „повышаются“ в цене; если возникают опасения, что дело будет идти хуже, — они „падают“.

Одни ли акции имеют свойство так менять цену, или вообще ценные бумаги?

— Это — свойство всех ценных бумаг. Напр., когда государство выпускает заем под определенные проценты, оно делает это так же, как учредители акционерного предприятия: печатает, положим, миллион свидетельств по 100 руб. каждое, с обязательством платить по 4 рубля в год процентов, и продает эти бумаги с помощью банков. Покупатели бумаг смотрят тогда на государство, как на акционерное предприятие, хотя, разумеется, не могут прямо руководить им. Если доходы государства — его налоги и подати — поступают хорошо, и есть надежды, что его экономическое положение будет еще улучшаться, то курс бумаг его в продаже будет возрастать; правда, оно будет платить попрежнему 4 рубля на каждую бумагу займа, но, в виду особенной обеспеченности дохода, за нее могут дать и более 100 руб. Напротив, если налоги поступают плохо, угрожает война, междоусобие и пр., — курс бумаг займа падает. То же относится и к разным другим ценным бумагам, государственным и частным. Дело в том, что хотя они очень разнообразны, но по существу все представляют одно и то же: это — свидетельство на получение некоторой доли производимой в обществе прибавочной стоимости от тех или иных предприятий. Государство, хотя оно не есть частное предприятие, а общая организация, посредством которой господствующие классы поддерживают желательный для них и соответствующий их интересам порядок, но в области кредита и вообще своего хозяйства вы-

нуждено действовать наподобие частных предприятий.

л) Биржа и спекуляция.

Что такое биржа?

— Это — собрание капиталистов, где совершаются наиболее крупные сделки и устанавливаются цены товаров; своего рода высшая организация местного рынка. Там объединяются сведения отовсюду о ходе дел в производстве и на мировом рынке, чтобы капиталисты могли с ними сообразоваться в своих операциях.

Какого рода сделки имеют преобладающее значение в деятельности биржи?

— Срочная продажа-покупка. Напр., на лондонской бирже фабрикант пряжи покупает у торговца, занимающегося ввозом хлопка из Америки, большую партию хлопка к сроку через три месяца. Торговец должен тогда через своих агентов закупить этот хлопок на месте и доставить его фабриканту в условленное время. Капиталисты, таким образом, могут избавлять себя от затрат на чрезмерно большие запасы, и вместе с тем приспособлять, по своим расчетам, покупку нужных чужих товаров к продаже своих.

Что такое „спекуляция“ или „спекулятивная сделка“?

— Это особый вид азартной игры, основанный на колебаниях рыночных цен. Хотя в своей основе цены зависят от трудовой стоимости товаров, которая определяет их нормальный средний уровень, но так как нет никакой сознательной, планомерной организации, которая держала бы цены на этом уровне, то они постоянно колеблются то вверх, то вниз от этого уровня, в зависимости от изменяющегося спроса-предложения. Если капиталист купит товар в момент понижения цены и

затем перепродаст в момент повышения, то он получит в свою пользу всю разницу обеих цен. Но если он ошибется в своем расчете, и цена будет падать дальше, то он будет вынужден продать в убыток, и вся разница цен уйдет из его кармана; в обоих случаях деятельность самого капиталиста, очевидно, бесплодна для общества и представляет простую игру. Развитие биржи усовершенствовало эту игру дальше. Покупка делается на определенный срок, с правом товара не принять, а вернуть его владельцу по тогдашней, новой цене. Напр., спекулянт покупает миллион пудов хлеба сроком на 3 месяца, по рублю, у другого спекулянта. Если за это время цена повысится до 1 р. 10 к. за пуд, то первый спекулянт хлеба не возьмет, а другой обязан будет принять хлеб обратно по высокой цене, и в результате расчета уплатить первому 100 тысяч рублей разницы. Если же цена хлеба упадет до 90 коп. за пуд, то первый спекулянт, расплачиваясь по старой цене, теряет 100 тысяч; значит, первый играл „на повышение“, второй — „на понижение“ цены зерна. Еще более грубая форма биржевой игры — та, которая ведется на курсе ценных бумаг. Игрок покупает, напр., акции такой-то железной дороги сроком на неделю, если за неделю произойдет повышение курса, то он выиграет, если понижение — проиграет.

В чем же заключается искусство биржевой игры?

— Очевидно, в хорошем знании рынка, в изучении его колебаний. Но никакой гарантии успеха это не дает, потому что точного предвидения цен при нынешнем строе быть не может. Поэтому спекулянты применяют еще другого рода методы: стараются вызвать желательное изменение цен. Напр., они скупают так много товара, что на рынке его не хватает, и цена повышается; или, если нужно понижение, неожиданно выпускают его из запасов на рынок так много, что цена падает. Чтобы вызвать

повышение акций предприятия, распространяют на бирже и в печати о ходе его дел благоприятные слухи, часто лживые, иногда подстраивают даже фальшивые отчеты. Чтобы вызвать понижение бумаг государственного займа, создают слухи об угрожающей государству войне, об опасных волнениях и пр., иногда даже через подкупленных политических деятелей создают международные столкновения. Такими способами часто крупные биржевики играют наверняка и приобретают миллионы за миллионами, разоряя, конечно, соответственную массу народа. Два американских архимиллионера, Гуд и Фиск в 1868 году бессовестной спекуляцией вызвали в Америке сильный финансовый кризис, разоривший десятки тысяч людей, так что Фиск был даже убит. Зато Гуд долгое время был первым богачом в Америке и во всем мире.

м) Рост капитала и его концентрация.

Что такое „капиталистическое накопление“?

— Это увеличение капитала присоединением к нему части прибавочной стоимости. Если вся прибыль капиталиста уходит на потребление, то никакого накопления нет; если часть ее остается у него, но только в виде денег, и никакого движения не получает, то это накопление сокровища. Если же он употребляет ее остаток на покупку материалов, орудий, рабочей силы, расширяя таким образом предприятие и эксплуатацию, то это накопление капитала в точном смысле слова. В странах передовых, как Соед. Штаты, Англия, Германия, общественный капитал путем этого накопления увеличивается ежегодно на тысячи миллионов рублей.

Что такое „концентрация капитала“?

— Это — собирание капиталов, ведущее к уменьшению их числа вместе с возрастанием их вели-

чины. Оно происходит путем конкуренции, прежде всего, затем путем кредита акционерного объединения капиталов, объединения предприятий в синдикаты. Конкуренция губит более мелкие или слабее организованные предприятия; более сильные их побивают, имея возможность понижать против них цены. Средства производства разрушенных предприятий частью просто пропадают, частью же скупаются за дешевую цену победоносными конкурентами. Многие из этих победителей затем бываю, в свою очередь, побиты еще более крупными капиталами и т. д. В результате число предприятий уменьшается. Кредит помогает этому, усиливая сильнейших и оставляя без поддержки слабейших. Акционерная форма предприятий собирает капиталы мирным путем, без прямого их разрушения; но зато, когда, напр., во время кризисов, гибнут акционерные предприятия, то разоряется сразу множество капиталистов. Синдикаты и тресты (так называются союзы предпринимателей) объединяют капиталы еще шире и мирным и боевым путем.

Во всех ли отраслях производства одинаково идет концентрация капитала?

— Она идет во всех, но неравномерно: одни опережают, другие отстают. Особенно отстает в большей части стран земледелие. Там крупное хозяйство имеет меньше преимуществ перед мелким. Конечно, они все-таки есть; напр., немалое сбережение труда и издержек получается при массовой доставке средств производства с рынка и готовых продуктов на рынок; также и машины в земледелии приносят значительные выгоды, хотя не столь большие, как в промышленности. Но все-таки мелкое земледельческое хозяйство еще долго продолжает удерживаться в конкуренции с крупными, несмотря даже на эксплуатацию со стороны кулаческо-ростовщического капитала. Удержи-

вается оно ценою очень высокой напряженности труда крестьянина с его семьей и сокращения их потребностей. В этом основной недостаток такого хозяйства: только громадная затрата трудовой энергии позволяет ему устоять в конкуренции, — так что, в общем, труд вознаграждается плохо.

Мелкое земледельческое хозяйство обладает большой живучестью; но сила его не повышается, а падает. И прогресс земледельческой техники движется, главным образом, благодаря крупным хозяйствам.

С развитием культуры мелкие земледельцы могут, до некоторой степени, воспользоваться выгодами крупного хозяйства, устраивая кооперации, объединяясь для покупки сообща машин и лучших орудий, улучшенных семян, племенного скота и проч., для совместного сбыта продуктов, а также для устройства товарищеских маслоделок, сыроварен, и т. д. Но и эти кооперации дают наибольшие выгоды более зажиточным хозяйствам: мало-земельные, полуразоренные, которые с трудом еще держатся, не в состоянии, большей частью, внести паев в товарищество.

В общем, развитие земледелия идет по тем же законам, что и промышленности, только действие их медленнее.

Всегда ли концентрация капитала ведет к увеличению производительной силы общества?

— В огромном большинстве случаев. Но все же, так как эта концентрация совершается стихийно, а не планомерно, то иногда результаты могут быть и неблагоприятными. Если разорение более слабых предприятий идет слишком быстро, то оно не уравновешивается ростом более сильных, они не успевают использовать освобождающиеся рабочие силы и средства труда, так что большая часть их погибает даром. Напр., когда в Ост-Индии, в 30-х годах прошлого века, англичане ввели

крупное текстильное производство с механическими станками, то местное кустарное производство бумажных тканей было разорено со страшной скоростью; и „равнины Индии белели костями ткачей хлопчатой бумаги“, как было сказано в одном официальном документе. Такая растрата сотен тысяч, едва ли не миллионов рабочих сил не могла быть полезна для экономического прогресса.

Слишком быстрое разрушение мелких форм производства может само замедлить и рост крупного капитала. Дело в том, что ему нужен рынок, чтобы сбывать массы своих товаров. Главный покупатель—народные массы, крестьяне, кустари, рабочие, городская беднота. Если капитал разоряет миллионы мелких хозяев, а из резервной армии, в которую попадают разоренные, привлекает только тысячи или десятки тысяч рабочих, то ясно, что количество покупателей для него уменьшается, рынок сбыта суживается; и если не найдется замены в виде какого-нибудь внешнего рынка, то ясно, что само крупное производство тогда не может свободно расширяться, само страдает от недостаточного спроса.

При обычном же, постепенном ходе концентрации капитала это сужение рынка может более чем уравновешиваться и тем, что увеличивается число занятых рабочих, как массовых покупателей, и тем, что товары, удешевляясь, благодаря лучшим способам производства, находят более широкое распространение.

Какое изменение организации общества происходит при концентрации капитала?

— Капиталистическое общество есть неорганизованное целое, состоящее из организованных частей,—потому что каждое предприятие в отдельности сознательно и планомерно организовано волею капиталиста и его наемных служащих—распорядителей, взаимная же связь

предприятий никакой сознательной волей планомерно не устанавливается. Концентрация капитала не изменяет еще по существу этого положения; но она приводит к тому, что число организованных частей, из которых общество состоит, становится все меньше, и, таким образом, общество приближается к единой организации. Но, конечно, для того, чтобы она на деле создалась, необходимо развиться такой общественной силе, которая смогла бы организовать общество в целом, и для которой эта задача была бы насущным жизненным интересом.

н) Промышленные кризисы.

Что такое „кризис“ в экономической жизни?

— Это—потрясение, нарушающее нормальный ее ход. Бывают кризисы частные и местные; напр., в Англии такой кризис вызвала в 60-х годах американская война между северными и южными штатами, прекратившая подвоз хлопка, необходимого для английских текстильных фабрик; у нас в России время от времени возникают кризисы от неурожая, порождаемых истощением почвы, благодаря низкой технике и упадку крестьянского хозяйства. Но бывают и общие кризисы, время от времени поражающие весь капиталистический мир. Таковы были кризисы 1825—6 г.г., затем 1836—7, 1847—8, 1857, сильнейший кризис 1873 и последующих годов, наконец, два несколько менее широких кризиса—1899 года, главным образом, европейский, и 1907 г.—главным образом, американский.

Какая причина общих кризисов?

— Перепроизводство товаров. При капитализме производство какого-либо продукта становится чрезмерным не тогда, когда этого продукта оказалось больше, чем общество его могло

бы потребить, а тогда, когда его больше, чем общество его может купить. Напр., возможно перепроизводство хлеба рядом с голоданием масс населения: они могли бы потребить хлеб, и это спасло бы миллионы рабочих сил, но у них нет „покупательной силы“, т.-е. денег; и хлеб, непроданный, лежит в складах, пока его купят, напр., за границу, или пока он сгниет. Капитализму свойственно время от времени порождать общее перепроизводство всех или почти всех товаров, при чем, цены их падают, а покупателей все-таки не оказывается: множество предприятий тогда гибнет, другие сокращают работу, а резервная армия капитала, т.-е. безработные, возрастает во много раз.

Каким образом возникает и развивается перепроизводство?

— Сила конкуренции заставляет каждого капиталиста расширять свое предприятие, совершенствовать его, вводить машины и пр.: все это необходимо не только для увеличения прибыли, но, что еще важнее, для того, чтобы удержаться против соперников в постоянной борьбе за рынок. Таким образом, повсюду производство, а значит, и предложение товаров на рынке, быстро увеличивается. Но растет ли в такой же мере спрос? Легко показать, что нет. Допустим, что за известное число лет производство удвоилось. Для нормального хода дел, значит, требуется, чтобы удвоен был и спрос. Главный потребитель, от которого зависит спрос, это многомиллионные массы народа. О мелких производителях, крестьянах и ремесленниках, положение которых при капитализме ухудшается, а не улучшается, и говорить нечего, что они своего спроса на товары не удвоят. А рабочие? Чтобы их спрос удвоился, для этого надо предположить увеличение в два раза числа занятых рабочих. Но, благодаря машинам и другим улучшениям, производительность труда при капи-

тализме все повышается, на каждого рабочего приходится все больше произведенного товара. Следовательно, если общее количество продукта и удвоилось, то рабочих для его производства требуется не двойное число, а меньше, напр., число полуторное против прежнего. Очевидно, что и спрос их на продукты им нужные увеличился не в два, а в полтора только раза. Спрос не поспевает за предложением, и перепроизводство неизбежно, а с ним падение цен и общий кризис.

Как наступает кризис, сразу или постепенно?

— Он наступает сразу, хотя, конечно, перепроизводство, его причина, развивается постепенно. Эта разница происходит от сложности системы капитализма. Капиталисты не видят пред собою потребителей и не могут судить о рынке в целом. Фабрикант продает товар оптовому торговцу, тот — торговцам менее крупным, те — мелким лавочникам, и они — потребителям. Пусть потребители уже не увеличивают своего спроса так, как возрастает предложение; но даже лавочники заметят это не сразу, а только через некоторое время, наблюдая, что у них остается все больше непроданных запасов. Пока лавочники не заметили перемены, они попрежнему покупают у более крупных торговцев, и те должны увидеть новое положение еще позже, когда наблюдения обнаружат им все более уменьшающийся спрос со стороны лавочников. Еще больше времени пройдет, пока изменение почувствуют оптовые торговцы; еще дольше оно будет невидимо для фабрикантов. И пока перепроизводство остается таким скрытым, падения цен нет. Но раз оно проявилось, то, благодаря большим размерам, которых оно успело за это время достигнуть, бедствие разражается с огромной силой и резкостью. Банкротства, закрытие фабрик, сокращение работ, идут одно за другим; наступает тяжелое положение для рабочего класса. Затем идет

застой: новых крушений мало, но и улучшения незаметно. Затем, постепенно, непроданные запасы растают в частичных продажах, а частью сгниют; и вновь предложение сходится со спросом. Начинается оживление: производство расширяется, закрытые предприятия восстанавливаются при новых владельцах, безработных становится меньше, увеличение работ еще расширяет спрос, и так дело идет дальше, к процветанию. А затем та же история: процветание порождает чрезмерное производство, а оно—новый кризис. При том, так как развитие техники и общие размеры производства успели сделать шаг вперед, то и новый кризис бывает острее, глубже прежнего. Благодаря тому, что присвоение продуктов совершается путем их покупки, растущее производство не находит достаточного потребления. В этом заключается постоянно свойственное капитализму противоречие между производством и способом присвоения.

о) Синдикаты предпринимателей.

Какие причины вызывали образование синдикатов предпринимателей?

— Те невыгоды и, порою, бедствия, которые самим капиталистам причиняются конкуренцией и кризисами. В необузданной конкуренции страдают не одни мелкие и средние предприниматели, но все чаще—также и крупные. Иногда между огромными предприятиями завязывается борьба на смерть из-за того, чтобы вытеснить друг друга с рынка; боевое понижение цен губит одну из борющихся сторон, но и другой нужно много времени, чтобы оправиться от такой войны, и нет никаких гарантий, что не придется скоро вновь повторить борьбу с еще более сильным противником. А кризисы жестоко потрясают даже самые громадные предприятия и отнимают всякую уве-

ренность в будущем, потому что являются неожиданными,—и ни степени их силы, ни их последствий рассчитать нельзя. В Европе именно кризис 1873 года, самый жестокий из всех, послужил толчком к образованию синдикатов.

В чем состоит организация синдикатов?

— Дело идет о том, чтобы уничтожить взаимную конкуренцию предприятий, которые объединяются,—избавить их от перепроизводства и понижения цен. Поэтому крупные предприниматели, вступая в союз, начинают с того, что: 1) распределяют между собой рынок, чтобы не было из-за него конкуренции; 2) „нормируют“ количество продукта, т.-е. устанавливают, до какой величины каждая фирма может доводить свое производство, чтобы она не расширяла его чрезмерно; 3) назначают цены, ниже которых члены синдиката не должны продавать товара. Вместе с тем синдикаты создают обыкновенно общую кассу против стачек. Далее, они устраивают общие склады для товаров, общие агентства для осведомления, и т. под. На этой ступени находится большинство европейских синдикатов, в том числе и в России было до революции около сотни (сахарозаводчики, разные горнопромышленные и металлургические синдикаты—„Продаруд“, „Продамета“ и др.). Есть в разных странах тысячи синдикатов областных и национальных, но также десятки, если не сотни, международных: еще в 1897 году таких синдикатов немецкие экономисты насчитывали около 100.

В Америке успела широко развиться дальнейшая, высшая форма синдикатов—тресты. Трест—это объединение всех союзных предприятий в одно акционерное. Каждый из прежних владельцев получает такое количество акций треста, которое соответствует размерам его прежнего предприятия. Затем все дело треста, ведется новым общим управлением. Обыкновенно, ради экономии, трест

закрывает часть прежних заводов или фабрик и сосредоточивает производство на остальных, наилучше оборудованных. Так, водочный трест в Америке, объединив 80 заводов, закрыл 68; но на остальных 12 производство развил вскоре больше, чем прежде на всех 80. Тресты—гигантские предприятия. Так, в нефтяном тресте Америки объединено более 400 предприятий, и его руководитель, Рокфеллер, уже успел себе составить состояние около 2,000 миллионов рублей на наши довоенные деньги, с доходом около 100 миллионов в год, 270 тысяч рублей в сутки, почти 200 рублей в минуту. Стальной трест Америки объединил более 800 предприятий; на него работает свыше 200 тысяч рабочих, он производит около половины чугуна, больше половины стали и рельс в Соед. Штатах.

Насколько прочное объединение представляют тресты, можно судить по следующему примеру. Много лет существовавший „динамитный трест“ объединял все важнейшие фабрики взрывчатых веществ на земном шаре, с английскими и германскими во главе. Когда разразилась мировая война, он продолжал сохраняться еще целый год, распределяя дивиденды с военных заказов той и другой стороны. Когда выяснилось, что война затяжная, то это неудобное положение, которое приходилось, конечно, скрывать, было разрешено тем, что английские капиталисты заплатили германским участникам за их акции более 150 миллионов рублей (324 миллиона марок).

Какое значение имеют синдикаты и тресты в экономической жизни?

Они освобождают капиталистов от большей части мелких и местных кризисов, помогают им легче переносить общие кризисы; но они не уничтожают мирового перепроизводства, потому что организуют не весь мировой капитализм, а только

отдельные его части и отрасли, и потому что потребление народных масс растет попрежнему медленнее производства. Это потребление синдикаты и тресты скорее даже суживают, сокращая число занятых рабочих. Положение рабочих в борьбе с капиталом они ухудшают, но тем самым также вынуждают рабочих быстрее и энергичнее организоваться для защиты общих интересов. В общем, можно признать, что до сих пор организация капиталистов в синдикаты и тресты шла медленнее, чем организация рабочего класса в профессиональные и иные союзы: воспитанные на борьбе и конкуренции рынка, капиталисты были до сих пор менее способны к единению, чем рабочие, которые воспитываются на товарищеском сотрудничестве.

п) Финансовый капитал.

Представляют ли синдикаты и тресты последнюю форму объединения капиталистических предприятий?

— Нет. За последнее время возникла и быстро развилась форма еще более широкая, так-назыв. „финансово-капиталистическая“.

В чем заключается ее сущность?

— Это не что иное, как соединение капитала кредитного и промышленного, причем, руководящая роль принадлежит именно кредитному капиталу.

Каким образом и почему может получиться такое соединение?

— Кредитному капиталу нужен промышленный, а промышленному—кредитный: фабриканты и заводчики занимают у банков деньги для расширения и укрепления своих предприятий; но в этих предприятиях и производится та прибавочная стоимость, из которой получают свою долю банки

в виде процентов по займам. Из этого, конечно, не вытекает то, чтобы одна сторона подчиняла себе другую. Долгое время оне и развивались рядом, как равноправные, сохраняя свою самостоятельность. Но капитализм весь построен на борьбе: кто экономически сильнее, тот непременно если не уничтожает, то подчиняет более слабого. Ход развития привел к такому положению, что банки и банковские организации оказались сильнее, чем промышленные капиталисты и их организации. Это положение создалось, приблизительно, к началу XX века. Тогда и стали быстро складываться новые объединения, с кредитным капиталом во главе.

Что же именно дало кредитному капиталу такое могущество, которое позволило ему объединять под своим руководством значительные массы промышленных предприятий?

— Тут действовали два основных условия: во-первых, чрезвычайное обострение конкуренции на мировом рынке; во-вторых, огромное развитие банковского дела, приведшее к объединению банков в обширнейшие организации.

Чем острее борьба за рынок между промышленными предприятиями, тем важнее для каждого из них становится кредитная поддержка, позволяющая быстро расширять и совершенствовать производство, пережидать неблагоприятные цены, и проч.: банки все нужнее для промышленников, которые все больше, так сказать, конкурируют друг с другом из-за кредита. В договоре двух сторон та, которая нужнее для другой, является экономически более сильною и может диктовать условия.

В то же время, как ни быстро развивались промышленные объединения, банковские росли с еще большей скоростью, что опять-таки давало им перевес силы не только над отдельными капита-

листами-промышленниками, но даже в большинстве случаев, над их синдикатами и трёстами.

Какими способами кредитный капитал может подчинять себе промышленный?

— Во-первых, угрозой отказать в кредите, если не будут приняты те или иные условия. Конечно, такая угроза имеет силу только тогда, когда кредит чрезвычайно нужен промышленному капиталисту, и при том, нет возможности получить его в другом месте. Время от времени, надобность в кредите бывает у всякого предприятия, и иногда совершенно неотложная. А невозможность заменить один источник кредита другим выступает в том случае, если кредит „монополизирован“, находится в руках могущественной банковской организации, и обратиться больше некуда; или, если и есть куда, то нельзя, потому что предприятие уже связано не допускающими этого договорами при предыдущих займах.

— Во-вторых, при акционерной форме промышленного предприятия, банк может вполне подчинить его себе, скупив достаточное количество его акций. Кто имеет больше половины акций предприятия, тот может проводить какие ему угодно решения в собраниях акционеров, потому что счет голосов ведется по числу представленных акций. И, обычно, для этого даже не надо иметь половины всех акций: достаточно около двух пятых, потому что некоторая доля их, рассеянная между мелкими акционерами, не посещающими собраний, остается совсем не представленной. Следовательно, банку достаточно быть собственником двух пятых предприятия, чтобы всецело им распоряжаться; а если он обладает и менее значительной долей, то, при раздроблении голосов у акционеров, при наличности между ними разных партий, он часто все-таки может оказывать решающее влияние.—Разумеется, только очень сильные банковские организации

способны в широких размерах скупать акции различных предприятий.

Какими путями создавались большие организации банков?

— Обыкновенно, крупные банки бывают устроены на акциях: это, конечно, наиболее подходящая форма для кредитных учреждений, потому что, чем больше капиталистов участвует в деле, заинтересовано в его поддержании, тем более оно внушает „доверия“, тем легче привлекает к себе кредит. В то же время акционерная форма допускает быстрое расширение дела, посредством выпуска и продажи новых акций, в дополнение к первоначальному. Чем банковое предприятие само крупнее, тем легче и успешнее оно может производить такую операцию, тем скорее может расти. Благодаря этому, создались банки-гиганты, с десятками, даже с сотнями миллионов своего капитала, и еще в несколько раз (обычно от 3 до 5 раз) большей суммой доверенных банку чужих капиталов, которыми он свободно распоряжается. Такие банки имеют десятки и сотни своих отделений в разных городах, даже в разных странах; и сами по себе они должны рассматриваться не как частные предприятия, а как настоящие кредитные тресты. Они побивают конкурирующие более мелкие банки или вынуждают их к слиянию с собой, что делается особенно легко благодаря, той же их акционерной форме.

Но еще чаще они ограничиваются тем, что подчиняют себе ряд менее крупных банков путем скупки достаточного количества их акций, т-е. около двух пятых всего числа или немного более. Тогда они получают в свое распоряжение весь собственный капитал этих банков и всю сумму вкладов в них, вообще — чужих капиталов, которые тем доверены. В сущности, эти подчиненные банки или „банки-дочери“, как их называют, являются

просто отделениями „банка-матери“, только в скрытом виде, при чем, он за них перед законом не отвечает. — Затем, „банки-дочери“, по его указаниям, могут подчинять себе, т-е., на деле ему же, банки более мелкие, „внучки“, и эта цепь иногда даже идет далее. В общем, этим способом и еще некоторыми иными вокруг гигантских кредитных учреждений группируются десятки меньших, к ним примыкающих и увеличивающих собою их силу.

Таким образом, напр., в Германии пред войной 9 крупнейших берлинских банков имели у себя в руках больше половины общей суммы вкладов всей страны — 5 с лишним миллиардов марок из 10 миллиардов (марка тогда была около 47 коп.); а вместе с примыкающими к ним распоряжались более, чем 11 миллиардами своих и чужих денег, что составляло пять шестых всего немецкого банкового капитала. — В частности, один „Немецкий банк“ руководил не менее, как 58 другими банками, одними прямо, как своими „дочерьми“, другими косвенно, через эти. В числе „банков-дочерей“ находился один австрийский и два крупнейших русских („Сибирский торговый“ и „Русский для внешней торговли“). Вся же организация располагала 3 миллиардами марок. В Америке всего две гигантских организации, Рокфеллеровская и Моргановская, господствуют над кредитом страны.

Такие организации называются банковыми „группами“ или „концернами“.

Какие промышленные предприятия подчиняются банковым организациям?

— Всевозможные — и предприятия отдельных капиталистов, и акционерные, и целые синдикаты, тресты. Только самые могущественные синдикаты и тресты, обладая колоссальными финансовыми средствами, вступают с ними в связь, как равно-

правные союзники; таковы величайшие американские тресты, напр., нефтяной трест Рокфеллера, и немногие европейские, как немецкий союз двух электрических трестов — „Всеобщей компании Электричества“ и Сименса-Шуккерта. Подобные организации сами действуют теми же способами, подчиняя себе другие предприятия в качестве „дочерей“ или учреждая новые на таких же основаниях. Напр., „Всеобщая Компания Электричества“ перед войной руководила 175—200 предприятий, и располагала, в общем, капиталом не менее 1500 миллионов марок. Нефтяной трест Америки обладает еще более широкой и мощной организацией. Но, в сущности, это также союзы финансового капитала, т-е., промышленного и кредитного вместе, потому что они путем кредита держат в подчинении свои группы предприятий.

Синдикаты и тресты менее крупные, не обладающие столь огромной самостоятельной финансовой силой, принуждены „примыкать“ к банковым концернам и, пользуясь их поддержкой, следовать зато их руководящим указаниям. Впрочем, во главе и банковских и промышленных объединений чаще всего стоят одни и те же дельцы-руководители.

Чем отличается новое объединение промышленных предприятий, выполняемое финансовым капиталом, от прежних форм объединения?

— Оно значительно шире. Предпринимательские синдикаты и тресты обычно объединяли только предприятия одной отрасли производства; финансовый капитал связывает вокруг одного центра предприятия и разных отраслей. Каждый финансовый центр заботится о том, чтобы подчиненные ему предприятия были как можно устойчивее и меньше зависели от других. Поэтому он старается присоединить и предприятия, поставляющие для них необходимые средства производства, особенно

главные материалы, сырье, чтобы, напр., его машиностроительные заводы могли получать металл и уголь из подчиненных ему же чугунолитейных и железоплавильных предприятий, угольных копей; далее, он устраивает или захватывает железнодорожные линии, наиболее важные для связи этих различных предприятий, и проч. Стремление к такому соединению предприятий — так-назв. „комбинированию“ — существовало и раньше, но развивалось медленно: только немногие крупные предприятия в силах были приобретать другие, поставляющие им или покупающие у них средства производства. Финансовый капитал чрезвычайно ускоряет развитие „комбинирования“, во-первых, благодаря своей громадной силе вообще, во-вторых, благодаря тому, что для него не требуется целиком приобретать, а достаточно подчинять нужные предприятия.

В какой степени финансовый капитал вмешивается в хозяйство руководимых им промышленных предприятий?

— Насколько это требуется его интересами. Напр., банковский центр не допускает обострения конкуренции между подвластными ему предприятиями, разграничивает, в случае надобности, рыночные районы между ними, указывает, насколько они могут расширять дело, подписывает одним делать закупки у других, иногда требует при этом повышения или понижения цен, и проч. В общем, тут вмешательство менее систематическое и регулирование менее глубокое, чем в развитых промышленных синдикатах, а тем более трестах: связь много более широкая, но и менее тесная.

Какое основное изменение вносит финансовый капитал в хозяйственную жизнь общества?

— Еще в большей степени, чем синдикатная организация, он вносит, на место свободной конкуренции, монополию. Под руководством банковых

концернов и при их поддержке, объединенные ими группы промышленных предприятий захватывают безраздельно рынки обширных областей и целых стран. В иных случаях весь мировой рынок делится между двумя—тремя финансовыми организациями.

Этим устраняется конкуренция частных предприятий, но отнюдь не борьба мирового рынка вообще, с вытекающими из нее мировыми кризисами. Напротив, чем меньше число гигантов-монополистов, тем борьба между ними острее: охватывая весь мировой рынок, они могут расширять свою сферу только один за счет другого, только ценою войны, экономической или даже настоящей, вооруженной. В той и другой войне они пользуются силами и средствами современных государств, которые заставляют служить своим интересам.

р) Капиталистическое государство.

На каких экономических условиях основывается современное капиталистическое государство?

— Капиталистический строй основан на товарном обмене, на конкуренции, а затем—борьбе монополий, на общей анархии производства, борьбе классов: в этом и заключается его коренная неорганизованность. Всякая конкуренция, борьба, анархия, если оне предоставлены самим себе, неизбежно обостряются и переходят в разрушительные действия, потому что нанесенное одной стороной повреждение вызывает с другой стороны усилие нанести повреждение еще больше. Поэтому из неорганизованности экономики капитализма вытекает необходимость в такой организации, которая ставила бы ее в рамки, не давала бы ей перейти в голую войну всех против всех, в общее разрушение. Такой организацией является государство.

Как устроено капиталистическое государство?

— Всякая конкуренция, борьба, анархия может быть введена в рамки только принуждением. Следовательно, государство есть организация принудительная. В нем есть законы, которые принудительно предписывают людям известные действия и запрещают другие; есть административные власти, которые принудительно распоряжаются, опираясь на законы; есть суд, который принудительно разрешает отдельные столкновения и карает нарушение законов; есть армия, которая силою подавляет сопротивление властям и суду. Принуждение рассматривается при этом как право тех или иных учреждений, тех или иных лиц. Следовательно, государство есть организация принудительно-правовая.

Какими общественными силами держится и управляется капиталистическое государство?

— Господствующими классами, т.е. собственниками земли и средств производства, капиталистами в широком смысле слова. Они властвуют экономически; понятно, что они властвуют и государственно. Они строят государственный аппарат, чтобы поддерживать и закреплять свое господство над классами трудовыми. Государство есть организация этого господства. Оно управляется экономически сильнейшими, которые так и называются „правящими классами“. Из них берутся представители власти, их интересам служат законы и суд.

Следует ли это понимать так, что государство не может делать ничего полезного для классов подчиненных, или что оно вообще никогда не исполняет их требований?

— Отнюдь нет. Надо иметь в виду, что очень часто интересы самих правящих классов побуждают их делать уступки рабочему классу и трудовому крестьянству, или даже—что, впрочем, встре-

чается гораздо реже—самостоятельно принимать полезные и для них меры. Напр., государство может заводить медицинскую помощь массам населения и санитарный надзор, потому что болезни лишают капитал работников, а государство—солдат, и потому что заразные болезни, распространяясь в низах общества, начинают потом косить и верхи. Или, напр., когда идет сильное рабочее движение из-за сокращения рабочего дня, правительство может ввести такое сокращение законом потому, что оно более выгодно капиталу, чем долгое нарушение хода промышленности забастовками, демонстрациями, и т. п.—особенно когда опыт уже показал, что это сокращение потом вознаграждается повышением напряженности труда. Но все это делается именно постольку, поскольку оно в интересах самих правящих классов и их господства; а если представляются возможными и выгодными для этих классов противоположные меры, напр., подавление силою требований рабочего класса и отнятие уже сделанных ему уступок, то такие меры и проводятся правительством,—как было в России после революции 1905—6 гг.

В этом нет существенной разницы между монархическими и республиканскими государствами: те и другие суть организации господства капитала. Но есть большая практическая разница: при республике и особенно демократической, основанной на всенародном голосовании, трудовые классы легче выясняют и выражают свою волю, и могут более мирными путями добиваться уступок. Это зависит от того, что демократическое устройство вообще соответствует более высокому уровню самого капитализма: чем выше уровень капитализма и его техники, тем более интеллигентный, сознательно-культурный работник требуется для производства; а такой работник не может обходиться и без гражданских прав, без политической свободы,—

требует и рано или поздно добивается права голоса в делах государства.

с) Налоги и займы.

Откуда государство берет средства для выполнения своих задач?

— Оно получает их от населения в виде налогов.

Какие бывают налоги?

— Прямые и косвенные. Прямые уплачиваются, без всяких посредников, теми самими плательщиками, на которых они наложены, и не перекладываются ими, явно или скрыто, на других. Напр., подоходный налог прямо берется казною с лица или предприятия, получающего доход—столько-то процентов с этого дохода; поимущественный—столько-то процентов с оценки имущества данного лица или предприятия; квартирный—прямо с квартиронанимателей, столько-то рублей при такой-то цене квартиры, и т. п. Косвенный налог есть обыкновенно налог на продукт, на товар; напр., акциз на водку, на табак, на спички; или положим, таможенная пошлина на бумажные изделия, на машины. Акциз берется с фабриканта или с продавца товара; но тот, в действительности, сам его не платит, а ровно на столько же, сколько наложено, повышает цену товара. Значит, налог „перекладывается“ на покупателя, который и уплачивает его под видом повышенной цены товара, сам даже того не замечая. Точно так же и таможенные пошлины: их берут с купца, ввозящего товар, положим ситец, на границе, в таможнях; но купец переложит пошлину на покупателя, повысив цену. И не только ввозящий купец делает это: если такой же товар производится и нашим фабрикантом, то и тот повысит цену до того же или почти того же уровня, потому что тогда ему

ничего бояться конкуренции ввозного ситца. А покупатель видит только, что ситец дорог, но не видит того, что на деле, в этой дорогой цене платит частью пошлину государству, а частью даже лишнюю прибыль отечественному фабриканту.

Очевидно, косвенные налоги на продукты массового потребления имеют свойство увеличивать дороговизну жизни.

Что такое — налоги „прогрессивные“ и „регрессивные“?

— Одни налоги падают на плательщика тем большей тяжестью, чем он беднее; это — „регрессивные“, т. е. по точному смыслу слова, „нисходящие“; другие, наоборот, облегчаются для беднейших плательщиков, усиливаются для более богатых; это — „прогрессивные“, т. е. „восходящие“. Косвенные налоги на обычные предметы потребления все являются регрессивными. Напр., если имеется налог на соль, спички, ситец, то, разумеется, и богатый и бедный платят за все это одинаково повышенную цену. Но если капиталист во 100 раз богаче крестьянина или рабочего, то это не значит, что он ест во 100 раз больше соли, жжет во 100 раз больше спичек, носит во 100 раз больше ситцу. Всего этого он употребляет, может быть, и больше, но в каких-нибудь 2—3 раза. Следовательно, доходу он получает в 100 раз больше, а налогу платит в 2—3 раза больше.

Прогрессивными налогами из косвенных бывают налоги на предметы роскоши. Напр. если обложены дорогие вина, шелковые материи, автомобили, то, конечно, для беднейших слоев населения это никакого обременения не составляет; а из капиталистов сравнительно больше платят те, которые больше могут позволять себе роскоши, т. е., которые богаче.

Гораздо важнее прямые прогрессивные налоги: прогрессивный подоходный, прогрессивный поим

щенный; к этому же виду относится прогрессивный квартирный.

Прогрессивный подоходный налог бывает в таком роде. Лица, имеющие меньше, положим, 1000 руб. дохода, ничего не платят; у кого дохода от 1000 до 2000, те платят один процент своего дохода; у кого от 2 до 5 тысяч — платят 1½ процента; от 5 до 10 тысяч — 2 процента, и т. д. Обыкновенно, это повышение где-нибудь кончается; напр., все, имеющие больше 100 тысяч дохода, платят 10 процентов, и только, хотя бы получили и миллион, и десять миллионов.

По внешности, такой налог неравномерен: равномернее, казалось бы, платить со всякого дохода одинаковый процент. Но очевидно, что на деле тогда тяжелее мелким плательщикам, потому что им приходится отдавать из необходимого, тогда как богатые отдают только часть излишков. Следовательно, такой подоходный налог, называемый „пропорциональным“, нельзя считать равномерным.

Какими еще способами государство может получать финансовые средства?

— Путем займов, а также посредством выпуска бумажных денег.

Займы производятся так. Государство выпускает особые билеты по 100, по 1000 рублей ценою, и продает их с тем, что покупатели будут получать по 3, по 4, по 5 процентов, — когда финансы хороши, процент назначается меньше, когда плохи — больше. Желающие раскупают эти билеты и, таким образом, за свои деньги пользуются незаработанным доходом. Проценты по займам, а потом и окончательная расплата (большой частью — постепенная, в целом ряде лет) производятся уже за счет налогов, получаемых с населения; так что и заем сводится, в сущности, к налогам.

Что такое бумажные деньги, это уже было объяснено в главе о кредите. Очевидно, что они

представляют просто беспроцентный заем: расписки, которыми государство платит за товары, и которые оно должно когда-нибудь заменить настоящими, т.-е. золотыми деньгами. Если бумажных денег выпускается слишком много, как, напр., у нас во время мировой войны, лишние десятки миллиардов,—то курс их (т.-е. цена на золото, а значит, и их покупательная сила) падает очень сильно; и капиталисты выражают недовольство тем, что их денежные запасы на деле обесцениваются, а коммерческие расчеты нарушаются и спутываются. Тогда государство, чтобы помочь им и „поднять курс“, выпускает новый заем, с процентами; капиталисты его покупают за бумажные кредитки, и те частью, значит, возвращаются к государству; а в обращении их становится меньше и курс их повышается. Затем же—и проценты и погашение—в свою очередь, оплачивается налогами с населения; и дело опять сводится к налогам.

г) Militarизм и империализм.

Что такое армия?

— Это организованная вооруженная сила государства, создаваемая путем найма или путем принудительного набора из населения.

Для чего армия служит?

— Первоначально для поддержания порядка, т.-е. обычного хода вещей, какой требуется государству, как организации классового господства капитала. Армия служит для того, чтобы подавлять беспорядки и восстания подчиненных классов, защищать собственность, и проч.

Но с развитием мировой конкуренции на армию ложится еще другая задача: борьба за рынки. Германский капитал конкурирует с английским и американским, американский с японским и т. д.; каждый старается захватить как можно более круп-

ную долю мирового рынка, вытеснив соперников. Чем теснее становится мировой рынок для страшно возросших капиталов конкурирующих стран, тем менее достаточными делаются для них чисто экономические приемы борьбы—развитие дешевизны, качества и разнообразия товаров. Надежно захвачен только тот рынок, который завоеван, потому что туда соперников можно не пускать, прямым ли запрещением ввоза товаров или очень высокими пошлинами на них. Кроме того, опираясь на сильную армию, можно угрозой войны добиться выгодных торговых договоров, и т. под. Армия для каждого государства становится оружием защиты и расширения своей доли мирового рынка.

Что такое „милитаризм“?

Для поддержания своего господства внутри страны правящим классам была бы достаточно небольшая наемная армия, как это и было до недавнего времени в Англии, в Америке. Но для борьбы за внешние рынки чем больше войска, тем лучше; каждое государство старалось увеличить свою вооруженную силу, чтобы стать сильнее других; другие, в свою очередь, чтобы не оказаться слабее, также усиливали вооружение, и т. д., без конца. Создались громадные, миллионные армии, которые обходились каждому крупному государству в сотни миллионов ежегодно и обременяли народы миллиардами государственного долга.

Многие капиталисты, получавшие от военных заказов огромные прибыли, употребляли все усилия и все средства, чтобы добиваться увеличения армий и военных флотов; они всячески старались сеять вражду между нациями, путем угроз, распространения тревожных слухов о готовящихся нападениях, и т. под. Рост вооруженный, таким образом, еще больше ускорялся.

Это быстрое и чрезмерное развитие военщины и называется „милитаризмом“.

Что такое „империализм“?

— Это—захватные стремления, которые обострились в передовых странах на почве мировой конкуренции. Учение империализма первоначально создано в Англии, пред завоевательной войной против бурских республик; оно было как бы оправданием этой войны, которую Англия тогда готовила. Оно гласит, что великие империи представляют высшую форму организации человечества, а потому права малых наций не должны приниматься в расчет, когда дело идет об образовании и расширении таких гигантских государств. Это учение распространилось и в других странах—Германии, Франции, Японии, Соед. Штатах и т. д. Всюду оно порождало завоевательные планы, обостряло национальную вражду и содействовало росту милитаризма.

у) Мировой военный кризис.

Какие силы при капитализме порождают войны и какие противодействуют их возникновению?

— В мировой торговле между разными странами одни для других служат поставщиками необходимых продуктов, материалов или орудий и, в свою очередь, покупают у них другие товары. Это означает действительное сотрудничество между разными странами и порождает между ними „силы взаимной связи“, которые поддерживают и укрепляют мир, препятствуют возникновению войн. Но, с другой стороны, конкуренция тех же самых стран из-за общих рынков, а также стремление во взаимной торговле продавать дороже, покупать дешевле, порождают противоречие интересов между национальными капиталами, т.-е. „силы противоречий“ или „силы давления“, которые направлены

к нарушению мира, к войнам и захватам. Пока для двух каких-нибудь стран силы связи больше сил давления, они живут в мире; если силы давления окажутся больше—вспыхивает война.

Развитие милитаризма, порожденное мировой конкуренцией, создало само по себе еще новые силы давления. Всякой человеческой организации свойственно стремление проявлять себя, действовать сообразно своей природе. Миллионная армия, с десятками тысяч офицеров, всецело воспитанных для дела истребления, неизбежно проникается воинственными настроениями, и разливает их вокруг себя в народных массах; накопленные силы тяготеют бездействием; орудия истребления, подобно орудиям труда, находясь в руках людей, пробуждают в них потребность применения этих орудий к делу. Так военщина становится источником дополнительных сил давления, толкающих государства к войне, куда их толкает и конкуренция национальных капиталов.

Откуда произошла мировая война?

— Отдельные, частные войны возникали оттого, что здесь или там между государствами силы давления оказывались больше сил связи; мировая же война—оттого, что во всем капиталистическом мире, взятом как целое, силы давления превзошли силы связи. Дело происходило таким образом, что возрастали одновременно и те, и другие. Международный обмен рос все быстрее, и к 1913 году оборот его—величина ввоза и вывоза разных стран, взятых вместе,—был не меньше 50 миллиардов рублей. Отдельные государства становились все более нужны друг для друга и как поставщики, и как покупатели. Напр., Англия не могла жить без ввозного хлеба, ее текстильная промышленность почти всецело пользовалась германскими красками, другие отрасли производства

потребляли массу веществ, доставлявшихся химическими заводами Германии. Германия сама брала у Англии меньше, хотя тоже не мало,—но зато имела в ней одного из самых важных клиентов-покупателей, сбывала в нее не менее седьмой доли своего вывоза, т.-е., на 700 миллионов рублей. И так же тесно переплетались интересы других капиталистических стран; все они были нужны друг другу, и эта взаимная надобность в товарах увеличивалась по мере того, как развивалось дальше и глубже международное разделение труда.

Но росла также и конкуренция на международном рынке, порождая враждебность между теми же странами, напр., между Англией и Германией, как поставщиками угля, машин, железных изделий, тканей. Сила давления конкуренции возрастала, притом все быстрее и быстрее, по мере того как мировой рынок исчерпывался, делался тесен для конкурентов.

Но все же к 1914 году эта сила давления сама по себе еще не перевесила силу связи: торговые сношения между странами, ныне воюющими, шли оживленно; и даже большинство самих капиталистов не верили в возможность близкой войны. Они не принимали в расчет, что развитие милитаризма создало еще добавочную силу давления, которая присоединялась к силе конкуренции; взятые вместе, они получили, наконец, преобладание, перевесили всю силу связи. Тогда разразилась мировая война.

Можно ли, следовательно, признать, что причина войны лежит в той или другой отдельной стране, в ее захватных стремлениях, воинственности, и т. под?

— Нет, мировая война есть особый кризис, не зависящий в своей основе от воли людей и правительств, а зависящий от общей неорганизованности капиталистического мира,

порождающей конкуренцию, и на почве конкуренции—милитаризм.

Конечно, Германия и Англия играют наиболее выдающуюся роль в этой войне, как страны наиболее развившие до нее, одна сухопутный, другая—морской милитаризм. Но это объясняется просто тем, что обе страны—экономически передовые, и что в них все свойства капитализма, а вместе с тем и все его последствия выражены наиболее сильно.

ф) Государственный капитализм.

Какие изменения вызвал ход войны в общественном хозяйстве воюющих стран?

— Война повсюду ослабила производство отнятием массы рабочих сил, а частью и огромными разрушениями; в то же время она разорвала связи международной торговли и затруднила перевозку товаров внутри каждой страны. Почти повсеместно получился недостаток продуктов. Пользуясь этим, капиталисты и землевладельцы все более и более повышали цены, создавая такую дороговизну, которая угрожала народам полным разорением. Для класса капиталистов в целом это, разумеется, также было весьма опасно. Поэтому государство принуждено было принять ряд мер к упорядочению народного хозяйства: взять под свой контроль сначала потребление продуктов, затем их цены и сбыт, наконец и самое производство. По такому пути пошла сначала Германия, а за ней и другие страны. Вся эта организация получила название „государственного капитализма“. В разных странах она осуществилась пока в разной степени, в отсталых вообще меньше, чем в передовых.

Какой вид имеет развитая система государственного капитализма?

— Для всех важнейших отраслей народного

хозяйства имеются центральные государственные учреждения, нормирующие в каждой из них производство, сбыт продуктов по районам, и в случае надобности распределение их потребителям, при чем некоторые продукты объявляются монополией государства. Центральные учреждения состояются из представителей от капиталистов данной отрасли, от государства — чиновников и ученых, от общественных организаций политических, профессиональных, культурных; если в числе их представлены и организации рабочего класса, то общий характер учреждений от этого не меняется, они остаются государственными, т. е. обще-капиталистическими. Они указывают предприятиям, чего, сколько и как производить, куда и по каким ценам сбывать, — то, что делали обычно синдикаты. Для этого государство и заставляет, там, где раньше подобного объединения не было, предпринимателей целых отраслей образовывать синдикаты, или даже тресты. Через них все и регулируется, конечно, так, чтобы капиталистам была обеспечена достаточная прибыль.

Вместе с тем государство регулирует заработки рабочих, вводит принудительную трудовую повинность, которая формально может простираться на все классы, а практически относится к низшим классам, и главным образом к рабочим: они лишаются права отказа от работы, перехода из предприятия в предприятие и вообще свободного передвижения. Борьба за улучшение условий труда при этом, очевидно, исключается.

Можно ли считать весь этот порядок капиталистическим, если, как мы знаем, капитализм вообще строится на анархии производства, борьбе рыночной и борьбе классовой?

— Это, без сомнения, капитализм, потому что частная собственность на средства производства и эксплуатации остаются неприкосновенными. Оста-

ется, лишь в приглушенном временно виде, и борьба классов. Сохраняется, в различной степени, и рыночная борьба, потому что есть рынок и торг; она только ослаблена государственным регулированием, и ведется в пределах установленных им цен, а затем переносится в государственные учреждения, ведется в виде политической борьбы за повышение или понижение цен.

Что касается основной анархии производства, то она, во-первых, всецело удерживается в международных отношениях: сама война и является ее крайним выражением; во-вторых, она не уничтожается, а только ограничивается и внутри государства. Оно нормирует производство ровно постольку, поскольку это необходимо в обще-капиталистических интересах; за этими пределами оно оставляет предприятиям их независимость; а в этой независимости и лежит основа анархии производства.

Следует ли считать государственный капитализм высшей формой капиталистического строя?

— Этот вопрос теперь еще нельзя считать решенным. Дело в том, что государственный капитализм складывается пока в условиях войны и благодаря ей. Трудно сказать, насколько он может удержаться по возвращении к мирным условиям производства, когда прекратится разрушение общественного хозяйства, и вновь начнется рост производительного труда и потребления. Можно только ожидать, что наиболее влиятельные организации капиталистов — концерны, синдикаты, тресты — будут стремиться к отмене государственного регулирования, которое все-таки будет стеснять их в деле наживы, или к такому полному захвату его в свои руки, что оно станет мнимым. С другой стороны, вновь созданные государством синдикаты будут вполне прочны только там, где вся отрасль производства уже концентрирована в

немногих крупных предприятиях, потому что в нормальных условиях синдикат есть союз небольшого числа крупных капиталистов, и только при небольшом их числе соглашение является устойчивым; где же принудительно объединено большое количество мелких и средних предприятий, там без дальнейшего принуждения связь должна оказываться непрочной и ненадежной. Против трудовой повинности следует ожидать энергичной борьбы со стороны трудовых классов; также и против тех государственных монополий, которыми государство станет пользоваться для извлечения доходов с широких масс посредством высоких цен.

Надо прибавить, что и вообще регулирование народного хозяйства делается много труднее, когда оно будет вновь расти, развиваться, усложняться, чем теперь, когда оно падает, уменьшается, и тем самым упрощается. Когда разные отрасли производства будут расширяться, и конечно, неравномерно, а вместо идущего теперь закрытия целого ряда отраслей будет проявляться производство новых продуктов, конкурирующих с прежними, и соотношения отраслей будут разнообразно меняться, то нормировать все это станет далеко не так легко; в иных же случаях нормировка может явиться помехой для развития.

В одном отношении государственный капитализм есть шаг назад в развитии человечества: он подрывает и ослабляет международные экономические связи. В общем же он должен считаться большим шагом вперед по пути внесения планомерности в общественное хозяйство.

х) Идеология буржуазных классов.

В чем заключается основная черта идеологии буржуазных классов?

— Это черта — индивидуализм. Ее про-

исхождение и смысл таковы. Капиталистические собственники имеют к производству не прямое, а косвенное отношение, господствуют над ним, но не сами его выполняют. Поэтому в их экономической жизни играет главную роль не производство, а присвоение и обмен: основой их общественного воспитания является хозяйская независимость каждого собственника, и рынок, на котором он, пользуясь этой независимостью, путем продажи-покупки получает все нужное для хозяйства и личного существования. На рынке идет постоянная борьба всех против всех, в которой каждый стоит сам за себя, и не может даже сознать сотрудничества, на деле связывающего все хозяйства. В результате складывается взгляд на человеческую личность, на „индивидуум“, как на совершенно обособленную единицу, которая живет всецело сама по себе и сама для себя, повинуетя только личным, в ней самой имеющим начало побуждениям, стремится только к личным идеалам. Это понимание человека и составляет сущность индивидуализма.

Что такое индивидуалистический идеал?

— Это идеал полного и всестороннего развития независимой, обособленной, личности. Из него вытекает требование личной свободы всякого рода: экономической, политической, идейной.

Экономическая свобода есть свобода предпринимательства и свобода торгового договора между покупателем и продавцом, начинающим капиталистом и рабочим, и т. под. На деле, как мы знаем, свобода рыночного договора часто сводится к беспрепятственному ограблению покупателя продавцом или обратно, а свобода найма вообще означает беспрепятственную эксплуатацию рабочего капиталистом.

Гражданская свобода первоначально понимает-

ся буржуазными классами, как уничтожение политических привилегий и всякого неравенства перед законом, как личная неприкосновенность, свобода слова, печати, мнения религиозного и научного. Свобода союзов и стачек сюда первоначально не входит, потому что в них, с точки зрения индивидуализма, личность ограничивается по отношению к свободе, подчиняясь коллективу; напр., стачки, по этому взгляду, противоречат свободе договора капиталиста с рабочим. Таким образом, когда во время Великой революции буржуазные классы перестраивали по-своему общественный строй Франции, то они, между прочим, запретили рабочие союзы.

Впоследствии передовые слои буржуазии, уже под давлением борьбы пролетариата против экономической свободы за фабричное законодательство, за свободу союзов и стачек, несколько изменили свой идеал индивидуализма, и стали признавать, но лишь отчасти, как необходимость ограничения свободы эксплуатации, так и право рабочих на свободу союзов и стачек.

Сводится ли вся идеология буржуазных классов к индивидуализму?

— Отнюдь нет. И для буржуазных классов связи между людьми не ограничиваются рынком и обменом. Собственник является хозяином в своем предприятии, а если у него нет особого предприятия, то, по крайней мере, в своей семье; там он господствует, там ему подчиняются; это — авторитарное сотрудничество, в роде того, какое было в патриархальной общине (нынешняя буржуазная семья из нее и произошла) или в феодальной организации. Поэтому рядом с идеей свободы в буржуазной идеологии живет идея власти-подчинения.

Как же соединяются эти две столь различные идеи?

— В разных слоях буржуазии, в разное время — разными способами. Вообще говоря, признается, что человек может быть свободен только до известной степени; а в некоторых областях жизни и в некоторых отношениях должны сохраняться власть и подчинение; такова, напр., область отношений к государству, где гражданин должен подчиняться законным властям, семья, где младшие должны повиноваться старшим, и даже жена мужу, предприятие, где наемный рабочий или служаший должен исполнять приказания в пределах рабочего времени и договора найма.

Когда буржуазные классы боролись за господство против землевладельческой, феодальной знати и духовенства, тогда в буржуазной идеологии решительно преобладала идея свободы. Когда буржуазия сама получила господство, экономическое и политическое, тогда в ней стали усиливаться авторитарные идеи. Она тем больше переходит к ним, чем энергичнее становится борьба пролетариата за освобождение материальное, т.-е. борьба против эксплуатации. Militarизм и империализм еще более усиливают этот идейный поворот буржуазии, потому что военная организация всецело построена на власти-подчинении в самой резкой форме, близкой к рабству или крепостному праву, — а захватная политика означает насильственное порабощение слабых народностей сильными.

Свойственно ли буржуазной идеологии стремление к развитию, или, напротив, консерватизм?

— То воспитание, которое дает буржуазным классам рынок с его борьбой, порождает в идеологии стремление к прогрессу. Дело в том, что среди конкуренции удерживаются и побеждают те, кто более приспособлен: фабриканты, у которых совершеннее орудия и способы производства, выше поставлено разделение труда; торговцы, у которых совершеннее организация дела, шире рас-

кинуты связи с рынком, больше подвижности в отыскании поставщиков и покупателей. Следовательно, чтобы одолевать соперников, прочно сохранять и завоевывать экономические позиции, необходимо совершенствовать способы производства и обращения: орудия, приемы труда, сотрудничество, осведомление. Развитие здесь является необходимостью; отсюда — прогрессивность идеологии. Всего ярче она сказывается в том, как буржуазные классы развивали технические естественные и математические науки. Эти науки, взятые вместе, руководят всем нынешним машинным производством; его техника так и называется „научной“, потому что построена на строгих вычислениях и точном расчете. Буржуазия и та интеллигенция, — частью из нее вышедшая, частью тесно связанная с ней высоким вознаграждением, — которая называется „буржуазною“, до последнего времени развивали все эти науки с их применениями.

Но буржуазные классы живут не только в конкуренции, а также и в господстве над другими классами, в авторитарных отношениях к ним. А с авторитарностью, с властью-подчинением всегда связан консерватизм в идеологии, потому что власть стремится сохранять установившееся положение: ведь, всякие перемены затрудняют и усложняют вообще организаторскую деятельность, а кроме того — и угрожают тем, что самые основы господства будут мало-по-малу подорваны. Поэтому там, где дело касается общественного строя, и именно самого капитализма, идеология буржуазных классов обнаруживает консервативные черты. В общественных науках, между прочим, и в политической экономии, буржуазные школы склонны постоянно рассматривать частную собственность, рыночный обмен, разделение классов, т. е. основы капиталистического строя, как нечто вытекающее из самой человеческой природы, как

формы неизменные или по крайней мере, высшие, от которых человечество не может отказаться без глубокого упадка культуры.

В разных слоях буржуазии, даже в разных отдельных ее представителях прогрессивность и консерватизм идеологии бывают смешаны в весьма различных соотношениях. Но за последнюю эпоху, вместе с усилением милитаризма, империализма, авторитарности, на первый план в буржуазной идеологии выступают консервативные стремления.

ц) Идеология пролетариата.

Какова основная черта идеологии рабочего класса?

— Эта черта — коллективизм. Он заключается в том, что личность рассматривается, как нераздельная часть человеческого коллектива, напр., класса или социальной группы. С этой точки зрения, личность живет и развивается не сама по себе, а является результатом общественных условий, того воспитания, которое дает ей ее собственный класс или группа, и тех влияний, которым она подвергается со стороны других классов и групп; этим воспитанием и влияниями ей подсказываются и те задачи, которые она себе ставит, и те способы, которыми она выполняет их. Если же она думает иначе, считает себя „автономной“, действующей и мыслящей из себя, по своим собственным целям и законам, то это лишь иллюзия. Напр., если бы взять трех одинаковых младенцев, и одного поместить в среду помещицью, другого в фабрикантскую, третьего в рабочую, то они потом в жизни совсем разно, даже противоположно понимали бы свои задачи, и шли бы к ним разными путями.

Какой общественный идеал вытекает из коллективизма?

— Идеал коллективно-трудовой или социалистический. Сущность его такова:

Содержание и смысл жизни всякого коллектива заключается в его борьбе за существование и развитие. Высший коллектив, какой можно себе представить, это все человечество, стройно объединенное в борьбе с природою, за возрастающее господство над нею, за прогресс коллективной силы и знания. Вся борьба человечества с природою, в практике и в познании есть нечто иное как труд. Следовательно, высший идеал есть стройное объединение всего человечества в труде для всеобщего прогресса.

Такое объединение, конечно, невозможно, пока сохраняются отдельные враждующие классы и группы, господство одних над другими, вызывающее эту вражду, и частная собственность на средства труда—на землю, орудия и материалы,—составляющая основу этого господства. Следовательно, коллективно-трудовой идеал требует перехода всех средств труда в общую собственность человечества, их «обобществления» или «социализации»; потому он и называется социалистическим идеалом.

В силу каких причин пролетарская идеология приобретает коллективистический характер?

— В силу основных условий жизни пролетариата, в силу его положения в производстве и развивающихся в нем форм сотрудничества.

Пролетариат есть класс трудовой, производительный, и притом класс объединяемый, организуемый. самым процессом производства. Это его сплочение растет по мере роста капиталистических предприятий, по мере концентрации капитала, следовательно—развитие

самого капитализма. И если уже в отдельных предприятиях трудовая связь охватывает рабочих тысячами, десятками, иногда сотнями тысяч, то на рынке труда общие условия эксплуатации, повышения или понижения заработной платы, периодических кризисов и безработицы объединяют их дальше, не только в пределах промышленных районов, областей, целых государств, но и за этими пределами, в международном масштабе. Таким образом рабочий класс самым ходом вещей шаг за шагом приближается к превращению в мировой коллектив труда.

Внутри этого создающегося коллектива господствуют авторитарные и не индивидуалистические отношения. Рабочий для рабочего не власть, которой надо подчиняться, и не подвластный, которого требуется держать в повиновении. Но это также и не конкурент, которого надо так или иначе подорвать, вытеснить с рынка; ибо на рынке труда пролетарий постоянно убеждается, что при конкуренции с другими пролетариями он совершенно бессилен против покупателя рабочей силы—капиталиста, и, только действуя заодно с другими, устраняя конкуренцию, может улучшить свое положение. Сотрудничество между пролетариями имеет товарищескую форму: это трудовая поддержка между равными, делающими сознательно общее дело.

Товарищеская форма сотрудничества получает свое начало в мастерской, и развивается дальше в классовых организациях—союзах профессиональных, политических, кооперативных. Там вопросы коллективно обсуждаются и решаются, и личность выполняет общую волю, в выработке которой сама участвовала.

Совершенно понятно, что товарищеское сотрудничество приучает мыслить с точки зрения коллективизма, потому что приучает личность видеть

в себе самой живую частицу коллектива. А коллективистический идеал и есть ничто иное, как расширение товарищеских отношений на все человечество. При этом само собой разумеется необходимость устранить все, что с ними несовместимо: господство одних над другими, личную и классовую разрозненность людей, борьбу рынка и анархию производства.

Отсюда же вытекает «социализм», т.-е. задача — сделать средства производства собственностью всего трудового коллектива. Эта идея тем понятнее для рабочего класса, что технически он «владеет» средствами труда; т.-е. умет их применять — и применяет на деле; но формально он «не владеет» ими, т.-е. они не его собственность, — от чего и зависит эксплуатация.

Можно ли считать, что пролетарская идеология уже вполне сложилась и господствует среди рабочего класса?

— Нет; ее выработка — дело очень долгое и трудное; она идет шаг за шагом, но далеко еще не завершилась. Нередко пролетариат и теперь еще не в состоянии решать особенно трудные и большие задачи жизни со своей, коллективистической точки зрения, и тогда идет за буржуазией, подчиняется ее идеологии. Так было в начале мировой войны, когда большинство рабочих воюющих стран отказалось от международной солидарности, перешло к воинственному патриотизму, иные даже к завоевательному империализму.

Но каждое такое отклонение от своего пути превращается затем для рабочего класса в тяжелый урок, который служит к дальнейшему укреплению и углублению его классового сознания, его идеологии.

Вполне естественно и неизбежно, что ее развитие идет медленно, с большим трудом и колебаниями. Как могло бы быть иначе, если эта

идеология должна послужить сначала орудием организации самого широкого и глубокого во всей истории классового движения, а затем — орудием организации всего человечества в единый и стройный трудовой коллектив.

VI. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ.

а) Научный социализм.

Что называется «социалистическим обществом»?

— Общество, образующее один трудовой коллектив, который планомерно организует производство на основе товарищеского сотрудничества, и который сообща владеет всеми средствами труда.

Были ли где-нибудь на памяти истории такой экономический строй?

— Нет, такого еще не было, и теперь нет. Но есть научные основания полагать, что именно по этому типу будет устроена та общественная организация, которая сменит нынешнюю, капиталистическую.

В чем же заключаются научные основания думать это?

— В установленных исследованиями законах развития самого капитализма. С одной стороны, непрерывно усиливающаяся разными путями концентрация капитала сводит все общественное хозяйство к меньшему и меньшему числу планомерно организованных единиц, приближая его к объединению в одно организованное целое. С другой стороны, растет, усиливается, организуется и культурно возвышается рабочий пролетариат, класс, в среде которого преобладает товарищеская связь, и который не обладает частной собственностью на средства труда, класс, вследствие этого стремящийся к товарищеской организации всего произ-

водства и к уничтожению частной собственности на средства труда. Борьба классов непрерывно обостряется и углубляется. Притом класс капиталистов все в большей мере слагает с себя организаторскую деятельность в производстве на наемных служащих, мало-по-малу превращаясь в класс непроизводительный, общественно-излишний, паразитический. Напротив, значение рабочего класса в производстве возрастает; в своем усложняющемся труде и в практике своих классовых организаций он получает все больше деловой подготовки к руководящей роли в общественном хозяйстве. — Наконец, грозные мировые кризисы, порождаемые анархией нынешнего строя, — прежние мирные кризисы и нынешний военный, — потрясая со страшною силой всю хозяйственную организацию капитализма, подрывают самые его основы.

Все эти процессы ведут жизнь общества в одном направлении — к замене капитализма социалистическим строем.

Что означает выражение „научный социализм“?

— Учение, которое на научных основаниях утверждает необходимость перехода к социалистическому хозяйству.

Долгое время, до половины прошлого века, социализм был учением нравственным, филантропическим. К идее социализма приходили люди, главным образом из интеллигенции, сочувствовавшие пролетариату, но не понимавшие, что социализм может быть осуществлен только самим пролетариатом, его классовой борьбою. Они полагали, что это просто — дело справедливости, и надеялись убедить господствующие классы осуществить его. Это — ненаучный, „утопический“ социализм. Маркс положил начало новой политической экономии изучившей строение общества с точки зрения коллективно-трудовой, пролетарской; при этом он научно показал, что развитие рабочего движения

ведет к социализму. Это учение и есть **научный социализм**.

Если рабочее движение стремится к социализму, т.-е. к передаче средств производства обществу, то как оно относится к крестьянам, ремесленникам — классам трудовым, но обладающим средствами производства в виде частной собственности? И не должны ли эти классы быть враждебны социализму и рабочему движению?

— Рабочее движение направлено против капитала, а не против мелких трудовых хозяйств. Эти хозяйства подрываются именно силою капитала, которая в передовых странах, как Англия, Германия, свела их уже к сравнительно небольшому числу, а в других странах жестоко их закабаляет и истощает торгово-ростовщической эксплуатацией. Таким образом у этих трудовых классов и у рабочего движения враг общий; отсюда нередкие союзы между ними в борьбе против него. Отсюда и то явление, что многие защитники интересов крестьянства приходят к социализму, большей частью не столь решительному и ясному, как рабочий социализм.

При переходе к социализму рабочий класс должен отобрать в пользу общества крупную капиталистическую собственность, но не мелкую трудовую. Ничто не мешает крестьянину, работая на своем участке, выменивать свои продукты на продукты на производство объединенного социалистического хозяйства. Однако, есть все основания ожидать, что он недолго пожелает пользоваться этой возможностью. Слишком очевидны будут для него выгоды участия в гигантском общем хозяйстве, с его высшей производительностью труда, коротким рабочим днем и широким удовлетворением потребностей работников. Следовательно, после короткого переходного периода, мелкие трудовые хозяйства перестанут существовать, до-

бровольно слившись с социалистическим обществом.

Поэтому, рассматривая социалистический строй, нам можно, для простоты, не принимать их во внимание.

Как мы будем изучать разные стороны социалистического строя?

— По тому же самому способу, который указан научным социализмом. Будущий строй должен получиться из нынешнего путем дальнейшего развития. Следовательно, наблюдая, по какому направлению оно идет в той или другой области жизни, и мысленно продолжая эту линию дальше, мы можем составить себе вероятную картину того, что должно получиться в будущем. Разумеется, это только большая вероятность, а не полная достоверность; но таковое вообще научное предвидение; и мы можем удовлетворяться своими выводами, пока у нас нет оснований предполагать, что прогресс жизни человечества прекратится, или что он изменит свое направление.

б) Техника социалистического общества.

Как следует представлять технику производства в эпоху социализма?

— Можно предвидеть, что она будет основана на применении машин, гораздо более могущественных и более высокого типа, чем современные.

В машине вообще различаются три составные части. На одном конце—источник энергии; напр., в обыкновенной швейной машине—сила ручных или ножных мускулов человека, в водяных мельницах—сила текущей или падающей воды, в большинстве нынешних машин—теплота сжигания угля. На другом конце—рабочий инструмент; напр., в швейной машине—игла; в мельнице—жернова, в токарном станке—стамес-

ка, и проч. Все, что находится в промежутке между тем и другим, составляет передаточный механизм: он служит для того, чтобы передавать энергию от источника силы рабочему инструменту, в виде надлежащего движения; сюда принадлежит, напр., котел паровой машины, ее цилиндры, поршни, шатуны, маховые колеса, эксцентрики и т. д. Из этих трех частей особенно намечается для будущего направление развития источников силы и передаточных механизмов.

В каком направлении предвидится развитие источников силы?

— В таком направлении, что все они будут сводиться к одному, именно к электричеству. Оно завоевывает все более важную роль в производстве, и обладает преимуществами, которые должны дать ему полную победу над другими источниками.

Дело в том, что уголь и нефть, которые теперь занимают главное место, не могут долго удерживать его за собою хотя бы потому, что их запасы в земной коре ограничены, и по мере их истощения самое добывание требует все больше труда. Электричество же можно легко получать решительно из всех других сил природы, путем их научно-технического превращения: и из той же химической энергии сжигаемого угля, и из энергии водопадов и всякой текущей воды, даже, напр., при надлежащих приспособлениях, из огромной силы морских приливов, и из непостоянной силы ветра, которую при помощи электрических аккумуляторов возможно собирать и накапливать... В то же время, электричество легко превращается во все другие формы энергии, легко делимо на какие угодно малые части; и найдены способы с малыми потерями передавать его по проволокам на огромные расстояния. Словом, это самая гибкая форма энергии.

Мало того. В настоящее время выяснено, что

всякое вещество в своем основном строении, в своих мельчайших элементах—атомах—заключает неисчерпаемые запасы электрической энергии, в миллионы и миллиарды раз превосходящие все раньше известные нам источники сил. Благодаря исследованиям над радием и подобными ему веществами это вполне доказано теоретически; но на практике еще не найдено способов использовать эти запасы. Нынешнее, разрозненное и враждующее человечество, конечно, и не могло бы вообще справиться с ними, и вероятнее всего, применило бы их для опустошения земли; но человечество объединенное, надо предполагать, найдет пути планомерно овладеть ими.

Во всяком случае, и помимо этого, электрические силы, соединяя в себе гигантское могущество и величайшую гибкость, одне способны дать человечеству истинную власть над природою.

В каком направлении предвидится развитие передаточных механизмов?

— В настоящее время высший тип машин представляют „автоматические“, т.-е. самодействующие, которые выполняют целиком некоторый производственный процесс: им доставляется материал, а они дают готовый продукт, как, напр., булавочные машины. Но намечается тип еще более высокий, саморегулирующийся, не только автоматически действующий, но и автоматически исправляющий нарушение своего хода.

При многих машинах уже теперь существуют различные „регуляторы“, напр., давления пара, силы тока, скорости хода и пр., которые либо механически устраняют нарушение, либо в иных случаях, останавливают машину; также сигнальные приборы, которые извещают работника о том, что дело идет неправильно, и самопишущие приборы, которые на ленте точно отмечают ход машины, и т. д. Но настоящие саморегули-

рующиеся механизмы существуют пока только в военном деле, как подводные движущиеся торпеды, воздушные мины, и т. под. В производстве их еще нет. Это зависит от того, что они не представляют выгоды для капиталистов: сложны и стоят дорого; сберегают некоторое количество рабочей силы, но зато требуют работников более высокой интеллигентности, которым надо дороже платить, и с которыми вообще труднее справляться. При социалистическом хозяйстве все такие соображения отпадают, вопрос о введении новой машины решается не с точки зрения ее прибыльности, а с точки зрения полезности ее в производстве. Тогда должно настать время саморегулирующихся механизмов.

Механическое регулирование позволит довести точность и быстроту работы до несравненно более высокого уровня, чем теперь, когда регулирование ведется при помощи человеческих органов чувств и движения, действующих сравнительно медленно и неточно, подверженных утомлению и ошибкам.

в) Рабочая сила и сотрудничество.

В каком направлении предвидится развитие рабочей силы?

— Машинное производство вообще, как мы видели, ведет к повышению сознательности и однородности рабочей силы. Труд работника исполнителя оно придает, в сущности, организаторский характер: работник „управляет“ машинами, железными рабами, как в прежнее время надсмотрщик управлял живыми рабами, или даже наемными рабочими мануфактуры; основа деятельности та же: внимание, наблюдение, соображение, вмешательство. Этот организаторский характер труда усиливается с прогрессом и усложнением машин, особенно с переходом их к авто-

матическому типу. В ту же сторону должно совершаться дальнейшее развитие, при чем намечаются новые крупнейшие шаги в смысле сознательности и однородности труда.

При машинах саморегулирующихся или приближающихся к такому устройству для работника уже мало простой технической сознательности: он должен обладать точным научно-техническим знанием, чтобы управлять тонкими регуляторами, сравнивать и сопоставлять показания самопишущих или сигнальных приборов, делать надлежащие выводы из них и проч. А такое знание предполагает, конечно, и более широкое, чем прежде, общее образование, значительное повышение культурного уровня.

В настоящее время еще имеется резкое различие между двумя видами труда: научно-техническим или инженерским, основанным на специальных точных знаниях, и „физическим“, или трудом собственно рабочих, в котором однако, значение умственной его стороны все более возрастает. Когда же и труд рабочего будет требовать точных научно-технических знаний, тогда это различие потеряет свою непреходимость: оно сведется к разнице в количестве знаний, в степени общей и специальной подготовки, но не в основном качестве рабочей силы. Работа при саморегулирующихся механизмах по своему характеру весьма близка к инженерской. Это преобразование устранит коренную неоднородность двух видов труда, и тем самым увеличит сплоченность трудового коллектива, сделает невозможным его распад на два класса по различной роли в производстве. Роль „инженера“ сведется к указаниям более знающего и опытного товарища, а не к власти, которой надо только слепо повиноваться, потому что она основывается на совершенно недоступных подчиненному знаниях.

Как следует представлять себе сотрудничество при социальном строе?

— Оно характеризуется, во-первых, полным господством товарищеского типа, во вторых, своей широтой—как сотрудничество мировое, в третьих своей подвижностью, текучестью.

В чем выражается полное господство товарищеской формы сотрудничества?

— Во всем строении общества,—в том, что исчезают все существующие теперь перегородки между людьми. Эти перегородки порождаются специализацией, авторитарным сотрудничеством, противоречиями интересов. Специализация приводит к тому, что кругозор людей ограничен, и опыт их различен, так что между людьми разных специальностей ослаблено взаимное понимание, а с ним и взаимное участие в интересах друг друга: даже в мире науки, если взять, например, математика, ботаника, экономиста, окажется, что они живут совсем разной жизнью, и большей частью очень мало понимают друг друга. То же самое в авторитарном сотрудничестве между властвующими и подчиненными; различие их положения, усиливаясь, часто ведет к тому, что не только прекращается живая связь мысли и чувства, но создается как бы непроходимая пропасть, образованная высокомерием и презрением с одной стороны, страхом и завистью с другой. Наибольшая же масса перегородок между людьми создается социальной борьбой—конкуренцией, враждою классов. Все эти основные причины глубокого раз'единения людей отпадают при социалистической организации.

В трудовом коллективе нет, разумеется, ни экономической конкуренции, потому что нет рынка и обмена товаров, ни классовой борьбы, потому что нет классов. Авторитарное сотрудничество частью просто исчезает, частью совершенно ме-

няет характер. Это уже не власть—подчинение, а нечто другое. Там, где товарищеская организация не может решать все дела общим обсуждением, а избирает распорядителя, самое его право распоряжаться всецело вытекает из общего решения, из доверия остальных к его умению и знанию. Таким образом, если человек и „подчиняется“, то не власти, и в сущности не другому человеку, а общей воле и науке. И в наше время, если, напр., больной подчиняется врачу, назначающему лечение, то не как представителю власти, а как представителю науки; это отнюдь еще не ставит одного человека ниже другого. Притом, тот, кто распоряжается, согласно общей воле, в одних случаях, в то же время, и также согласно общей воле, следует в других случаях распоряжениям, напр., товарища, только что исполнявшего его указания.

Равным образом, и специализация перестает раз'единять людей,—это как мы видели при машинном производстве,—если в самих специальных работах много общего, и они опираются на общие для работников научные основы, на общую культурную подготовку.

Таким образом, все сотрудничество людей проникается живой связью единства интересов и взаимного понимания.

Насколько широки должны быть размеры этого сотрудничества? Будет ли социалистическое хозяйство охватывать, напр., каждую страну отдельно, как нынешнее государство? или рамки его могут быть более узки? или, наоборот, шире этого?

— В отдельной стране, даже очень обширной и богатой, нельзя добыть все необходимое для производства; напр., в Германии не растет хлопок—основа текстильной промышленности, не находится некоторых металлов, необходимых для приготовления машин, очень мало нефти; Англия не может производить для себя достаточно хлеба и

мяса, не имеет тоже хлопка, и проч. Прежде полагали, что социалистическое общество, образовавшись на месте такого государства, сможет получать недостающее путем обмена с другими, хотя еще капиталистическими странами. Теперь выяснилось, что это невозможно. Мировая война показала, что для такого общества не только не был бы обеспечен необходимый обмен с капиталистическими государствами, но не было бы обеспечено и самое существование, которому постоянно угрожала бы опасность от захватных стремлений капитала. Да и помимо того, капитал вряд ли мог бы примириться с переходом отдельной страны к социализму—величайшей угрозой его собственному классовому господству.

Следовательно, социалистическая организация должна охватить сразу, если не весь мир, то, по крайней мере, значительную группу передовых стран, настолько сильную и обширную, чтобы остальные страны, отсталые, не могли даже все вместе быть опасны для нее своей военной силой, или серьезно расстроить ее хозяйство отказом от обмена нужных продуктов. А затем, под влиянием уже осуществленного социализма, и отсталые страны должны весьма быстро перейти к нему,—так что после некоторого периода ускоренного развития и революций новый строй должен объединить весь мир.

Какой центр будет руководить всей этой организацией?

— В едином мировом хозяйстве задача, очевидно, сводится к тому, чтобы целесообразно распределить между отдельными его частями, его, так сказать, предприятиями, все наличные рабочие силы и средства труда. Это—задача научно-статистическая; и значит, центральное учреждение мирового хозяйства должно быть не чем иным, как гигантским научно-статистическим бюро. Оно должно выяснять, сколько в какой отрасли

производства применяется каких рабочих сил, орудий, материалов, должно вычислять и рассчитывать, сколько туда надо еще направить, если там не хватает, и сколько взять оттуда, если есть излишек.

Какая же сила будет приводить в исполнение эти указания научного центра производства?

— Тут надо различать две степени развития. В ранних стадиях социализма, когда в обществе еще сохраняется много членов, принадлежавших прежде к привилегированным или паразитическим группам, неизбежно принуждение, чтобы дисциплинировать эти элементы для общего труда. Когда же трудовой коллектив сложится вполне, и новые поколения воспитаются в нем, тогда всякое принуждение станет излишним. Простое сообщение центра о том, что в таких-то отраслях излишек труда в таком-то размере, а в других—столько-то недостает, будет достаточно, чтобы вызвать некоторый поток работников из первых отраслей во вторые, пока не восстановится равновесие. Ведь даже теперь заявление государства о том, что очень нужны люди для тяжелой и опасной деятельности солдата, защищающего страну, могло вызвать приток добровольцев чуть не миллионами в Англии, в Америке, странах жестокой борьбы общественных групп и классов и весьма сильно развитого индивидуализма. В сплоченном трудовом коллективе желательный приток добровольцев будет совершаться тем легче, потому что там у всех ясно сознание необходимости каждого вида труда для общего благосостояния и развития; кроме того, нет видов труда более почетных и менее почетных, как это кажется людям теперь, когда с различным трудом связано высшее или низшее положение людей в обществе.

При этом возрастающая однородность труда будет чрезвычайно облегчать переход рабочих сил

между отраслями производства, сводя к наименьшей продолжительности время обучения. В эпоху ремесленного строя для полного обучения ремеслу требовались годы, при мануфактурной работе необходимое время свелось к месяцам; теперь оно для рабочего, уже прошедшего известную специальность, часто сводится к неделям; в дальнейшем, при однородной трудовой и культурной подготовке работников, можно ожидать, что срок сократится еще более.

Какой продолжительности рабочего дня следует ожидать при социализме?

— На первых ступенях социализма, пока в нем еще будет сохраняться принудительная дисциплина, должна быть, конечно, установлена законом определенная величина рабочего дня для каждого вида труда, в зависимости от того, насколько он тяжел, сложен, опасен и проч. Так как при планомерной организации не происходит бесплодных растрат энергии, и техника всюду доводится до высшего уровня, какой возможен на данной степени научного знания, а напряженность труда, вместе с культурой работников, успеет значительно повыситься, то можно ожидать, что в общем не потребуется даже 8-часового дня, а меньше, напр., 6, 5 часов. Когда же завершится трудовое воспитание всего общества, тогда исчезнет всякая надобность в обязательном установлении рабочего дня. Труд—потребность нормального человека, которая неизбежно развивается, если ее не подрывает истощение или паразитизм. Наука—физиология, гигиена—будет давать точные указания, при каком количестве какого труда организм лучше всего развивает свои силы; основываясь на этих указаниях, каждый работник коллектива сможет давать обществу наибольшую сумму полезной энергии.

г) Распределение.

Каким образом должно быть организовано социалистическое распределение?

— Так же, как производство, при посредстве научно-статистического центра, путем точных вычислений и расчетов планомерно руководящего всем делом.

По какому правилу или закону должно совершаться это распределение?

— Основной закон распределения для всякого общества, в сущности, один и тот же: каждый член общества, каждое его предприятие должны получать из общественного продукта столько, чтобы они могли выполнять свою роль, свою задачу в системе хозяйства. По этому закону, напр., патриарх распределял продукты в своей общине; по этому же закону при капитализме нормальная оплата рабочей силы сводится к поддержанию полной трудоспособности работника. Но в нынешних условиях, так как общественное хозяйство в целом не организовано планомерно, а идет анархически, то закон распределения действует только в общем и целом, при постоянных отклонениях от него в частных случаях. Если работник не получает платы, достаточной для поддержания трудоспособности, его организм разрушается; если предприятию не удается своевременно приобретать на рынке все нужные средства производства, оно терпит крушение. Сохраняются, выживают те работники или те предприятия, которые в достаточном количестве или в избытке получают все необходимое для выполнения их экономической задачи. При социализме этот закон становится сознательно применяемым, научным правилом распределения продуктов в обществе.

Значит ли это, что каждый работник коллектива получает тогда ровно столько жизненных средств

сколько необходимо для сохранения его трудоспособности?

— Не только для ее сохранения, но и для ее дальнейшего развития, которое, разумеется, в интересах коллектива. Это развитие, заключающееся в физическом укреплении организма и в культурном прогрессе, неизбежно связано с расширением и усложнением потребностей, что и будет приниматься в расчет распределительной организацией.

Не случится ли тогда так, что многие работники будут получать от общества больше, чем давать ему в виде своего труда?

— В социалистическом распределении также надо различать две ступени. Вначале, пока развитие производства еще не очень велико, и сумма продуктов ограничена, а трудовое воспитание коллектива не завершено, распределение должно быть с этим сообразовано и устроено так, чтобы служить средством новой дисциплины; тогда оно основывается на труде: каждый получает для потребления долю продуктов, пропорциональную действительно выполненному им труду. В дальнейшем, когда рост производства сделает излишней тщательную экономию продуктов, а человечество достаточно успеет проникнуться социальным чувством и пониманием трудовой связи, и вопрос о принуждении к труду отпадает, тогда распределение примет характер полной свободы для работника-потребителя: „от каждого по его силам, каждому по его потребностям“.

Злоупотреблений свободой в этом случае нет оснований опасаться; человек, сознающий себя членом великого трудового коллектива, не может не жить его интересами. Кроме того, социалистическое хозяйство — натуральное; человек получает продукты, чтобы потреблять их; никакого личного накопления быть не может, а личное

потребление всегда ограничено. Где нет паразитизма и эксплуатации, там дело распределения глубоко упрощается.

д) Идеология социалистического общества.

Какая основная черта намечается для идеологии будущего общества?

— Коллективизм. Это понятно само собою, раз общество живет, как стройный, сплоченный коллектив, без внутренней борьбы, без противоречия частных интересов. Здесь коллективизм должен получить гораздо более широкое развитие, чем в нынешней идеологии пролетариата, которая складывается все же среди борьбы и противоречий, с трудом выбиваясь из прежних привычек мысли, порожденных всей старой, буржуазной культурой. Человек будет тогда со всей ясностью сознавать свою связь с человечеством, будет жить в полной мере его жизнью.

Какова должна оказаться тогда роль науки?

— Все мышление людей будет неизбежно проникаться научностью, потому что наука будет руководить всей организацией жизни. При этом наука перестанет быть роскошью, доступной избранным, а сделается основой воспитания каждого члена общества, которое станет культурно-однородным.

Рынок и обмен, как мы видели, затемняют в сознании людей трудовую связь, скрывая ее под видимой борьбой; это порождает всяческую неясность и путаницу в понимании жизни общества. Уничтожение рынка и обмена устраняет все это: общественные отношения становятся просты и прозрачны, общественная наука развивается до такой же точности, как науки о природе; и все сознание людей проясняется.

Религии, как мы видели, происходят от автори-

тарного общественного устройства. Живя в условиях власти-подчинения, люди невольно приучаются представлять себе по тому же образцу весь мир,—подчиняют его воображаемым патриархам, или феодалам, или деспотам, или иным властителям, называя их божествами. Ясно, что с исчезновением авторитарной организации, религии останутся без всякой опоры, и быстро отомрут. Наука воцарится безраздельно.

Будет ли тогдашняя идеология прогрессивна, т.-е. проникнута стремлением к развитию?

— Вполне и всецело, именно в силу своей научности. Уже современная наука, вообще весьма прогрессивна; но пока она обрабатывается буржуазными слоями, в одной области—в общественных науках—еще сильны стремления к консерватизму, к оправданию и сохранению существующего; и социалистам теперь приходится бороться с этими стремлениями, вырабатывая новую пролетарскую науку в противовес буржуазной. С устранением буржуазных классов, исчезнет и остаток консервативного духа в общественных науках. Наука станет единой, не-классовой, и ничто не будет противодействовать ее стремлениям к прогрессу.

е) Силы развития при социализме.

Если в нынешнем обществе борьба рыночная и борьба классов суть главные силы, движущие вперед общество, то с уничтожением этих сил не может ли замедлиться или остановиться его развитие?

— Отнюдь нет. В трудовом обществе, где нет паразитизма, весь накапливающийся избыток энергии весь „прибавочный труд“ неизбежно идет на расширение и совершенствование производства, а следовательно, на прогресс общества. Борьба с природою, ведущая от побед к победам, сама заключает в себе величайшую силу развития.

Почему же эта сила развития не действовала таким образом раньше?

— Она, конечно, действовала всегда; но в предыдущие эпохи ее действие подавлялось разными причинами: в первобытную эпоху — крайней слабостью общества, отсутствием прибавочного труда; в патриархальную и феодальную — консерватизмом, свойственным авторитарному сотрудничеству; при капитализме — тем, что классы, пользующиеся прибавочным трудом, т. е. всем избытком общественной энергии, сами своими руками не ведут производства, а только управляют им, — не участвуют в прямой, непосредственной борьбе с природою. Поэтому на первый план и выступают другие силы развития, о которых мы говорили.

При социализме же все общество пользуется всей суммой прибавочного труда, и каждый непосредственно участвует в производстве, в деле борьбы с природою, ее завоевания. Эта борьба и становится могущественным двигателем прогресса, превосходящим все прежние, потому что он действует не через избранное меньшинство, а через целое человечество. И скорость развития должна возрасти в огромной степени. Шаг за шагом, будет достигаться неограниченная власть над природою.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.

Общие понятия.

	Стр.
I. Что такое политическая экономия?	5
II. Производство	10
III. Труд и его продукт	15
IV. Сотрудничество	20
V. Присвоение	24
VI. Сохранение и развитие общества	27
VII. Разделение политической экономии	32
VIII. Приемы экономической науки и ее значение	33

ОТДЕЛ II.

Экономическое развитие.

I. Натуральное хозяйство	38
а) Первобытная община	39
б) Патриархальная община	42
в) Феодальное общество	46
II. Развитие обмена:	
а) Товар вообще	54
б) Ступени или формы обмена	55
в) Деньги	57
III. Меновое хозяйство:	
а) От натурального хозяйства к меновому	60
б) Меновое хозяйство в городах средних веков	64
в) Общие законы обмена	67
IV. Капитализм торговый:	
а) Капитал вообще	71
б) Власть торгового капитала	73
в) Капитал торговый и ростовщический	74

У. Капитализм промышленный:	Стр.
а) Промышленно-капиталистическое предприятие . .	80
б) Техника и сотрудничество в капиталистическом предприятии	83
в) Стоимость рабочей силы.	88
г) Переменный и постоянный капитал и прибавочная стоимость	88
д) Способы увеличивать прибавочную стоимость. . .	93
е) Резервная армия капитала.	97
ж) Заработная плата	98
з) Рабочие организации	100
и) Прибыль и рента	106
к) Кредит	109
л) Акционерные предприятия	114
м) Биржа и спекуляция	117
н) Рост капитала и его концентрация	119
о) Промышленные кризисы	123
п) Синдикаты предпринимателей	126
р) Финансовый капитал	129
с) Капиталистическое государство	136
т) Налоги и займы	139
у) Militarизм и империализм	142
ф) Мировой военный кризис	144
х) Государственный капитализм	147
ц) Идеология буржуазных классов	150
ч) Идеология пролетариата.	155

VI. Социалистический строй:	
а) Научный социализм	169
б) Техника социалистического общества	162
в) Рабочая сила и сотрудничество	165
г) Распределение.	172
д) Идеология социалистического общества.	174
е) Силы развития при социализме.	175